

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 2 | № 2
Volume 2 |

СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-55674 от 28 октября 2013 г.
включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ
Mass media registration certificate El. № FS 77-55674 of October 28, 2013
Included into bibliographic database of scientific publications registered in the Russian Science Citation Index

Том 2, №2. 2016

**СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
Издается с 2014 г.
ISSN 2409-1634

Volume 2, № 2. 2016

**ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL**
First published online: 2014
ISSN 2409-1634

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шмигирилова Л. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Буданов В. Г., кандидат физико-математических наук, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии Российской академии наук, Россия.

Бубенко П. Т., доктор экономических наук, профессор, директор СВНЦ НАН и МОН Украины, член-корреспондент Академии экономических наук Украины, Украина.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинювич В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, зав. кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova E. M., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мchedlova M. M., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории администрации при президенте республики Беларусь, Беларусь.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Патрик Э. И., доктор технических наук, профессор, председатель правления международной Академии управления и технологий INTAMT, Германия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Боснии и Герцеговины.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisislenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University.

Larissa Shmigirilova, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Deputy director of international activity, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

CONSULTING EDITORS:

Gulnara Abdiraïymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Milko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Budanov, Candidate of Physico-mathematical Sciences, Doctor of philosophical sciences, Associate professor, Senior Research Scientist of Центра Transdisciplinary problems of scientific and technical development, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences, Russia.

Peter Bubenko, Doctor of Economics, Professor, Director of North-West Scientific Center National Academy of Science and Ministry of Education and Science of Ukraine, Associate Member of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Ukraine.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor, University of Niš, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Novikova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Belarus.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Edward Patrik, Doctor of Engineering Science, Professor, chief executive officer of International Academy of Management and Technology INTAMT, Germany.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА
ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

Радулович Л., Благоевич М., Народная религиозность и православие в современной Сербии **3**

Лебедев С.Д., Истомин А.Г.,
Гущина В.В. Локальная идентичность жителей города Белгорода (По материалам количественного исследования) **15**

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ
ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Маркина И.В. Основы семейной политики в реляционной социологии Пьерпаоло Донати **27**

Олейников А.А. Постмодернизм как философская основа западной системы вузовского образования (К вопросу о необходимости создания евразийской экономической теории и теории национального хозяйства) **39**

Шмарион Ю.В., Болд Ганчимэг
Проблемы этнокультурной коммуникации иностранных студентов в региональном ВУЗе **46**

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Шапвалова И.С. Интернет-пространство как среда (ре)конструирования ценностно-смысловых паттернов России **52**

Шмарион Ю.В., Нарбаев Д.Ю.,
Благинин В.С. Социально-технологический подход к процессу формирования здорового образа жизни населения **62**

CONTENTS

SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE

L. Radulovic, M. Blagojevic People's piety and orthodoxy in modern Serbia **3**

S.D. Lebedev, A.G. Istomin, V.V. Guschina
The local identity of people living in the city of Belgorod (Based on the materials of a quantitative research) **15**

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES

I.V. Markina Fundamentals of family policy in the relational sociology by Pierpaolo Donati **27**

A.A. Oleynikov Postmodernism as a philosophical basis of the western system of higher education (The question on necessity of creation of the eurasian economic theory and the theory of national economy) **39**

Yu.V. Shmarion, Ganchimeg Bold
Ethno-cultural communication problems of foreign students in regional high school **46**

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES

I.S. Shapovalova Internet space as a medium for (re)constructing Russian axiological patterns **52**

Yu.V. Shmarion, D.Yu. Narbaev,
V.S. Blagin The socio-technological approach to the formation of a healthy lifestyle **62**

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE**

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-3-14

Радулович Л.¹⁾
Благоевич М.²⁾

**НАРОДНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ И ПРАВОСЛАВИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ СЕРБИИ**

1) профессор Философского факультета Университета Белграда, ул. Чика Любина, дом 18-20, Белград, 11000, Сербия
Электронный адрес: lradulov@f.bg.ac.rs

2) ведущий научный сотрудник, руководитель Форума по религиозным вопросам (FOREL). Институт Общественных наук, ул. Кралице Наталие, дом 45, Белград, 11000, Сербия. Электронный адрес: blagomil91@sbb.rs

Аннотация. В данной работе изложены основные характеристики религии и религиозности в культуре современной Сербии. Обновление традиционной религиозной культуры обусловлено социальными и политическими изменениями, которые привели к сакрализации публичной жизни и политики, к повышению влияния национальных религий в общественной жизни Сербии и республик бывшей Югославии. Ревитализация официального православия – это процесс, который протекает параллельно с оживлением народного православия и народной религиозности. Преобладание одного над другим зависит от ряда факторов, социальных и политических обстоятельств, а также культурных предпочтений. Восприятие и интерпретация идей православной церкви приближены к каноническим в среде воцерковленных верующих, в то время как большинство «формальных» верующих своеобразно понимают и толкуют православное учение, церковные обрядовые правила, моральные нормы и значение религии в повседневной жизни.

Ключевые слова: народная религиозность; народное православие; религиозная традиция; ревитализация религии; религиозный синкретизм.

Radulovic L.¹⁾
Blagojevic M.²⁾

PEOPLE'S PIETY AND ORTHODOXY IN MODERN SERBIA

1) Professor, University of Belgrade, Faculty of Philosophy. 18-20 Cika Ljubina Str., Belgrade 11000, Serbia
E-mail: lradulov@f.bg.ac.rs

2) Senior Researcher, Institute of Social Sciences. 45 Kraljice Natalije Str., Belgrade 11000, Serbia
E-mail: blagomil91@sbb.rs

Abstract. This paper elaborates on basic features of religion and religiousness in the modern culture of Serbia. Revival of traditional religious culture depends on social and political changes which resulted in sacralization of the public life and politics, greater influence of national religions in the public life of Serbia and the republics of former Yugoslavia. Revival of the official Orthodoxy is a process which flows parallel to the revival of people's Orthodoxy and people's piety, the supremacy of one over the other depends on several factors, social and political circumstances, as well as cultural preferences. Reception and interpretation of messages of the Orthodox Church mirror in the convergence of devoted believers and ecclesiastical Orthodoxy, while the majority of declarative believers adopt, understand and interpret in their own manner the Orthodox teaching, ecclesiastical rules of ritual behaviour, Orthodox moral norms and significance of religion in everyday life.

Key words: people's piety; people's Orthodoxy; religious tradition; revival of religion; religious syncretism.

Ревитализация религии в публичной сфере.
Ревитализация официального православия –
это процесс, который протекает параллельно с

ревитализацией народного православия.
Преобладание одного над другим зависит от ряда
факторов, социальных и политических

обстоятельств, равно как и культурных предпочтений. Процесс возрождения православия в наибольшей степени выражен в публичной сфере, в то время как в широких слоях населения он проявляется в различных формах в менее заметной приватной сфере. Публичная политика, с помощью которой государство стимулирует или ведет пропаганду массового оживления религиозности, подразумевает, например: введение конфессиональных предметов в государственную образовательную систему; сооружение культовых объектов, согласно разрешениям, в наиболее привлекательных местах; провозглашение религиозных праздников в качестве государственных, а также их публичное проведение при поддержке

политических структур, создание в этом контексте огромного пространства медиа и подчеркивание религиозного, а зачастую и национального православно-сербского измерения праздника в ущерб социально-культурологическому. В переписи населения 2011 г. о своей принадлежности православию высказались 84,59% граждан, католицизму – 4,96%. Последователи ислама составляют 3,10%, протестантизма 0,99%. Конфессиональная принадлежность не равнозначна религиозному самоопределению, что в данной переписи опрашиваемым не разъяснили, раз в 94,37% случаев они высказали свою принадлежность конфессиям.

Таблица

Динамика конфессиональной принадлежности

Table

Dynamics of affiliation

Конфессия и год переписи населения	1991	2002	2011
Итого	7 759 571	7 498 001	7 186 862
Христианство	6 931 527	6 876 279	6 555 931
Православие	6 347 026	6 371 584	6 079 396
Католицизм	496 226	410 976	356 957
Протестантизм	86 894	78 646	71 284
Другие христианские деноминации	1 381	2 191	3 211
Ислам	224 120	239 658	222 828
Иудаизм	740	785	578
Восточные религии		240	1 237
Другие	13 982	66 49	1 776
Агностики			4 010
Неверующие (атеисты)	159 642	40 068	80 053
Не высказались		197 031	220 735
Неизвестно	429 560	137 291	99 714

Источник: [16]

После получения схожих результатов в переписи 2002 г. (см. таблицу с полными числами) в публичное пространство на обсуждение был вынесен вопрос о политике переписи и тех изменениях, которые необходимо предпринять в предстоящем исследовании 2011 г. Отдельные общественные организации и группы граждан, например, движение «Атеисты Сербии», как и те организации, которые поддерживают светский характер государства, указывали на то, что содержание опросников было построено необъективно, а в исследовании участвовали необученные переписчики, которые «вынуждали» граждан изъясняться по вопросу вероисповедания или же сами заполняли в бланках конфессиональную принадлежность на основе этнической принадлежности опрашиваемых [22]. Предпринятая «Атеистами Сербии» кампания под

названием «Если ты не религиозен, ради Бога, скажи об этом», должна была подтолкнуть нерелигиозных граждан к предотвращению отождествления их этнической идентичности и религиозной, особенно конфессиональной. В результате переписи 2011 г. 95 % граждан высказались о принадлежности к определенному вероисповеданию. Исходя из этой стабильной цифры в государственном бюджете в процентном соотношении выделяются средства на различные нужды, а именно: религиозное образование, среднее теологическое образование, высшее теологическое образование, сооружение и реконструкцию храмов, помощь священству и монашеству в Косово и Метохии, помощь в выплате взносов за пенсионное и медицинское страхование священников и т.д. [23].

Строительство и реставрация церквей всех вероисповеданий (пропорционально числу верующих), осуществляемое на средства верующих, также время от времени становится предметом общественных дискуссий. За последние 20 лет Сербская православная церковь реконструировала и воздвигла 500 новых храмов, из числа которых 200 зданий располагаются на территории Сербии, а около 100 находятся в процессе строительства [24]. Наиболее раздраженная реакция в общественном мнении последовала после распоряжения Правительства Сербии от 11 января 2006 г., на основании которого вводилась доплата почтовая марка, средства от продажи которой предназначались для сооружения храма св. Савы. Несмотря на неоспоримую культурную и архитектурную значимость храма, это введение оценили как противозаконное, а многие граждане охарактеризовали ее как своеобразный вид церковного налога, который в демократическом и светском государстве обязаны платить не все граждане, но лишь те, кто позиционирует себя последователем православной конфессии [25]. Возникая на наших глазах и тем самым представляя «публичное лицо» религии, церковное строительство становится особым явлением в постсоциалистической Сербии. Богато оформленные церковные здания строятся и в неблагополучных общинах, что предполагает обсуждение различных культурологических и социологических аспектов, внимание которым в публичной сфере практически не уделяется. Между тем, принимая во внимание результаты исследований, которые показывают, что число верующих, регулярно посещающих церкви, ничтожно мало, можно поставить следующий вопрос: для кого тогда строятся храмы? Согласно данным одного из социологических исследований религиозности в Сербии (2010), воскресную службу (мессу; субботную службу; пятничную молитву; шаббат) до двух раз в месяц разово посещают лишь 8% верующих; в Белграде, например, 22% [17, с. 28]. Очевидно, что существующее число культовых сооружений не соответствует действительным нуждам верующих. В архитектурном плане церковное строительство не ориентируется на нужды верующих и не приспосабливается к эпохе, но сводится к воспроизведению средневекового стиля, беря за образец монастыри Грачаница и Студеница. Монументальный стиль новых церквей нередко страдает безвкусицей и становится предметом состязания между

отдельными спонсорами, хотя основным инвестором в строительстве является СПЦ, поскольку строительство подтверждается обязательным благословением епископа епархии. Некоторые церкви в ходе реконструкции приобретают доминирующий византийский стиль, другие строения дополняются куполами, хотя купола не являются обязательным элементом в церковной архитектуре, например, Соборная церковь в Белграде [26].

«Публичное лицо» возрождающейся религии и государства, которое, согласно общественному мнению, подвержено процессу де-секуляризации, отражено и в «Законе о церквях и религиозных организациях», который вступил в силу в 2006 г. По мнению некоторых аналитиков, отдельные формулировки закона являются спорными и неточными, прежде всего в отношении выделения двух групп религиозных организаций, где одна включает традиционные религии и конфессии, а другая, иные религиозные организации. Существующая дифференциация подвергается критике и считается дискриминационной. Так, организации, представляющие 7 традиционных религий, входящих в первую группу, обладают правом участвовать в религиозном образовании в средних школах. Им также предоставлена автоматическая регистрация на основании правовой преемственности в соответствии с предыдущими законами. Для другой группы предусмотрена усложненная процедура регистрации [20, с. 115]. Согласно новому докладу Министерства религии и диаспоры (2012 г.), в течение предыдущих двух лет в Регистр церквей и религиозных объединений вписаны: Свободная церковь Белграда, Свидетели Иеговы – христианская деноминация, Заветная Сионистская церковь, Уния Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня реформационного движения и Протестантская евангелическая церковь «Духовный центр в Лесковце». Начиная с 2010 г., 10 запросов о признании статуса религиозного объединения получили отказ на основании процессуальных недочетов, один отказ последовал в связи с финансовыми погрешностями. В академической среде сложилось мнение, что СПЦ обладает привилегированным положением по сравнению с другими традиционными религиозными объединениями, так как Закон на практике репрезентирует известную поддержку СПЦ [20, с. 116]. Неточно сформулированные положения, которые оставляют пространство для толкования и предоставляют государству возможность влияния при воплощении правовых

церковных решений и вердиктов, являются предметом споров.

Привилегированный статус традиционных религиозных объединений, а особенно СПЦ, воздействует на формирование религиозного плюрализма и свободное развитие религиозного рынка. Де-юре в Сербии господствует плюрализм, о чем свидетельствует число признанных и недавно зарегистрированных церквей и религиозных объединений; де-факто существуют многочисленные показатели, свидетельствующие о монополизации СПЦ религиозной сцены. Опираясь на понятие из словаря теории рационального выбора, которая вводит концепцию «религиозной экономики» и предлагает исключение понятия секуляризации из теоретического дискурса как идеологически нагруженное и полемическое, не обладающее теоретическим значением, способность одного религиозного объединения (организации) монополизировать религиозную экономику зависит от степени, в которой государство использует различные механизмы для ее регулирования [18, с. 231].

Является ли, следовательно, ревитализация религиозности граждан увеличенным спросом, отражением увеличения активности религиозных организаций, которую им обеспечивает государство, и специфических социальных, экономических и политических возможностей в контексте переходного периода и постсоциализма? Рынок религиозных идей на просторах бывшей Югославии в период до военных конфликтов, а также, начиная с девяностых годов и вплоть до наших дней, следовало бы рассматривать как единственный религиозный рынок, на котором в рамках формирующихся государств монополии приобретают национальные религии, но в то же время конкурентоспособными выступают и другие религии, обладающие национальной коннотацией, или альтернативные религии и религии-меньшинства. В этом контексте значительное влияние на религиозный рынок в Сербии также оказывают другие политические и экономические региональные факторы. Монополия, поддерживаемая государством, и как результат привилегированное положение СПЦ, обеспечили сакрализацию публичной и политической жизни. Конкурирующие религиозные организации и фирмы в свою очередь также отвечают сакрализацией своей национальной принадлежности. Вместе с тем, как видится, параллельно осуществляется сакрализация нерелигиозных институций: в светское школьное

образование вводятся конфессиональные предметы в соответствии с признанными религиозными организациями; институт семьи приобретает сакральные коннотации; сакрализация религиозных символов переносится и на другие жизненные сферы, что особенно выражено для части приверженцев мусульманского сообщества. Сакрализация публичной сферы благодаря организации торжеств по случаю религиозных праздников, похорон общественных деятелей, а также других религиозных манифестаций и празднеств привлекает и объединяет большое число граждан, тогда как на повседневных, даже воскресных службах церкви остаются полупустыми или же совсем пустыми. Как объяснить успех СПЦ, крупной религиозной организации, в мобилизации массового выражения религиозности граждан Сербии в прошедшее десятилетие, если на мгновение отодвинуть на задний план один из важных факторов, а именно религиозный и национальный конформизм?

Примеры сакрализации публичной политики в Сербии, начиная с 90-х гг. XX века, многочисленны: сакрализация войны и нации, введение конфессиональных дисциплин в школьное образование, прославление дня св. Савы и других праздников по церковным канонам в классах и амфитеатрах, присутствие политиков в первых рядах на церковных торжествах и литургиях, а также священников на светских, государственных мероприятиях и т.д. Сакрализация общественной сферы и политики – процесс, который представляется неизбежным на конкурентном рынке «национальных религий», в данном случае «исторически признаваемых конфессий на просторах бывшей Югославии и Сербии». В то же время следовало бы отметить, что в последнее десятилетие для части церковной иерархии и ряда духовных авторитетов стало очевидно, что национальной идеологии более не достаточно для сохранения положения на религиозном рынке. Оживлению участия верующих в церковной жизни способствует социальная и гуманитарная деятельность, а также забота о «спасении» индивидов от новых религиозных течений [13, с. 414, 416].

Традиционная религиозная культура, народное православие vs официальное православие.

В социалистический период религия была помещена в сферу приватного. Для тех, кто не состоял в коммунистической партии, выражение религиозности было возможно, но не выходило за пределы круга семьи или церкви, в то время как

общественное влияние православия было ограничено. В это время народная религиозность, народное православие, традиционные обряды и верования заменяются социалистическими торжествами. Как результат, многие религиозные (конфессиональные) обряды профанизируются и сводятся к почитанию культурных традиций, и в этом контексте со временем приобретают редуцированную форму. Вместе с тем данный период отличается распространением народной религии с развитой ритуалистической компонентой, о чем свидетельствуют и многочисленные этнологические исследования. Таким образом, оживление православия, начатое в Сербии в 80-е гг., в наименьшей мере происходило в форме церковного православия. Данный аспект детально рассматривается в работах Душана Бандича [1, 3, 4]. Его концепция народного православия, которое в области религиозного мышления отличается обособленностью от церковного православия, а в сфере религиозного поведения проявляется как его ненормативная, неконфессиональная форма, и в настоящее время актуальна и представляет собой самое емкое изложение отношения к религии, которое наблюдается у большой доли граждан Сербии, полагающих себя религиозными. Восприятие и интерпретация предписаний православной церкви также подвержены изменениям. Для отдельных категорий граждан, «посвященных» верующих, они отражаются в сближении с церковным православием, тогда как большинство формальных верующих в повседневной жизни понимают и интерпретируют православное учение, церковные обрядовые правила, православные нормы морали и суть религии вообще в своеобразной, специфической форме. Народное православие, наблюдаемое среди граждан Сербии, можно было бы описать метафорой, предложенной Грейс Дэви «believing without belonging». Вместе с тем, когда речь заходит о специфике, возникающей в измененных в течение последних двух десятилетий социальных и политических контекстах, корректнее использовать формулировку «принадлежность без веры» [5, с. 53]. Иначе говоря, присутствует значительная разница между теми, кто исповедует ту или иную конфессию и теми, кто лишь заявляет о своей религиозности, и таким образом, формально принадлежа православной конфессии, не исповедуют веру. В этом контексте упомянем еще одно известное наблюдение: в понимании верующих конфессиональная принадлежность и личная религиозность не являются непосредственно взаимосвязанными явлениями. Научные

исследования показывают, что число конфессиональных верующих выше, нежели религиозных. Для большинства граждан конфессиональная принадлежность объединяется с культурной традицией и этнической идентичностью, и поэтому возможным становится самоопределение в качестве неверующего православного или православного атеиста и агностика.

Традиционная религиозность в контексте ревитализации религии в Сербии представлена в ритуализированной форме и выражена в следовании традиционным обрядам, частично включающим в себя элементы церковной религиозности и религиозной практики, а также другим формам нецерковной религиозности. Мы уже отмечали, что для социалистического периода в бывшей Югославии также была характерна так называемая обрядовая или ритуализированная религиозность. В это время преобладала связь с православием как традиционной культурой, что выражалось на обрядовом уровне. Этнологические и антропологические исследования показывают, что народная религиозность и народное православие содержали, особенно в сельской местности, свои традиционные черты, независимые от официального православия, ввиду того что СПЦ, ослабленная в этот период, по известным причинам не могла значительно распространять свое влияние в народе. В течение постсоциалистического периода участие сообщества в религиозной жизни в традиционной форме претерпело значительные перемены.

Исходя из указанных особенностей религиозности в эти периоды, среди прочих индикаторов в социологические исследования включаются также индикаторы участия в традиционных обрядах, которые выступают в качестве релевантного доказательного материала, свидетельствующего о религиозных переменах [6, с. 257] в связи с массовым обращением к данной практике. Несомненно, что в происходящих изменениях решающую роль играла и общественно-политическая ситуация, которая способствовала укреплению национальной идентичности на основе религиозного самоопределения.

Отдельные авторы в своих исследованиях исходят из различия обрядовых практик как показателей традиционных форм религиозности и так называемых актуальных форм религиозности, которые подразумевают такие ритуальные действия, как посещение литургии, причастие,

исповедь, молитва, пост, посещение занятий по конфессиональным дисциплинам или самостоятельное получение религиозного образования с использованием популярной богословской литературы и периодических изданий; выделение пожертвований церкви и участие в ее жизни. Индикаторы традиционной формы религиозности, такие как крещение, венчание, похороны, празднование Славы, воздержание от работы и отмечание религиозных праздников, использование религиозной символики часто носят характер конформизма, и в таком случае становится сложнее установить религиозную мотивацию. Несмотря на это, данные индикаторы не следует опускать в ходе исследования ревитализации религии [6, с. 257]. С другой стороны, перечисленные выше показатели воцерковления менее подвержены конформизму, поскольку не включены в ряд культурных паттернов. А ввиду того, что речь идет о сакральных действиях, возобновление практик, предписанных церковными нормами, могло бы вернее указать на процесс оживления религии в широких масштабах [6, с. 527].

Критерий укрепления религиозности во многих социологических исследованиях непосредственно связан с оценкой актуальной практики религии, что в большинстве случаев подразумевает исследование воцерковленности. В этом контексте низкие показатели возвращения к религии и церкви приводятся в отдельных исследованиях для выявления процесса квази-ревитализации религии, ведь лишь немногие из тех, кто обозначают себя верующими, регулярно присутствуют на богослужениях (регулярно 9,8%; от одного до двух раз в течение месяца – 7,3 %); в целом они редко посещают церковь и читают молитвы, а также постятся по большим праздникам, исповедуются и причащаются [17]. «Европейское исследование ценностей» 2008 года, впервые проведенное в Сербии, показало один неожиданный и проблематичный результат, противоречащий другим исследованиям, а именно очень низкий уровень посещаемости церкви (1,6% опрошенных посещают церковь более одного раза в неделю, тогда как самый высокий показатель – на религиозные праздники – 34%). Православными верующими Сербии, даже теми, которых мы могли бы назвать воцерковленными, большая значимость придается паломничеству, нежели присутствию на воскресной службе, а также вере в святых, Богородицу, чудо и чудесные события и поклонение им – чем изучению и следованию

православной догматике и каноническим положениям. «Народное православие» служит концептом, который поднимает вопрос о существовании воцерковленного верующего, ведь и восприятие церковности в ритуальной форме преобразовано в народное восприятие и интерпретации, в которых церковное учение, канонические правила и положения принимают условный характер. Исследования показывают, что православные верующие в Сербии, или «обрядовые верующие», как они обозначались в ранних исследованиях, являются действительными верующими, которые массово посещают церковь во время больших праздников. Когда речь идет о регулярном посещении церковных служб, то чрезвычайно слабый отклик, как мы полагаем, отражает измененную картину религиозности. Данное явление не объясняется, как было принято ранее, снижением религиозности. Следовательно, оно указывает на изменения в типе религиозности, который более отвечает современному человеку. Налетова и Томка полагают, что критерий посещаемости церкви не может применяться по отношению к православным верующим. Регулярное присутствие на богослужениях в православии не является обязательным, как бы того ни хотело священство, и не входит в привычку верующих. Налетова отмечает значительное присутствие верующих на праздниках в течение года, в связи с чем критерий воскресного и месячного присутствия не может равнозначно применяться при анализе религиозности среди православных верующих [14]. В Сербии процент тех, кто посещает церковь во время праздников, намного больше, чем процент тех, кто посещает ее в течение месяца. Налетова аргументированно сравнивает результаты исследования с данными по католическим странам, таким как Польша и Хорватия, где процент посещения верующими церкви в течение месяца значительно превосходит процент посещаемости в течение праздников. В этом контексте исследователь обращает внимание на необходимость гибкого применения индикаторов религиозности при изучении православных сообществ. В этом смысле специфика православных верующих в Сербии заключается в участии в религиозных праздниках в церквях и монастырях. Мы наблюдаем, что в этой сфере оживление религии в Сербии проявляется наиболее выражено, о чем свидетельствует массовое посещение святынь и выстраивание многокилометровых очередей перед церковью св. Пятницы в Калемегдане

(Белград) или перед другими церквями за святой водой.

Таким образом, разовое еженедельное посещение церкви по воскресным дням, что официально является нормой в православии, противоречит практике большинства верующих. Похожая ситуация наблюдается и в других православных странах, и отдельные ученые примыкают к позиции, что православными верующими считаются те, кто таковыми себя определяют, так как принадлежность к православию базируется на определении, а не на соблюдении формальных ритуалов и практики [19, с. 259]. Принимая во внимание особенности православия, полагаем, что отсутствие какого-либо более точного критерия в определении религиозности позволило бы включить в эту группу всех номинальных верующих или уподобить религиозность конфессиональному самоопределению. Отправление православной обрядности, преобладающее посещение церкви во время праздников является частью традиционной народной культуры, и в этом контексте не может рассматриваться как наиболее релевантный показатель религиозности. Религиозная практика – признак внешней религиозности и может служить критерием верности традиции и обычаям, а не выражением внутренней религиозной убежденности и существующего религиозного опыта.

По сравнению с периодом социализма, увеличилось и число воцерковленных верующих. Они регулярно посещают богослужения и участвуют во всех сферах религиозной жизни. Их корректнее называть «посвященными» верующими, так как они лучше осведомлены в вопросах вероучения и культа. Им известно, каким значением обладает богослужение как воспроизведение Священного Писания, диалог между священником и верующим, который совершается перед самим Богом; у них есть знание церковных интерпретаций и объяснений иконографии, символики литургии и всех церковных обрядов. Они отмечают традиционные праздники, следуя церковным правилам, например, в ходе празднования славы, освящения обрядового хлеба (колач) в церкви и т. д.

В процессе ревитализации религии наибольшую роль играет смена отношения к ней, когда формальный или номинальный последователь религиозной традиции преобразуется в верующего, который интенсивнее участвует в религиозной практике, и когда религиозное мировоззрение существенно

влияет на его повседневную жизнь. Трансформация атеистической ориентации в теистическую также является значимым видом конверсии в постсоциалистический период. Первичным и самым распространенным является переход человека из состояния безверия в веру. Под конверсией, превращением, обращением обычно подразумевается процесс, в котором человек принимает определенную религиозную, философскую или политическую доктрину (учение), которая ранее ему была неизвестна или которая не представляла собой его мировоззренческой основы [11, с. 20]. Религиозная конверсия для части верующих является следствием кризисных ситуаций в их жизни: болезни, трагических событий в семье, чаще всего внезапной смерти, тяжелых эмоциональных переживаний, финансовых сложностей, чувства неудовлетворенности.

Как мы уже упоминалось, в сельской среде возрождаются коллективные обряды: Заветина и церковная Слава. Возвращение к празднованию многих сельских и церковных празднеств, а также великих христианских праздников, участие в которых принимает большое число верующих, несомненно, является показателем возрождения народной религиозности, народной интерпретации православия, которая обусловлена совокупным общественным, политическим и экономическим контекстом постсоциализма. Традиционные торжества, даже если и должны были бы включать в себя явственную религиозную составляющую, и далее находятся в тени социальной коннотации праздника, связаны с семейным единением, возрождением и скреплением общественных связей, как и свидетельством конфессиональной принадлежности. Праздничный поход в церковь удовлетворяет некоторым нерелигиозным потребностям. В настоящее время церковь становится местом семейных встреч, вечерних выходов, представлений и спектаклей. С другой стороны, учащение празднования великих христианских праздников теми, кто заявляет о своей приверженности православию, зачастую имеет национальную и светскую сторону. Отмечание религиозных праздников по сравнению с другими индикаторами религиозности в большей степени сохранялось в период социализма. На это указывают исследования Джорджевича, согласно которым свое участие в торжествах в 80-е гг. подтвердили 57,9% опрошенных [9]. Исследования показывают, что в начале 90-х гг. прошлого века праздники справляли 93,3% респондентов [5, с. 59], что позволяет говорить об

известной степени оживления данной практики. Таким образом, резкий скачок в этом процессе наблюдается с 90-х гг., и в особенности с начала военных действий на территории бывшей Югославии. Регулярные празднования сохраняются и по сей день. Отметим, что наибольшее значение придается Рождеству и Пасхе, что связано с их социальной ролью. По случаю этих радостных праздников вся семья собирается за столом, в теплой атмосфере, что развивает и укрепляет гармоничные отношения и связи. Конец 80-х гг., а особенно период 90-х гг. отмечаются оживлением в отправлении семейной Славы. Тот факт, что данному обычаю следует более 90 процентов граждан, говорит об укреплении национальной, родовой и личной идентичности. Семейная Слава представляет собой символический капитал, который передается в ряду поколений, но в современном культурном контексте приобретает особую ценность, интегрируя индивида в общество. Таким образом, под влиянием доминирующей культуры потребления конструируются различные модели религиозных праздников.

Верования и обряды большей части верующих отличаются непоследовательностью. Даже в воцерковленной среде наблюдается синкретизм православия и нехристианских поверий и практик. Вера в магию, особенно черную магию, в возможность, прибегая к ней, нанести зло или достичь желаемого, как и вера в излечение благодаря гаданию и ворожбе – значимые элементы традиционной народной религиозности и обрядности.

Во множестве сел, например, области Княжево реставрированы сельские церкви, а инициаторами реставрации по большей части выступали практикующие верующие, индивиды, которые видят в этом возрождение и сохранение культурного наследия. Активное участие принимали и успешные бизнесмены [16]. Сбор средств и личная агитация на участие в восстановлении воспринимается ими как призыв, который значит для них не только возвращение к вере, но и то, что именно они избраны для этой «священной» обязанности.

Феномен воцерковленных верующих, которые почувствовали призыв от Бога, является примером опосредованной коммуникации, которая их обязывает служить Богу, что принимает различную форму: восстановление и поддержание церквей, локальных святых мест (заветных крестов), следование церковным праздникам (литии) и освящение крестов, посвященных святым-защитникам. Оживление этого аспекта в контексте

народной православной традиции позволяет трансформировать историческую и культурную память маленькой сельской общины в религиозном ключе, а именно включая представления о чудесной мощи святых в существующую объяснительную модель. Создаваемые вторичные интерпретации содержат и нехристианские элементы или их христианизированные вариации в рамках верований и лечебных, целительных практик.

В обновлении сельской религиозной жизни и далее участвует меньшинство, особенно это касается опустошенных в результате урбанизации сел с преимущественно пожилым населением. Культурная традиция локального сообщества празднования сельских Слав, Заветины и праздников, посвященных отдельным святым, в данной среде начала возрождаться, начиная с 90-х гг. Принимая во внимание контекст трудовой миграции, указанные коллективные обряды представляют собой образец обновления социальной и культурной памяти. Совместное (семейное и общесельское) отправление обрядов на время воссоединяет семьи и возрождает чувство единения и сопричастности общей культурной традиции.

Религиозность, основанная на вере в чудо, по сравнению с другими формами религиозности на данном этапе обладает своими особенностями. В значительной степени она представляет собой выражение пробуждения народного православия, народной интерпретации чуда, которая отличается от библейской и канонической. В первую очередь чудеса должны приводить людей к вере, чтобы те поверили в спасительную силу Бога, который действует через Иисуса Христа, а позднее и через святых своих „посланников“ в земном мире. Для народного православия характерно фольклорное восприятие и интерпретация учения православной церкви, поклонение святым и Богородице, которое в действительности, исходя из ритуальной практики и верований, принимает большее значение, нежели почитание Бога [4, с. 11-12]. Между тем, согласно христианским канонам, чудеса, которые приписываются святым, не выдаются за их личные заслуги, но истолковываются символически как прямая или протянутая рука Бога как спасителя. С церковной точки зрения «новые чудеса» редко интерпретируются как божественные знамения, вернее, церковь чаще всего не прибегает к объяснениям, соответствуют ли они божественным знамениям. В этом контексте известен пример Меджугорья и наблюдения явления Богородицы. Несмотря на десятилетиями

ведущие дискуссии, католическая церковь все еще не признала или не приняла чудеса, которые будто бы там случаются. Явление мироточения икон в православии подтверждается епископом. Он свидетельствует о подлинности мира – бесцветного масла с приятным запахом. В аспекте христианства чудо как знак божественной деятельности тесно связано с сюжетами жития святых, и на практике является одним из условий канонизации, особенно, когда некто провозглашает себя святым. В свою очередь народная религиозность чаще трактует чудесные явления как заслуги самих святых и Богородицы. Отметим, что практика почитания святых оформляется и вне процесса официальной церковной канонизации. Так, церковь не противится недавнему появлению Патриарха Павла с нимбом святого в алтаре храма св. Дмитрия на севере Косовской Митровицы, как и на фресках в храмах Австралии. Народная религиозность, выраженная в молитвах, почитании икон и Крестной Славы, связана с отдельными святыми и Богородицей. Данная практика в настоящее время нередко встречается в православии: верующие провозглашают святым какую-то известную личность, и канонизация происходит несколькими годами позже. В качестве примеров можно упомянуть недавнюю канонизацию Владыки Николая Велимировича и Юстина Поповича. Не вдаваясь в политическую подоплеку подобного рода реабилитации и канонизации, несомненно, что многими верующими они воспринимались святыми и до канонизации.

Оживление религии, особенно народной религиозности, с 90-х гг. XX века часто мотивировано личным переживанием чуда, в том смысле, что отвечает потребности в религии как ближайшем источнике утешения, которая приобретает новую социальную функцию – осчастливить человека, при том, что явственно теряется ее центральная функция вести к спасению в ином, божественном мире [12, с. 140]. Православная церковь официально не поддерживает переживания чуда и чудесный опыт, которые в публичной сфере позиционируются в качестве сенсаций. Как правило, религиозное обращение, мотивированное пережитым чудом, для церкви не является выражением религиозности.

Народная традиция почитания святых в сербской этнологии в первую очередь рассматривалась в соответствии с концептом о христианизации языческих верований и

дехристианизации православия. Модель, которая была принята многими исследователями, но в дальнейшем не развита, была предложена Чайкановичем, который рассуждал о двойной интерпретации христианских святых: народной и церковной. В рамках народных представлений отдельные христианские персонажи носили языческие черты или же все языческие персонажи приняли христианский облик [8, с. 309]. Собственно говоря, это положение Чайкановича, как полагает Д. Бандич, побудило многих исследователей искать языческие элементы в образах святых и при этом забывать о современных представлениях, которые возникли в иных социальных и культурных контекстах, достаточно удаленных от образов «замаскированных языческих божеств» [2, с. 268]. Исследования Д. Бандича в сельской среде Сербии в начале последнего десятилетия XX века показали переходную «природу» представлений о святых, которые возродились после атеистического периода и находились в процессе повторного формирования и профанизации. В представлениях респондентов на святых наложена печать этого мира и подчеркивается их человеческое измерение. Таким образом, святые в достаточной степени потеряли статус сверхъестественных защитников людей, а их чудотворность вытеснена и локализована, практически сведена к лечению священными мощами в отдаленных монастырях.

Спустя 20 лет после исследований Д. Бандича мы можем сказать, что профанизированные святые «пережили» повторную сакрализацию. Процесс ревитализации религии на начало 90-х отмечен тенденцией национализации святых. В народных представлениях это выражается в стремлении акцентировать принадлежность святых своему народу [2, с. 257]. Процесс национализации святых в народных представлениях является лишь бледным отражением социального и политического контекста, в котором религия, особенно СПЦ, в военные 90-ые сыграла важную роль в формировании национальной идентичности в ее нераздельности с религиозным самоопределением. Известен тезис, общепринятый в антропологии, что социальные и политические процессы, сопровождающиеся бедностью и нищетой, войнами и другими формами нестабильности, всегда приводят к повышению интереса к религиозной и спасительной роли мессии, с целью облегчения и преодоления личных несчастий и социальных проблем [10, С. 3]. Также в антропологии признается тезис, согласно которому религия служит легитимации

национальных интересов тогда, когда они считаются находящимися под угрозой со стороны других наций. Между тем, когда идет речь об индивидуальных восприятиях и потребностях верующих, чудеса не обладают национальной коннотацией. Например, известно, что верующие всех трех конфессий (православной, римско-католической и мусульманской) посещают православный монастырь Острог в Черногории с общей надеждой, что поклонение мощам Василия Острожского чудесным образом решит их жизненные проблемы. Национализация чуда появляется в публичном дискурсе тогда, когда отдельные чудеса Христа и Богородицы прочитываются как послания сербскому народу: как предостережение или предсказание больших несчастий, которые их постигнут, или же как призыв вернуться к православной вере, а тем самым и единственному пути спасения. Чудесная сила мощей национальных святых используется в политических целях. После Дейтонского соглашения и подписания мирного договора в Париже в конце 1995 г. с согласия и организации СПЦ 10 мая 1996 г. лития (крестный ход) с мощами св. Василия Острожского повернула в сторону Герцеговины и Черногории. Во время облачения произошло чудо, свидетелями которого были Патриарх Павел, митрополит Амфилохий и владыка Афанасий. «Руки обхватили свечу, как будто он хотел помочь, чтобы его легче было одеть в великий путь», заметил митрополит Амфилохий, а затем верующие, целуя нагрудный крест, почувствовали «божественный запах, который исходил от священной груди». На пути через Герцеговину (Босния и Герцеговина), десятки тысяч человек пришли, чтобы снискать благословение и помощь святого.

Заключение

Народная религиозность и церковное православие возрождаются в широких народных массах в различных проявлениях приватной сферы. Актуальная, субъективная, внутренняя рефлексия официального православия, которое иначе интерпретируется и бытует в повседневной жизни как народное православие, выражается не в регулярных исполнениях религиозных обязанностей, но в предпочтении праздничной религиозности и сохранением традиции как культуры памяти. Такое во многом свободное понимание и интерпретация догматического христианства, включая свободное выражение верований и религиозной практики, связанное с видениями, снами, в которых святые выступают частыми акторами, доступными верующим

посредниками Бога, который в свою очередь часто воспринимается как высшая сила; вера в чудеса и чудесные исцеления; мощь реликвий и икон и другие выражения народной религиозности. Восстановление старых церквей и патронаж, воздвижение заветных крестов в знак благодарности святым; прославление их праздников; прикладывание к иконам, дарение икон, полотенец, колготок в благодарность или в мольбе о здоровье и выздоровлении, денежные пожертвования – все это совершается с тем, чтобы удовлетворить религиозность, все это – иллюстративные примеры ревитализации религии. Локальные церкви и священники заботятся о том, чтобы интегрироваться в данный процесс, в связи с чем спонтанное народное возрождение религии переосмысливается и ставится в церковные рамки. Сколько из этого удастся, и как будут развиваться религиозные перемены в Сербии: откроется ли религиозный рынок, в котором традиционные религии должны будут соревноваться с богатым религиозным «предложением», если хотят удержать верующих, сейчас сложно предугадать; но кажется, что это только возможное далекое будущее.

Примечания

Статья подготовлена в рамках проектов (177018; 179040), финансируемых Министерством образования, науки и технологического развития Республики Сербия в период с 2011 до 2015 г.

Литература

1. Bandić D. O narodnom pravoslavlju danas: istraživanja u valjevskom i kruševačkom kraju. Etnoantropološki problemi sv. 9. 1992. Pp. 63-69.
2. Bandić D. «Srpski seoski sveci». U Carstvo zemaljsko i carstvo nebesko, Ogledi o narodnoj religiji, 267-278. Beograd: Biblioteka XX vek. 1997.
3. Bandić, D. Verski identitet savremenih Srba. U: Tradicionalno i savremeno u kulturi Srba, posebna izdanja knj. 9. Beograd: SANU Etnografski institut. 2003. Pp. 13-23.
4. Bandić D. Narodno pravoslavlje. Beograd: Biblioteka XX vek, Knjižara Krug. 2010.
5. Blagojević M., Približavanje pravoslavlju, Niš: Gradina. 1995.
6. Blagojević M., Religijska situacija u SR Jugoslaviji: Revitalizacija religijskog ponašanja i verovanja, Teme g. XXVII, br. 4. 2003.
7. Čajkanović V. Mit i religija u Srba. Beograd: Srpska književna zadruga. 1973.
8. Davie G. Religija u suvremenoj Evropi: mutacija sjećanja. Zagreb: Goldeng marketing -Tehnička knjiga. 2005.
9. Đorđević B. D. Beg od crkve. Knjaževac: Nota. 1984.

10. Kapfere B., Annelin Eriksen and Kari Telle. Introduction. Religiosities toward a Future-in Pursuit of the New Millennium. *Social Analysis* 53 (1). 2009. Pp. 1-16.

11. Kuburić Z. «Обращение в религию која ти проговори». U *Konverzija i kontekst: Teorijski, metodološki i praktični pristupi religijskoj konverziji*, ur. Zorica Kuburić i Srđan Sremac, 17-42. Novi Sad: CEIR. 2009.

12. Mardešić Ž. Povratak religije ili njezina prilagodba svijetu? *Crkva u svijetu* 41 (2). 2006.

13. Mitić M., Janković D. Srpska pravoslavna crkva i dobrotvorni rad. U: *Mogućnosti i dometi socijalnog učenja pravoslavlja i Pravoslavne crkve*. Priredili: Dragoljub B. Đorđević, Miloš Jovanović. Beograd: Fondacija Konrad Adenauer. Niš: JUNIR. 2010. Pp. 403-420.

14. Naletova I. Other-Wordly Europe? Religion and the Church in the Orthodox Area of Eastern Europe. *Religion, State and Society*, Vol. 37. 2009. №. 4.

15. Perica V. Balkanski idoli: religija i nacionalizam u jugoslovenskim državama (1 i 2), Beograd: Biblioteka XX vek, Knjižara Krug. 2006.

16. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 2011. U Republici Srbiji, veroispovest, maternji jezik i nacionalna pripadnost, Podaci po opštinama i gradovima. Beograd: Republički zavod za statistiku, 2013.

17. Radulović L. B. Religija ovde i sada: Revitalizacija religije u Srbiji, Beograd: srpski genealoški centar: Odeljenje za etnologiju i antropologiju Filozofskog fakulteta. 2012.

18. Religioznost u Srbiji 2010: istraživanja religioznosti građana Srbije i njihovog stava prema procesu evropskih integracija. (ur.) Andrijana Mladenović, Beograd: Hrišćanski kulturni centar: Centar za evropske integracije, Fondacija Konrad Adenauer. 2011.

19. Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 33 (3). 1994.

20. Titarenko L. Religija u Belorusiji. U: *Mogućnosti i dometi socijalnog učenja pra voslavlja i pravoslavne crkve*. Ur. Dragoljub B. Đorđević, Miloš Jovanović. Beograd: Fondacija Konrad Adenauer; Niš: JUNIR. 2010. Pp. 285-309.

21. Vukomanović. Homo viator: religija i novo doba. Beograd: Čigoja štampa. M., 2008.

22. URL: <http://ateizam.org/index.php/religija/90-projekti/popis-stanovnistva/180-program-ateista-srbije-za-popis-stanovnistva-2011-godi-ne>. (дата обращения: 16.05.2015)

23. URL: www.mvd.gov.rs/download/dokumenti/informatory_o_radu_januar_2011.pdf. (дата обращения: 16.05.2015)

24. URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.290.html:352108-Molitva-medju-skelama>. (дата обращения: 16.05.2015)

25. URL: http://www.b92.net/info/komentari.php?nav_id=185775 (дата обращения: 16.05.2015)

26. URL: <http://www.politika.rs/rubrike/Drustvo/Crkva-pred-Ustav-nim-sudom.lt.html> (дата обращения: 16.05.2015)

References

1. Bandić D. About People's Orthodoxy Today: Research in The Region of Valjevo and Kruševac. *Ethnoanthropological problems*. tome 9. 1992. Pp. 63-69.

2. Bandić D. «Serbian Village Saints». In *Kingdom of Earth and Kingdom of Heaven, Essays on Folk Religion*. 1997. Pp. 267-278.

3. Bandić D. Religious Identity of Modern Serbs. In: *Traditional and Modern in The Culture of Serbs*, special editions. Book 9. Belgrade: SANU Ethnographic Institute. 2003. Pp. 13-23.

4. Bandić D. «People's Orthodoxy. Belgrade. 20th Century Library, Bookstore Circle». 2010.

5. Blagojević M. «Getting Closer to Orthodoxy, Niš: Gradina». 1995.

6. Blagojević M. «Religious situation in FR Yugoslavia: Reviving religious behavior and belief, Topics. Year XXVII no.4. 1995.

7. Čajkanović V. «Myth and Religion in Serbs. Belgrade: Serbian Literature Association ». 1973.

8. Davie G. 2005. «Religion in modern Europe: Mutation of Memory. Zagreb. Goldeng marketing – Technical Book». 2005.

9. Đorđević B. D. «Escape from the Church. Knjaževac: Note». 1984.

10. Kapfere B., Annelin Eriksen and Kari Telle. Introduction. Religiosities toward a Future-in Pursuit of the New Millennium. *Social Analysis* 53 (1). 2009. Pp. 1-16.

11. Kuburić Z. «Addressing the religion that speaks to you». In *Conversion and Context: Theoretical, methodological and practical approach to religious conversion*, editor: Zorica Kuburić and Srđan Sremac. 2009. Pp.17-42. Novi Sad. CEIR.

12. Mardešić Ž. Return of Religion or Its Adjustment to the World? *The Church in The World* 41 (2). 2006.

13. Mitić M., Janković D. «Serbian Orthodox Church and Humanitarian Work.» In: *Capacities and range of social teaching of Orthodoxy and the Orthodox Church*. Edited by: Dragoljub B. Đorđević, Miloš Jovanović. Belgrade. Konrad Adenauer Foundation. Niš. JUNIR. 2010. Pp. 403-420.

14. Naletova I. Other-Wordly Europe? Religion and the Church in the Orthodox Area of Eastern Europe. *Religion, State and Society*. Vol. 37. 2009. №4.

15. Perica, V. «Balkan Idols: Religion and Nationalism in Yugoslav States» (1 and 2). Belgrade. 20th Century Library, Bookstore Circle. 2006.

16. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 2011. U Republici Srbiji, veroispovest, maternji jezik i nacionalna pripadnost, Podaci po opštinama i gradovima. Beograd. Republički zavod za statistiku. 2013.

17. Radulović L. B. «Religion here and now: Reviving Religion in Serbia». Belgrade. Serbian Genealogical Centre: Department of Ethnology and Anthropology of the Faculty of Philosophy. 2012.

18. Religiousness in Serbia 2010: Research of religiousness of citizens of Serbia and their stances on the process of European integration (editor) Andrijana

Mladenović, Belgrade: Christian Cultural Centre: Centre for European Integration. Konrad Adenauer Foundation. 2011.

19. Stark R., Iannaccone L. A Supply-Side Reinterpretation of the «Secularization» of Europe. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 33 (3). 1994.

20. Titarenko L. Religija u Belorusiji. U: *Mogućnosti i dometi socijalnog učenja pra voslavlja i pravoslavne crkve*. Ur. Dragoljub B. Đorđević, Miloš Jovanović. Beograd. Fondacija Konrad Adenauer; Niš; JUNIR. 2010. Pp. 285-309

21. Vukomanović M. «Homo viator: Religion and The New Age». Belgrade. Čigoja Print. 2008.

22. URL: [http://ateizam.org/index.php/religija/90-
projekti/popis- stanov nistva/180-program-ateista-srbije-za-](http://ateizam.org/index.php/religija/90-projekti/popis- stanov nistva/180-program-ateista-srbije-za-)

popis- stanov nistva-2011-godi ne (date of access: May 16, 2015).

23. URL: [www.mvd.
gov.rs/download/dokumenti/informatory_o_radu_januar
2011.pdf](http://www.mvd.gov.rs/download/dokumenti/informatory_o_radu_januar_2011.pdf) (date of access: May 16, 2015)

24. URL: [http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.290.html:35
2108-Molitva-medju-skelama](http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.290.html:352108-Molitva-medju-skelama) (date of access: May 16, 2015)

25. URL: [http://www.b92.net/info/komen
tari.php?nav_id=185775](http://www.b92.net/info/komentari.php?nav_id=185775) (date of access: May 16, 2015)

26. URL: [http://www.politika.rs/rubrike/Drustvo/Crkva-pred-Ustav
nim-sudom.lt.html](http://www.politika.rs/rubrike/Drustvo/Crkva-pred-Ustav-nim-sudom.lt.html) (date of access: May 16, 2015)

УДК 316.75

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-15-26

Лебедев С.Д.¹⁾
Истомин А.Г.²⁾
Гущина В.В.³⁾

**ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА БЕЛГОРОДА
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

- 1) кандидат социологических наук, профессор Института управления. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
Электронный адрес: serg_ka2001-dar@mail.ru
- 2) ведущий документовед Центра профессиональной карьеры Управления маркетинга образовательных услуг, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия. Электронный адрес: motzi@rambler.ru
- 3) магистрант Института управления. Белгородский государственный национальный исследовательский университет ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия. Электронный адрес: valulka1993@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена развернутой характеристике локальной идентичности городского сообщества города Белгорода, полученной в результате количественного этапа социологического исследования (методом анкетного опроса). В основу теоретической модели локальной идентичности положены разработки П.Л. Крупкина, осуществлённые в русле традиции Э. Дюркгейма и верифицированные в ходе межрегионального исследования группы ЦИРКОН на материалах городов Владимира, Смоленска и Ярославля в 2014-2015 гг. В качестве основных элементов локальной идентичности рассматриваются: значимые места (включая символический центр); представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной); пантеон героев – реальных и мифических; представления горожан о городе («символические ценности локальной идентичности»); представления горожан о себе («мифы самостояния / гордости собой»); представления о структуре сообщества: ядро («элита»), границы, составляющие (страты, сегменты); ритуалы воспроизводства идентичности; этнографические особенности жителей города (диалект, стилевые особенности). Методической основой количественного исследования явился анкетный опрос с выборкой 401 человек, которая репрезентирует население Белгорода по параметрам пола, возраста и района проживания. В статье верифицируются гипотезы, полученные качественным методом на предыдущем этапе исследования.

Ключевые слова: локальная идентичность; Белгород; городское сообщество; коллективные представления; ритуалы.

Lebedev S. D.¹⁾
Istomin A.G.²⁾
Guschina V.V.³⁾

**THE LOCAL IDENTITY OF PEOPLE LIVING IN THE CITY
OF BELGOROD (BASED ON THE MATERIALS
OF A QUANTITATIVE RESEARCH)**

- 1) PhD in Sociology, Professor, Institute of Management. Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: serg_ka2001-dar@mail.ru
- 2) Leading Records Manager, Center for Professional Career, Board of Marketing of Educational Services Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: motzi@rambler.ru
- 3) Master's Degree Student, Institute of Management. Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: valulka1993@ya.ru

Abstract. The article is devoted to detailed characteristics of the local identity of Belgorod city community obtained as a result of a quantitative stage of the social study (with the use of the questionnaire survey method). As a basis of the theoretical model of the local identity were taken P.L. Krupkin's developments, carried out in E. Durkheim tradition and verified during the interregional study of the ZIRCON research group based on the material of Vladimir, Smolensk and Yaroslavl cities in 2014-2015. As the main items of the local identity the authors consider: significant places (including a symbolic center); the information about geography (local, middle-scale and large-scale); the "pantheon of heroes" – both real and mythic; the citizens' idea of the city (symbolic values of the local identity); citizens' self-image ("self-identity myths" / "self-

pride”); the image of the society structure: the core (“elite”), the border, items (strata, segments); the rituals of identity regeneration, the ethnographic peculiarities of citizens (dialect, peculiarities of style). The methodic basis of the quantitative study is the questionnaire survey with 401 selected subjects, which represents Belgorod population in characteristics of gender, age and area of living. In the article, the authors verify the hypothesis received with the use of the qualitative method at the previous stage of the study.

Keywords: local identity; Belgorod; urban community; collective representations; rituals.

Настоящая статья продолжает серию публикаций в рамках проекта «Социологическое краеведение: локальная идентичность Белгорода», начатую в № 2(4) серии «Социология и управление» журнала «Научный результат» статьёй А.Г. Истомина и С.Д. Лебедева «Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного социологического исследования)» [7].

Напомним, что в контексте социологии проблема идентичности связана, прежде всего, с феноменом и категорией социальной солидарности. Соответственно, идентичность рассматривается как явление прежде всего коллективное. По определению П.Л. Крупкина, коллективная идентичность (social identity) – «это психосоциальный комплекс человека, задающий эмоционально важное для него самоотношение к какой-либо группе / общности, а также определяющий правила поведения людей в этой группе, правила приема людей в группу и исключения из нее, критерии различения «свой / чужой» для данной группы» [8, с. 122]. Мы определяем данное понятие / явление как категорию самосознания социального субъекта, выражающую его осознанную принадлежность к некоторому социальному единству (группе, общности, сообществу, социуму). Идентичность выражается в относительно целостном комплексе представлений, оценок и поведенческих императивов, носящем характер частично явного, частично неявного (но подлежащего выявлению социолого-психо-антропологическими методами) социального знания [7, с. 14].

Предшествующий теоретический анализ [9, с. 37] и уточняющие его эмпирические социологические исследования [4] дают основания утверждать возможность достаточно полного описания психосоциального комплекса локальной городской идентичности через следующие базовые структурные элементы (итоговый конструкт в целом системно изоморфен идеальному типу, описанному в классической работе Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» под названием «тотемическая триба» (totemic band) [13]):

– значимые места (включая символический центр);

– представления о географии (локальной, средне- и крупномасштабной);

– пантеон героев – реальных и мифических;

– представления горожан о городе (ранее обозначались как «символические ценности локальной идентичности»);

– представления горожан о себе (ранее – «мифы самостояния/гордости собой»);

– представления о структуре сообщества: ядро (“элита”), границы, составляющие (страты, сегменты);

– ритуалы воспроизводства идентичности;

– этнографические особенности жителей города (диалект, стилевые особенности).

Методика проведения исследования¹.

Проблема исследования интерпретировалась как противоречие между знанием о существовании социального факта идентичности белгородцев и недостаточным знанием о её содержательных основаниях. В рамках первого, качественного этапа исследования данный социальный факт был подтверждён, и были выявлены содержательные основания современной белгородской локальной идентичности в первом приближении. В этой связи на втором, количественном, этапе исследования проблема уточняется: она может быть определена как противоречие между знанием о характере содержательных элементов белгородской локальной идентичности и недостаточным знанием о степени их реальной репрезентации (вitalности).

Объект количественного этапа исследования включал население г. Белгород (всех совершеннолетних граждан, имеющих

¹ Методика исследования разработана и апробирована С.Д. Лебедевым, И.В. Задориным, П.Л. Крупкиным и Р.В. Евстифеевым в рамках проекта «Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля», 2014-2015 (проект осуществлен на средства государственной поддержки, полученные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основе конкурса, проведенного ИСЭПИ).

постоянную или временную городскую прописку).

Основным **предметом** изучения в рамках количественного этапа исследования выступили базовые компоненты локальных коллективных идентичностей (коллективные представления и ритуалы) жителей города Белгород, выявленные ранее качественным методом. Методом сбора эмпирической информации на сей раз послужил массовый опрос посредством анкетирования.

Соответственно, основной **целью** проведения анкетного опроса была проверка реальной распространенности (репрезентации) среди населения областного центра комплекса потенциальных смысловых оснований локальной идентичности белгородцев, выявленных на первом (качественном) этапе исследования – в ходе проведения дискуссионных фокус-групп, дополненных мнениями нескольких белгородских экспертов – краеведов.

Методической основой количественной части исследования явился репрезентативный опрос населения в городе с выборкой 401 человек. Выборочная совокупность репрезентирует население Белгорода по параметрам пола, возраста и района проживания.

В рамках **гипотезы исследования** на данном этапе мы выдвинули ряд положений, полученных в результате обобщения самохарактеристик локальной идентичности Белгорода в ходе качественного этапа исследования. Эти характеристики таковы:

1) символический центр и значимые места: город в сознании его жителей символически традиционно **«центрируется»** вокруг площадей (во главе с центральной городской площадью) и парков; немногочисленных культурно-исторических достопримечательностей (Диорама «Прохоровское поле», исторический дуб в пригороде Белгорода пос. Дубовое); в последние годы этот список активно пополнили новые торгово-развлекательные центры (моллы);

2) **локальная макрогеография** города субъективно привязана, в основном, к соседней Украине («в лице» г. Харькова, Курску и Москве; **мезогеография** описывается через пейзаж меловых гор, реки Северский Донец, «деревенек», коттеджей и знаковых в мировом масштабе локусов Прохоровского поля и КМА-руды;

3) в плане **«пантеона героев»** городского сообщества из исторических личностей и общностей фигурируют сравнительно немногочисленные известные в стране и мире

земляки (Н.Ф. Ватутин, В.Г. Шухов, М.С. Щепкин), солдаты Великой Отечественной войны; из современных – в основном политики и спортсмены, практически не представлены деятели культуры;

4) **представления горожан о городе** (символические ценности белгородцев) связаны, главным образом, с ключевыми для города моментами истории, в основном военной (центр южного рубежа обороны в конце ХУІ-ХУІІІ вв.; Прохоровское танковое сражение в Великую Отечественную войну – июль 1943 г.), и отчасти с производственными успехами тяжёлой (горнодобывающей) промышленности времён СССР и пищевой промышленности последних лет; значима в этом контексте также современная квазиисторическая легенда об основании города князем Владимиром Крестителем; сюда же относятся такие характеристики, как чистота, красота города, его благополучие;

5) к **представлениям горожан о себе** (мифам самостояния белгородского сообщества) относятся сохраняющиеся в массе и имеющие большое социальное значение неформальные связи между горожанами (что связано с тем объективным обстоятельством, что Белгород – сравнительно молодой город, его в значительной мере «наполняют» приезжие люди); сохраняющиеся у белгородцев черты сельских жителей (любовь к земле и привычка к сельскому хозяйству); довольно развитая самокритичность;

6) в отношении субъективных оценок **структуры и границ городского сообщества** участниками ДФГ выделялись в основном спортсмены и работники культурной сферы, а также инновационные молодёжные течения последних лет – студотряды, волонтёры, молодой креативный класс; сюда же включаются «натурализовавшиеся» в Белгороде в последние 20 лет «северяне»; за пределами же сообщества, при в целом толерантном к ним отношении, фиксировались группы «приезжих», в частности, студенты-иностранцы из стран Азии и Африки, носители исламской культуры и цыгане.

7) в качестве **основных ритуалов воспроизводства локальной идентичности** выступают общезначимые праздники (главным образом, День города и День Победы, а также Новый Год); эта сфера городской жизни требует значительного развития.

8) для **антропологических особенностей** современных жителей Белгорода характерны отмечаемые ими в земляках *«черты сельских жителей»*. При этом белгородцам не чужда и

довольно острая самокритичность («злость», эгоизм).

Дополнительная гипотеза: в городе, по мнению участников фокус-групп, до сих пор сложно найти местных жителей в третьем поколении, так как Белгород был почти полностью разрушен во время Великой Отечественной войны – в основном в нём проживают выходцы из деревень, их дети и внуки (с чем связаны некоторые «сельские» особенности белгородской ментальности).

Ниже будут представлены данные и выводы по первым трём базовым элементам современной локальной идентичности Белгорода.

Белгородская локальная идентичность: уточнённая картина.

На основе данных, полученных в ходе массового анкетного опроса, можно констатировать с достаточной степенью достоверности следующие описательные характеристики белгородской локальной идентичности.

Символический центр и другие значимые места. В ходе качественного этапа исследования, основными «центральными местами» Белгорода и окрестностей назывались: городские парки, Диорама «Курская битва: Белгородское направление», Соборная площадь (бывш. Площадь Революции – центральная площадь города); площадь напротив НИУ «БелГУ» (новая

площадка). Не раз упоминались: смотровая площадка у памятника князю Владимиру, дуб в поселке Дубовое (по преданию, посаженный Б. Хмельницким, но связанный молвой и с именами посещавших город российских императоров Петра I и Екатерины II); различные торгово-развлекательные центры («МегаГринн», «Рио», «Сити Молл»), появившиеся в последнее десятилетие и завоевавшие себе большую популярность среди всех поколений белгородцев; отмечалась также Харьковская гора (второй, «домашний» полюс Белгорода и главное направление его территориальной «экспансии» – с 1970-х гг. территория наиболее интенсивного гражданского строительства (спальные районы) и благоустройства [9, с. 38]).

В опроснике анкеты указанной теме обсуждения соответствовал вопрос: «Ниже перечислены некоторые известные места Белгорода – природные, исторические, культурные достопримечательности. Выберите, пожалуйста, из списка 2-3 места, которые для Вас лично символизируют Белгород в наибольшей степени, являются лицом города, или добавьте недостающие». В соответствии с данными массового опроса, предпочтения «узловых» точек и районов городского пространства в глазах жителей Белгорода распределились следующим образом (см. рис. 1):

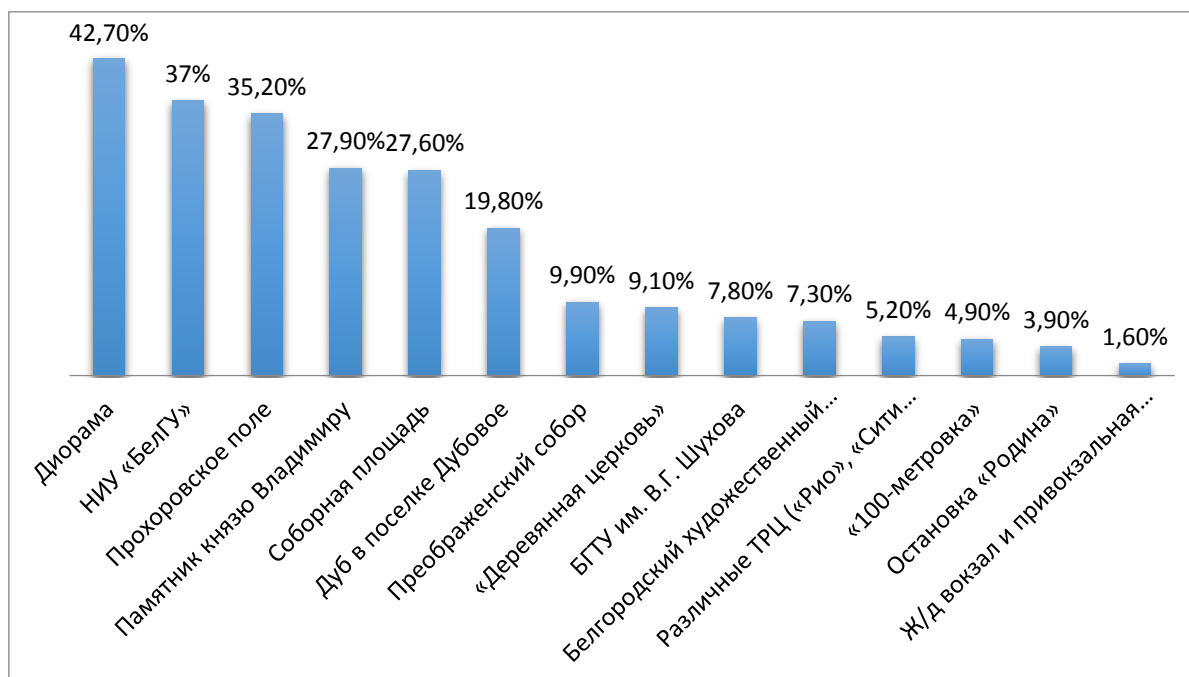

Рис. 1. Символический центр и другие значимые места г. Белгорода
Fig. 1. The symbolic center and other significant places in Belgorod

На первом месте в качестве претендента на символический центр города – музей-диорама «Курская битва: Белгородское направление», с рейтингом почти в 43%. Второе место – 37% – занял новый комплекс зданий и сооружений НИУ «БелГУ» по ул. Победы, так же, как и диорама, располагающийся в историческом и географическом центре города и по праву считающийся одним из самых красивых и привлекательных его мест. Третье место с небольшим отрывом (35,2%) – у Прохоровского поля, всемирно известного «Третьего ратного поля России», с его музейно-мемориальным комплексом, храмом и колокольней [11]. Следует подчеркнуть, что здесь имеет место сравнительно редкий, возможно, исключительный случай, когда к центральным знаковым местам города (т.е. внутригородского пространства) его жители относят территориально удалённый локус, находящийся более чем в 30 км от городской черты, расположенный на территории соседнего (Прохоровского) административного района и не имеющий какого-либо прямого отношения к городу (Белгороду) как поселению. Культурно-символическое значение Прохоровки (и шире – Великой Отечественной войны) оказалось здесь единственным и решающим фактором, пересилившим пространственно-географическую удалённость и административно-территориальную принадлежность. (Следует отметить, что упомянутый музей-диорама посвящён именно событиям танкового сражения 9 июля 1943 г. под Прохоровкой и в этой связи выступает символическим «двойником» Прохоровского поля). Такая высокая значимость символов войны 1941-1945 гг. объясняется тем, что культ Великой Отечественной и Великой Победы фактически носит в нашей стране характер гражданской религии [5; 6], актуализирующийся в последние годы и особенно значимый для приграничных российских регионов, где, как отмечает И.А. Халий, «особым фактором морально-психологического климата ... выступает патриотизм в его различных интерпретациях» [12, с. 31].

Помимо трёх перечисленных главных символически значимых для горожан мест, в первый кластер претендентов на статус символического центра города вошли ещё три

локуса: памятник князю Владимиру – Крестителю Руси на спуске с Харьковской горы к центральной части города (27,9%), Соборная площадь (бывшая Площадь Революции – официальный центр Белгорода, 27,6%), и исторический дуб в посёлке Дубовое – южном пригороде города (19,8%). Такое распределение оценок горожан обращает внимание ещё на несколько моментов, существенных с точки зрения дальнейшего развития исследовательского проекта.

Во-первых, это заметная тенденция расхождения административно-географического (объективного) и культурно-символического (субъективного) определений значимых мест городского пространства Белгорода, вплоть до статуса его символического центра: помимо «феномена Прохоровки», она подтверждается ещё и Дубовским дубом, также находящимся за официальной чертой города. Согласно одной из наших гипотез, указанное расхождение может быть вызвано дефицитом символически сопоставимых культурно-исторических памятников в черте, включая собственно центр, города – или же недостаточной «раскрученностью» существующих объектов такого рода при высоком, хотя не всегда осознаваемом, спросе горожан на них [10, с. 22].

Во-вторых, это указание на определённое расхождение между рекреационными и собственно культурно-символическими потребностями и запросами горожан. Центральная городская Соборная площадь, наряду с городскими парками, служащая излюбленным местом воскресного и праздничного отдыха жителей Белгорода, в символическом отношении (даже при своём никем не оспариваемом традиционном и официальном статусе!) заметно уступает «первой тройке» городских достопримечательностей, тогда как парки города вообще не получили в этом плане заметного признания. Это вполне согласуется с тем самостоятельным значением, которое имеет культурный фактор для социального развития российских регионов [2].

И, в-третьих, высокий символический рейтинг в глазах горожан имеет памятник Князю Владимиру Святославичу, фигура которого, при безусловной значимости князя – Крестителя Руси для российской государственности, истории и культуры, не

имеет сколько-нибудь прямого отношения к Белгороду и связана с ним зыбкой почвой квазиисторической легенды об основании города Владимиром, основанной на неверной интерпретации русских летописей некоторыми местными краеведами [1]. Этот рейтинг отчасти подтверждает высказанное несколькими строками выше предположение о культурном «голоде» белгородцев на значимые в российском и мировом масштабе исторические символы, и вместе с тем косвенно указывает на недостаточный уровень массовой историко-краеведческой культуры населения областного центра.

Второй кластер городских достопримечательностей, объединивший символические локусы «второго порядка», включил в себя: Преображенский Кафедральный Собор Русской православной церкви в центре города (9,9%); «Деревянную церковь» – храмовый ансамбль в составе церкви Св. великомучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии и церкви Св. Георгия Победоносца на Харьковской горе (9,1%); комплекс зданий БГТУ им. В.Г. Шухова на Харьковской горе (7,8%); Белгородский художественный музей в центре города (7,3%); новые торгово-развлекательные центры («Рио», «Сити-Молл Белгородский» и «МегаГринн», расположенные в разных частях города – в общей сложности 5,2%); центральная аллея нынешнего Свято-Троицкого Бульвара – бывшего Проспекта Ленина, носящая в народе название «Стометровка» (4,9%); центральная остановка городского общественного транспорта «Родина» по проспекту Б. Хмельницкого (3,9%); железнодорожный вокзал и привокзальная площадь недалеко от городского центра (1,6%). Здесь, как можно видеть, представлены локусы самого различного рода и функционального назначения. Достаточно характерным для Белгорода (и региона в целом) представляется высокая, хотя и не лидирующая, символическая значимость православных храмов, в

дореволюционные и постсоветские времена играющих значимую роль в организации городского пространства – соответственно большому значению, придаваемому властями и в известной степени – населением православия, как одной из основ культурной и гражданской идентичности. Некоторое отражение в самосознании белгородцев получили также культурно-образовательные учреждения (помимо НИУ «БелГУ», БГТУ им. В.Г. Шухова и Художественный музей), совсем небольшое – знаковые для коренных жителей города места («Родина», «Стометровка» и ж/д вокзал), а также, вопреки ожиданиям, новые торгово-развлекательные центры.

Локальная география. Если символический центр и другие знаковые для горожан места городского пространства можно отнести к «субъективной микрогеографии» города, то её логическим продолжением выступают мезо- и макроуровни его географического окружения, преломленные через восприятие белгородцев.

Окрестности Белгорода (субъективную мезогеографию), по результатам качественного этапа исследования, выглядят так: «Вокруг города – деревеньки, река Северский Донец, меловые горы и КМА-руда». Неоднократно в качестве символически важных «привязок» ими отмечались Прохоровское поле, а также «множество коттеджей» вокруг города – массовая постсоветская частная застройка; также упоминалась, как отличительная белгородская черта, поселковая агломерация (Северный, Дубовое, Разумное).

В массовой анкете соответствующий вопрос выглядел следующим образом: «Если бы Вас спросили, что находится рядом с Белгородом, какие важные природные объекты и населенные пункты его окружают, входят в «белгородскую землю», что бы Вы ответили? Выберите из предлагаемого списка не более 2-х наиболее важных для Вас объектов». Ответы на данный вопрос представлены на рисунке 2.

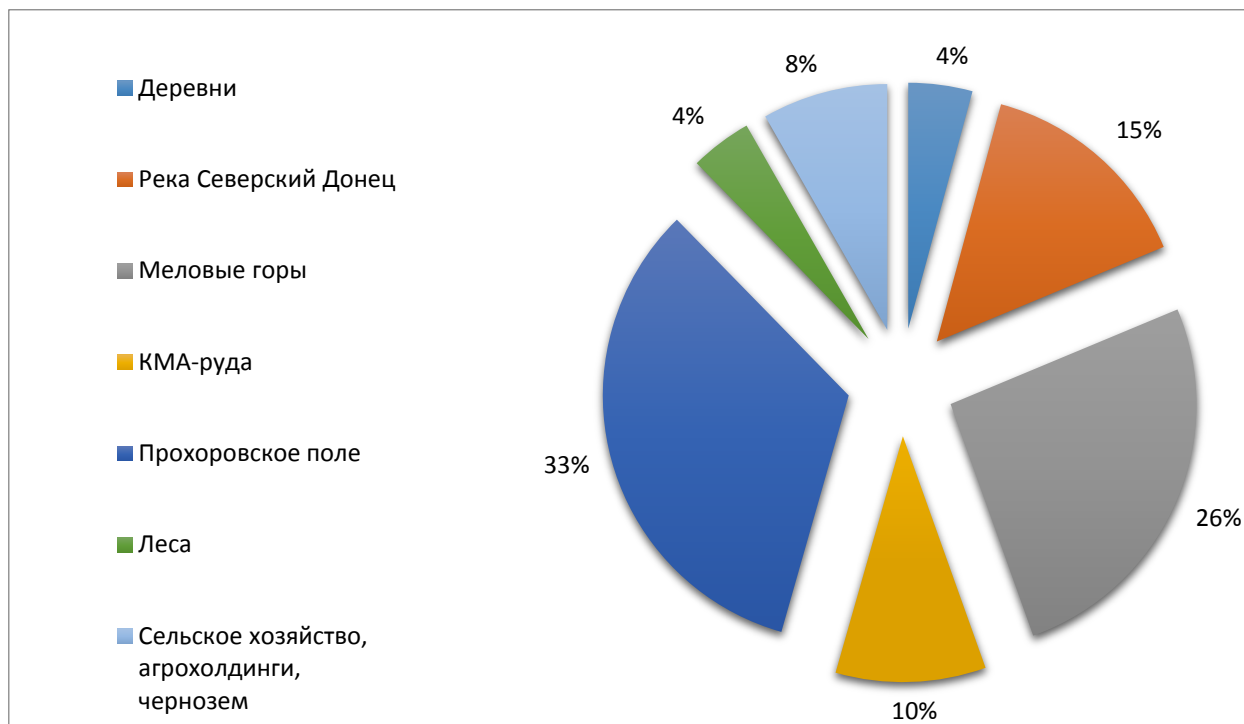

Рис. 2. Локальная география г. Белгорода: мезомасштаб
Fig. 2. Local geography of Belgorod: mesoscale

Как следует из распределения предпочтений горожан, основными составляющими образа «Белгородской земли» выступают, опять-таки, Прохоровское поле (ровно 1/3 от всего количества ответов), меловые горы, давшие Белгороду его имя (немногим более ¼ ответов) и река Северский Донец (15% ответов). Довольно значимы для субъективной мезогеографии областного центра также «КМА-руда» (Лебединский и Стойленский горно-обогатительные комбинаты – 10%) и «сельское хозяйство, агрохолдинги, чернозём» (8%). И фоном к ним, практически на грани видимости, идут «леса» и «деревни» (по 4%). В этой части гипотеза в целом подтвердилась, но с усилением акцента на Прохоровское поле, близость которого ощущается современными белгородцами как особо значимая для их локальной идентичности.

На вопрос о субъективной макрогеографии Белгорода – об отношении положения города к «мировым и страновым центрам» – самыми популярными ответами на этапе качественного исследования стали: «Белгород находится на границе с Украиной» и «рядом Харьков». Также отмечалось, что Белгород находится «в Центральном Черноземном районе»; упоминался соседний Курск (при этом характерно, что почти не упоминался официальный центр российского Черноземья Воронеж, также находящийся по соседству).

В анкете соответствующий вопрос задавался респондентам в форме: «Давайте представим себе Белгород на карте России. Выберите из приводимого списка 1-2 варианта, которые для Вас больше всего подходят в качестве ответа на вопрос «В каком краю находится Ваш город?» Распределение и соотношение ответов на него представлено на рисунке 3:

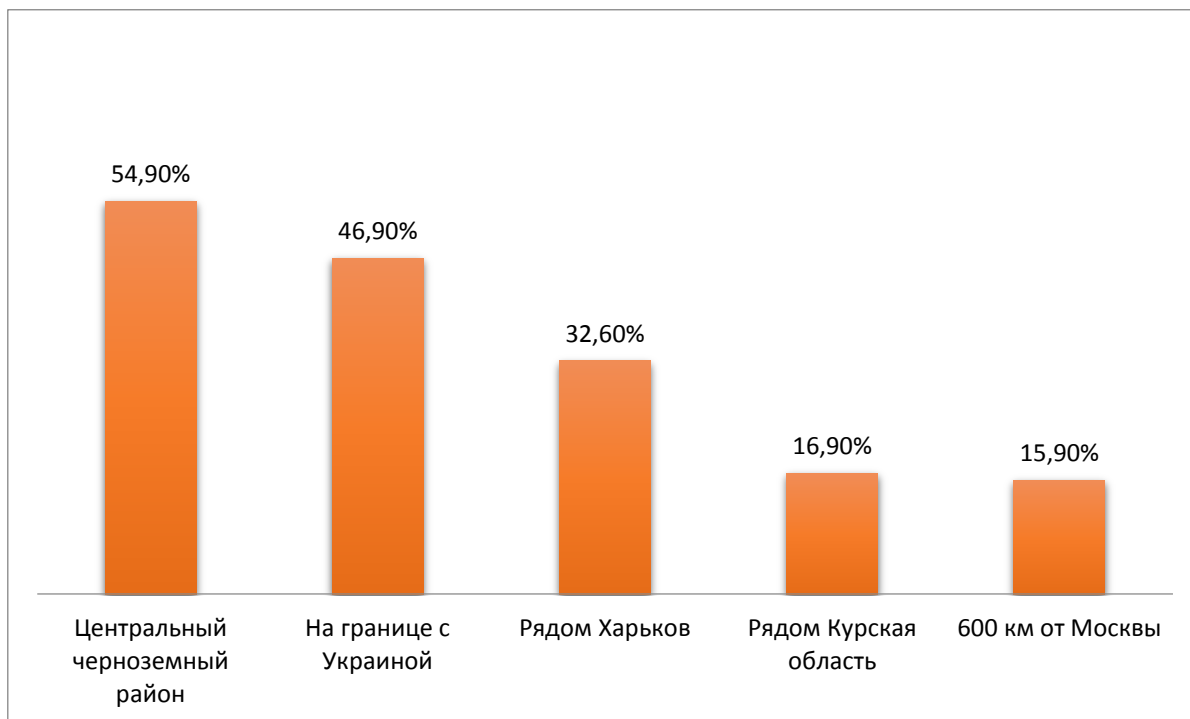

Рис. 3. Локальная география г. Белгорода: макромасштаб
Fig. 3. Local geography of Belgorod: macroscale

Как можно видеть, в этой части гипотеза исследования также нашла себе преимущественное подтверждение. В страновой проекции территориальной идентичности белгородцев преобладает «привязка» к Центральному Чернозёмному району России (почти 55%). Но, помимо этого, большую, сопоставимую с российским Черноземьем роль для самосознания жителей областного центра играет образ соседней Украины: вариант «На границе с Украиной» выбрали 46,9% (второе место), и вариант «Рядом Харьков» практически треть (32,6%) опрошенных. Последнее ожидаемо и закономерно, учитывая традиционную приграничность, «рубежность» региона, и исключительно тесные отношения городов Белгорода и Харькова (до совсем недавнего времени – официальных городов-побратимов). В Харьков «белгородцы всегда ездили как к себе домой, учились там, работали, создавали семьи, что можно сказать и о харьковчанах» [3, с.648]. Значительно меньшую, хотя заметную, роль играют «привязки» к соседней Курской области (16,9%) и к Москве (15,9%). Известная автономия от столичного центра, подчёркивание пограничного, «рубежного» положения своего города и региона, его особого места и статуса в Черноземье (на что косвенно указывает невысокое значение соседнего и не менее «чернозёмного» Курска и практическое

отсутствие отсылок к другим региональным чернозёмным центрам, включая Воронеж), уходящие корнями в средневековую историю, когда Белгород был главным форпостом Московского царства в Диком Поле, стоят за этими цифрами массового опроса.

«Пантеон героев» Белгорода. По результатам качественного этапа исследования, здесь доминируют политики и спортсмены. Во главе списка здравствующих символически значимых для горожан лиц оказался губернатор области Е.С. Савченко, сразу за ним – известные спортсмены С. Хоркина, Ф. Емельяненко и Волейбольный клуб «Белогорье», баскетболист Алексей Швед; фонд «Поколение» и А. Скоч, мэром города в 1990-е гг. Г.Г. Голиков. Среди исторических героев города участниками фокус-групп особо подчёркивалось значение обобщённой группы «солдаты Великой Отечественной войны», в которой выделяется первый освободитель города танкист А.И. Попов. Также отмечали: уроженца области, полковника Великой Отечественной войны генерала Н.Ф. Ватутина, известного руководителя сельского хозяйства В.Я. Горина, знаменитого инженера В.Г. Шухова, знаменитого актёра М.С. Щепкина; в старшей группе – руководителей области в советское время М.П. Трунова и А.Ф. Пономарёва. Из числа имён знаменитых исторических личностей в данной

связи упоминались также: Екатерина II, Богдан Хмельницкий, епископ св. Иоасаф (Горленко). Примечательно, что в числе «культурных героев» местного сообщества почти не были названы деятели культуры: художники, писатели, артисты, музыканты, просветители, краеведы.

В анкете соответствующий вопрос задавался респондентам в форме: «Отметьте, пожалуйста, людей прошлых времен и последних лет, которые, на Ваш взгляд, сделали Белгород

знаменитым, прославили его. Укажите не более 3-х вариантов ответа в каждом из двух столбцов или добавьте недостающие». При этом в вопросе были представлены два приблизительно равных отдельных списка знаменитых людей Белгорода, обозначенных как «прошлые годы» и «настоящее время».

Пантеон исторических героев Белгорода представлен на рисунке 4.

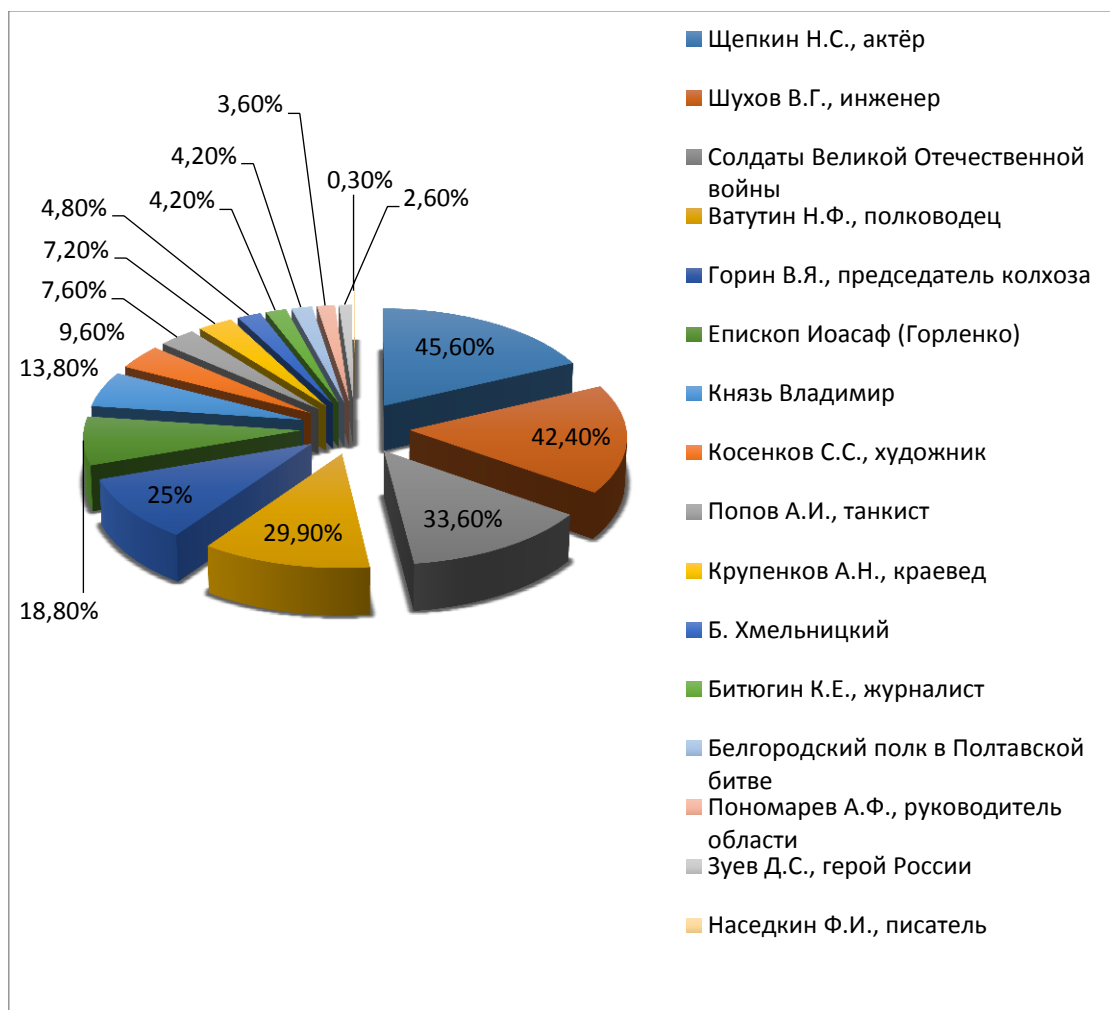

Рис. 4. «Пантеон героев» г. Белгорода – прошлые годы
Fig. 4. The “pantheon of heroes” – past years

Как можно видеть, среди исторических героев Белгорода абсолютно лидируют: великий русский актёр XIX века, уроженец Белгородчины М.С. Щепкин (45,6%); великий русский и советский инженер конца XIX – первой трети XX веков и также уроженец Белгородчины В.Г. Шухов (42,4%), и обобщённая категория солдат Великой Отечественной войны 1941-1945 годов (33,6%). В тот же кластер наиболее знаковых исторических лиц входят: знаменитый

полководец Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза генерал армии Н.Ф. Ватутин (около 30%) и именитый руководитель сельского хозяйства, председатель колхоза им. М.В. Фрунзе, дважды Герой Социалистического Труда В.Я. Горин (25%). Отмечались также (по убывающей): креститель Руси Великий князь Киевский Владимир, народный художник России белгородец С.С. Косенков, первый освободитель города в

1943 г. танкист А.И. Попов, почётный гражданин Белгорода краевед А.Н. Крупенков, гетман Украины Богдан Хмельницкий, белгородский журналист и краевед К.Е. Битюгин, Белгородский полк – участник Полтавской битвы (1709 г.), руководитель области в 1980-х гг. А.Ф. Пономарёв, герой России десантник Д.С. Зуев, писатель Ф.И. Наседкин. Ряд

респондентов отметил также знаменитого тренера по спортивной гимнастике, наставника Светланы Хоркиной Б.В. Пилкина.

В свою очередь, наиболее значимые в глазах белгородцев фигуры земляков-современников представлены следующими персонами и группами (рис. 5).

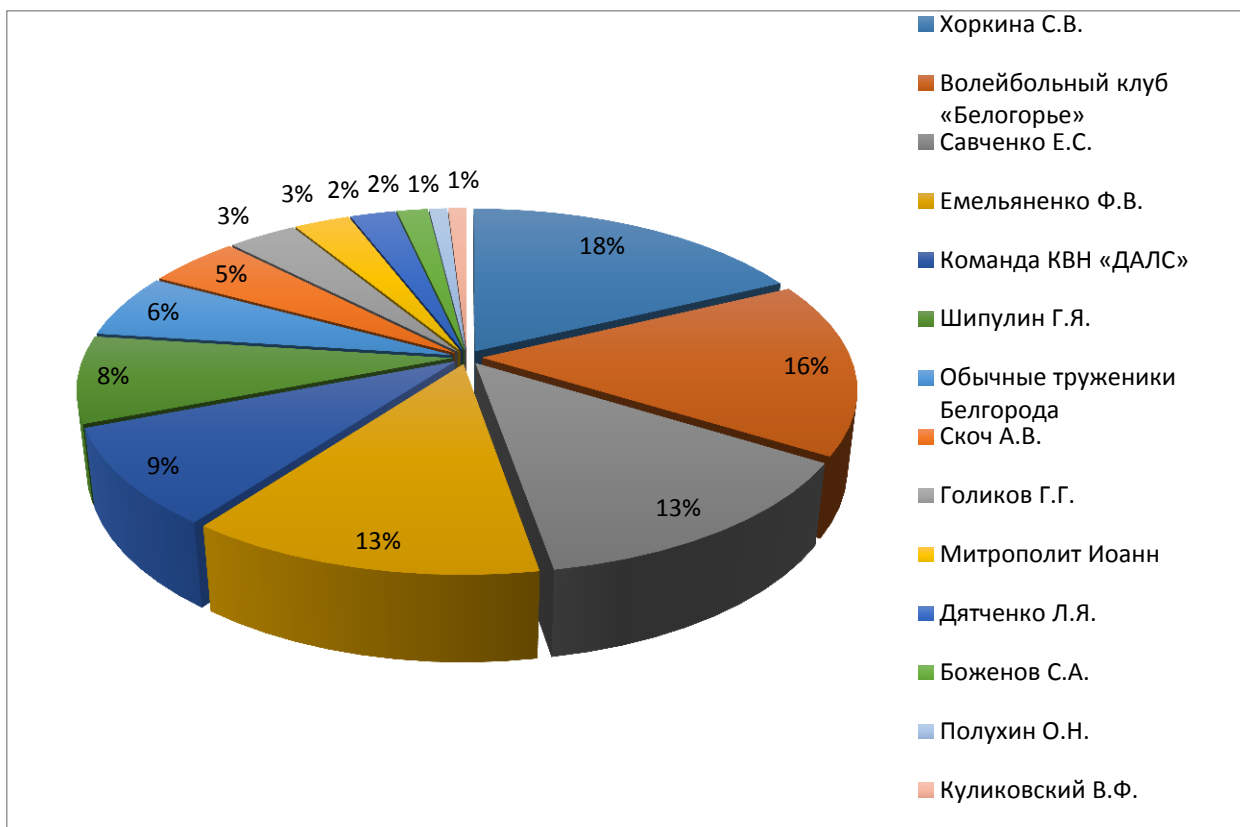

Диаграмма 5. «Пантеон героев» г. Белгорода – настоящее время
Fig. 5. The “pantheon of heroes” – present days

В первую «тройку» «современных героев» Белгорода вошли: олимпийская чемпионка, мастер спорта международного класса по спортивной гимнастике С.В. Хоркина (18%); Волейбольный клуб «Белогорье» (16%); действующий губернатор Белгородской области Е.С. Савченко и чемпион мира в единоборствах смешанного стиля мастер спорта международного класса Ф.В. Емельяненко (по 13%). Далее, по убывающей, земляками особенно почитаются: команда КВН «Детективное агентство «Лунный свет», главный тренер ВК «Белогорье» Г.Я. Шипулин, объединённая категория «обычных тружеников Белгорода», депутат Государственной Думы и благотворитель А.В. Скоц, «народный мэр» Белгорода в 1990-х гг. Г.Г. Голиков, митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн (Попов), предыдущий ректор НИУ «БелГУ» Л.Я. Дятченко,

предыдущий мэр Белгорода С.А. Боженев, ректор НИУ «БелГУ» О.Н. Полухин, директор Медицинского института НИУ «БелГУ», в прошлом главный врач Областной клинической больницы В.Ф. Куликовский.

Здесь следует отметить, что приоритет политиков и спортсменов, высказанный в качестве гипотезы, подтвердился, но только в отношении современных именитых земляков. В целом же, как и в других обследованных по соответствующей методике российских городах, для жителей Белгорода на порядок более значимы исторические герои [4, сс. 34, 53, 73]. Деятели культуры оказались достаточно значимы в исторической группе героев Белгорода и практически незаметны – в группе именитых белгородцев-современников.

Таким образом, обобщая первую группу самохарактеристик локальной идентичности

Белгорода, полученных в результате количественного этапа социологического исследования, мы имеем основания для следующих общих выводов.

1. Символический центр Белгорода в массовом сознании его жителей сегодня не столько традиционно ассоциируется с центральной городской площадью и парками, сколько «сдвинут» в сторону музея-диорамы «Курская битва: Белгородское направление», нового комплекса Белгородского государственного университета и Прохоровского поля. Наиболее примечателен в этой связи последний случай, так как он характеризует нетривиальный (возможно, уникальный) для городов России факт значительного расхождения между символическим и территориальным «измерениями» городского центра, с явным приоритетом символического. Указанное расхождение может быть вызвано дефицитом сопоставимых культурно-исторических памятников в черте, включая собственно центр, города, или же недостаточной «раскрученностью» существующих объектов такого рода при высоком, хотя не всегда осознаваемом, спросе горожан на них. Заметно также присутствие в городе православной храмовой архитектуры, тогда как культурно-образовательные учреждения и неформальные «реперы» городского пространства (включая новые торгово-развлекательные центры) имеют меньшую значимость для городской топонимики в массовом сознании горожан.

2. В плане ближайшего городского окружения (мезогеографии), для локальной идентичности жителей Белгорода оказались наиболее важны: близость Прохоровского поля, меловые горы и река Северский Донец. Заметное субъективное значение имеют также горнодобывающая промышленность (месторождения Курской магнитной аномалии) и сельское хозяйство – региональные агрохолдинги. В макрогеографическом отношении белгородцы идентифицируют себя с российским Центральным Черноземьем (с определённым притязанием на центральный статус в этом регионе) и «отстраиваются» от соседней Украины, где особое символическое значение для них имеет тесно связанный с Белгородом город Харьков. В этом отношении самосознание белгородца формируется несколькими факторами: историческим (снова Великая Отечественная война), ландшафтным, региональной спецификой (Черноземье), производственным, приграничным.

3. В том, что касается «пантеона героев» белгородского городского сообщества, главные места в самосознании белгородцев занимают земляки – признанные мировые знаменитости М.С. Щепкин и В.Г. Шухов, а также герои Великой Отечественной войны (среди которых особенно выделяется Н.Ф. Ватутин). Приоритет политиков и спортсменов, высказанный в качестве гипотезы, подтвердился, но только в отношении современных именитых земляков. В целом же, как и в других обследованных по соответствующей методике российских городах, для жителей Белгорода на порядок более значимы исторические герои. При этом категория деятелей культуры оказалась достаточно значимой для жителей Белгорода в исторической группе знаковых лиц и, за исключением команды КВН и руководителей ведущего вуза региона, практически незаметна среди именитых современников.

(Продолжение следует)

Литература

1. Битюгин К.Е. «Тысячелетие Белгорода»: сколько же можно?! URL: <http://bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm> (дата обращения: 16.04.2016)
2. Даргын-оол Ч.К. Культура как основа социального развития регионов России (на примере Тувы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. №3. С. 40-43.
3. Дятченко Л.Я. Классы и собственность: господство и угнетение, неравенство и болезни: Монография. Белгород: Белгородская областная типография, 2016.
4. Задорин И.В., Крупкин П.Л., Евстифеев Р.В., Шубина Л.В., Лебедев С.Д. Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Исследование общегородских идентичностей жителей Владимира, Смоленска, Ярославля (Итоговый аналитический отчет о результатах массовых опросов населения). М.: ЦИРКОН, 2015. 94 с. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/152/Gorodskie_lokalni_e_identichnosti_Analiticheskiy_otchet_o_resultatah_mass_ovih_oprosov_2015.pdf (дата обращения: 16.04.2016)
5. Зыгмонт А.И. Новая Россия на алтаре Победы // Независимая газета. 2016. 18 мая.
6. Истомин А.Г. Элементы гражданской религии в самосознании белгородца // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборника статей по материалам Пятой Юбилейной международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 25-26 сентября 2015 г. / Отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 257-265.
7. Истомин А.Г., Лебедев С.Д. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного социологического

исследования) // Научный результат. Серия «Социология и управление». 2015. Вып. 2(4). С. 13-21.

8. Крупкин П.Л. Россия и современность: проблемы совмещения: Опыт рационального осмысления. М.: Флинта, 2010.

9. Крупкин П.Л., Лебедев С.Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. №4. С. 35-48.

10. Лебедев С.Д., Истомин А.Г. Культурные символы городского пространства: на материалах Белгорода, Владимира, Смоленска и Ярославля // Интеграция как базовый фактор создания и развития социокультурного пространства города: Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26-27 ноября 2015 г. / Сост. Н.М. Гончаренко. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. С. 15-22.

11. Музей «Прохоровское поле» – как символ Третьего ратного поля России. URL: <http://www.prohorovskoe-pole.ru/index.php/museum.html> (дата обращения: 16.05.2016)

12. Халий И.А. Современное российское приграничье: общие характеристики // Вестник Института социологии РАН. №11. 2014. С. 24-33.

13. Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York: The Free Press, 1995.

References

1. Bitugin K.E. «The Millennium of Belgorod»: Give it a rest! URL: <http://bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm> (date of access: April 16, 2016).

2. Dargyn-ool Ch.K. Culture as the Basis of Social Development of Regions of Russia (on the example of Tuva). Humanities in Siberia. 2003. №3. Pp. 40-43.

3. Dyatchenko L.Ya. Classes and Properties: the Domination and Oppression, Inequality and Disease: Monograph. Belgorod. Belgorod Regional Printing House. 2016.

4. Zadorin I.V., Krupkin P.L., Evstifeev R.V., Shubina L.V., Lebedev S.D. Urban Local Identity as a Basis for Building Sustainable Communities. The study population-wide identities Vladimir, Smolensk, Yaroslavl (Final analytical report on the results of the mass

population surveys). Moscow. ZIRCON. 2015. 94 p. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/152/Gorodskie_lokalnie_identichnosti_Analiticheskiy_otchet_o_resultatah_mass_ovih_oprosov_2015.pdf (date of access: April 16, 2016)

5. Zygmunt A.I. New Russia on the Altar of Victory. Nezavisimaya Gazeta. 2016. May 18.

6. Istomin A.G. Elements of Civil Religion in the Identity of Belgorod. Sociology of Religion in Late Modern Society: a collection of articles based on the Fifth Anniversary of the International Conference. NRU "BSU", 25-26 September 2015 / Ed. Ed. S.D. Lebedev. Belgorod. ID "Belgorod" NRU "BSU". 2015. Pp. 257-265.

7. Istomin A.G., Lebedev S.D. Local Residents of the City of Belgorod Identity (the experience of qualitative social research). Scientific Results. A series of "Sociology and Management". 2015. Vol. 2 (4). Pp. 13-21.

8. Krupkin P.L. Russia and Modernity: Problems of Compatibility: Essay of Rationalization. Moscow. Flinta. 2010.

9. Krupkin P.L., Lebedev S.D. By the Sacred Grounds of Local Identities in Today's Russia: the Experience of Structural Analysis. Journal of Sociology. 2013. №4. Pp. 35-48.

10. Lebedev S.D., Istomin A.G. Cultural symbols of Urban Space: on materials of the Belgorod, Vladimir, Smolensk and Yaroslavl. Integration as a basic factor in the establishment and development of socio-cultural space of the city: The collection of materials of the International scientific-practical conference on 26-27 November 2015. Belgorod. "Epicenter" Ltd. 2016. Pp. 15-22.

11. Museum "Prokhorovka Field" – as a Symbol of the Third Russian Battle Field. URL: <http://www.prohorovskoe-pole.ru/index.php/museum.html> (date of access: May 16, 2016)

12. Khaliy I.A. Current Russian Borderland: General Characteristics. Bulletin of the Institute of Sociology. 2014. Number 11. Pp. 24-33.

13. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. New York. The Free Press, 1995.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.356.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-27-38

Маркина И.В.

ОСНОВЫ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕЛЯЦИОННОЙ
СОЦИОЛОГИИ ПЬЕРПАОЛО ДОНАТИ¹

научный сотрудник, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
ул. Новокузнецкая, д. 23, строение 5а, г. Москва, 115184, Россия. Электронный адрес: ivkozmina@ya.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор теории семейной политики, выдвинутой в рамках реляционной социологии, которая была создана в конце прошлого века итальянским философом и социологом Пьерпаоло Донати (род. 1946). Целью семейной политики, согласно П. Донати, является обеспечение семье таких условий, в которых она сможет максимально реализовать свои собственные возможности и выполнить свои функции, а именно создать необходимую базу для полноценного формирования личности. Отсутствие четкого представления о сущности и задачах семьи П. Донати называет главной причиной современного состояния семейной политики в Европе, которое он оценивает как кризисное. Проанализировав три социально-политических модели (либеральную, корпоративную и социалистскую) с точки зрения семейной политики, он приходит к выводу, что в рамках этих моделей собственно семейная политика невозможна, и предлагает свою модель, которую называет реляционной. Основным принципом семейной политики в рамках этой модели становится принцип субсидиарности.

Ключевые слова: семейные отношения; семейная политика; реляционная социология; социальные отношения.

Markina I.

FUNDAMENTALS OF FAMILY POLICY IN THE RELATIONAL
SOCIOLOGY BY PIERPAOLO DONATI

Research Fellow. St.Tikhon's Orthodox University. 23-5A Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
E-mail: ivkozmina@ya.ru

Abstract. This article is an overview of family policy through the lens of relational sociology developed by an Italian philosopher and sociologist P. Donati in the end of XX c. According to him, the aim of family policy is to create conditions, which help family to realize its own possibilities maximally and to perform its functions, i.e. to create the essential base for the full formation of the Self. P. Donati claims that the lack of understanding of the essence and tasks of the family is the main cause of modern family policy's crisis in Europe. He analyzes three socio-political models (liberal, corporative and socialistic) from the family policy point of view and shows that within these models, no family policy is possible. Thus, P. Donati proposes his own model, which he calls "relational". In this model, the subsidiarity is the main principle of family policy.

Keywords: family relations; family policy; relational sociology; social relations.

¹ «При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ».

1. Цель семейной политики

Реляционная теория общества, выдвинутая в начале 1980-х гг. итальянским социологом и философом Пьерпаоло Донати, в течение трех последующих десятилетий активно развивалась как самим Донати, так и другими крупными итальянскими учеными. Особое внимание уделялось ими проблеме семьи и семейных отношений, поскольку последние в рамках реляционной социологии рассматриваются как источник всех остальных социальных отношений. В свою очередь, одним из аспектов данной проблематики является тема семейной политики. Анализу семейной политики в Италии и Европе, процессов, лежащих в основе ее формирования, а также обоснованию принципиально нового для современного европейского общества подхода к ее проведению посвящена значительная часть работ П. Донати и других авторов. В настоящем обзоре мы рассмотрим ключевые идеи, связанные с теоретическими принципами разработки и реализации семейной политики, а также предложения конкретных мер, обоснованные авторами на основе реляционной парадигмы.

Отношение к семье, существующее в политической сфере в современной Европе, П. Донати характеризует как [6, р. 1]. С одной стороны, с политических трибун по-прежнему звучат слова об исключительной ценности семьи для общества. В то же время о том, в чем эта ценность состоит и при каких условиях реализуется, предпочитают умалчивать. Более того, характерное для современного сознания представление о семье как о месте реализации «чистых личных эмоций» [8, р. 181], отождествление семейных отношений с приватной сферой жизни личности, препятствует реальному признанию социального значения семьи.

Последнее, с точки зрения реляционной теории, сводится к тому, что именно семья является местом формирования социального капитала и, таким образом, источником общего блага¹. Эти два понятия требуют более подробного комментария.

Как отмечает Донати, в современном дискурсе общее благо все чаще трактуется в материалистских и утилитаристских терминах, сводится к «коллективному благу» [3, с. 75]², то есть простой сумме индивидуальных благ, или материальному благу, право на которое должно быть в равной степени обеспечено всем членам

общества: «...современное мышление постоянно демонстрирует опасность редуцирования смысла и ценности понятия общего блага к чистой собственности» [3, с. 75]. В рамках реляционного подхода общее благо отличается от индивидуального и коллективного тем, что оно может производиться и потребляться членами общества только *совместно*. Это означает, что оно «находится внутри отношений, которые связывают субъектов» [3, с. 76], то есть имеет реляционный характер.

К понятию общего блага с позиции реляционной теории приближается понятие *социального капитала*. Этим термином определяется особое качество отношений, для которых характерно доверие, сотрудничество и взаимность. Оно создает почву, на которой произрастают другие формы капитала, такие как человеческий (способности личности), ассоциативный (сети, которые стремятся к созданию общего блага), гражданский (поведение в публичной сфере), а также духовный (в случае, если семья осознает себя как духовное благо). Другими словами, социальный капитал – это «сеть отношений доверия и сотрудничества, в которых субъект (индивидуальный или коллективный) может находиться в своей естественной сфере жизни, посредством обмена материальными и нематериальными благами, полезными для его деятельности» [15, с. 154].

Авторами различаются *первичный* и *вторичный* социальный капитал. Семья является источником первичного социального капитала, «уникального и незаменимого» [8, с. 197], который становится вторичным, выходя за пределы семьи и реализуясь в обществе.

Исходя из этого, цель семейной политики – помочь семье использовать ее собственный потенциал, выполнить ее специфические функции, а не заменить ее в этом (что, с точки зрения Донати и его единомышленников, в полной мере невозможно). «Конечно, политика не может ни решить все проблемы семьи, ни даже <...> привести ее к благополучию. Задача, которую политика сегодня может и должна решить – создать условия, социальное *окружение*, человеческую экологическую среду» для семьи [8, с. 35].

2. Кризис европейской семейной политики и его причины. Три вопроса семейной политики

Отсутствие четкого и определенного представления о значении семьи для общества явным образом влияет на характер семейной политики в современной Европе, состояние

¹ Il bene comune.

² Il bene collettivo.

которой П. Донати оценивает как кризисное. В частности, он отмечает, что, с одной стороны, «несомненно, что Европейская комиссия в течение нескольких лет демонстрирует определенный интерес к теме семьи», стимулируя страны-участники к проведению более активной *family friendly* политики, а «Совет Европы и ОЭСР продолжают проводить важные исследования и создавать документы по семейной тематике» [8, с. 212]. В то же время на практике семейная политика как таковая отдается на откуп странам-участникам в соответствии с декларируемым принципом субсидиарности, при этом последний трактуется «в смысле, что семейная проблематика должна рассматриваться на местном, как можно более низком уровне» [8, с. 213].

«Это порождает многочисленные двусмысленности» [8, с. 213], продолжает Донати. По его мнению, такая ситуация вызвана именно отсутствием единого представления о том, что такое семья, и каким образом ее следует поддерживать с точки зрения социальной политики. Семейная политика принимает косвенный характер, перестает направляться на семью как таковую и фактически подменяется политикой, решающей проблемы демографии, бедности, гендерной и т.д. Семейная политика теряет свой объект.

Отталкиваясь от анализа указанных выше кризисных явлений, П. Донати формулирует три вопроса, без ответа на которые разработать и реализовать новую эффективную семейную политику не представляется возможным:

1. «Генерализация и дифференциация семейной политики» [4, с. 11] (или как отличить семью от не семьи?);

2. Дефиниция семьи: как, исходя из ответа на предыдущий вопрос, определить «референта» семейной политики?

3. Какое социальное и юридическое признание должно быть получено этим «референтом»? [9, с. 10-11]

Относительно первого пункта отмечается, что за последние десятилетия в Европе, во-первых, произошло уже упомянутое нами фактически «растворение» семейной политики в демографической, гендерной и т.д.: «Некоторые думают, что семейная политика – своего рода «сумма» всех этих политик. Но речь идет об иллюзии. Любая политика имеет свои цели, средства, нормы, ценности, и не может включаться в другую или быть полностью интегрирована с другой <...> несомненно, что политика, которая оказалась остаточной – это, разумеется, та, которая сконцентрирована на

семейных отношениях», – пишет Донати [4, с. 11]. Во-вторых, серьезные изменения претерпела сама семья (это связывается в первую очередь со следующими процессами: активизация женщин на рынке труда, политика равных возможностей и эмансипация несовершеннолетних).

Следовательно, в первую очередь необходимо определить, что именно является объектом *собственно семейной политики*, каким должен быть ее референт (вторая дилемма). С определением понятия семьи взаимосвязано представление о ее правах и обязанностях: «Если мы определяем семью каким-либо образом, эта дефиниция включает в себя определенный комплекс прав и обязанностей. Если мы исходим из конкретных прав и обязанностей, это подразумевает последующее определение семьи» [4, с. 12].

Дефиниция должна иметь не условный, прагматически-ориентированный, но институциональный характер; последнее достигается в том случае, когда «одна форма семьи признается обществом как законная» [4, с. 12]. Несостоятельность любого другого подхода будет явной, как только пойдет речь о соотношении прав семьи и какого-либо другого субъекта, будь то индивид или нечто иное.

Определение семьи в рамках реляционной теории («отношения полной взаимности между полами и поколениями» [4, с. 13]) предлагается как отправная точка для разработки семейной политики; оно должно сочетаться с «признанием новых отношений (мутуалистические и договорные отношения пары, сыновства, сожительство различной природы)» [4, с. 13]. Проведение четкой границы между семьей и этими последними (что ни в коем случае не должно восприниматься как дискриминация) может сделать семейную политику более осмысленной и, тем самым, более эффективной.

Кроме того, Донати неизменно акцентирует внимание на своего рода «трансцендентности» семьи (понимаемой в указанном выше смысле), в данном случае – по отношению к нормам позитивного права.

Наконец, третья из сформулированных выше дилемм касается вопроса о социальной субъектности семьи. Семья является социальным субъектом, что раскрывается в следующих тезисах:

- Семейные отношения как общественные отношения включают договор (но отнюдь не исчерпываются этим);

- Семейные отношения являются реляционным благом;

- Семья является субъектом реляционных прав и обязанностей;

- Семья выполняет определенные функции по отношению к обществу; при этом то, что происходит в семье, «оказывает влияние на все прочие формы социальности» [4, с. 13];

- Семья обладает собственным «гражданством», отличным от индивидуального;

- Семейные отношения подразумевают взаимосвязь свободы и ответственности.

Отношение общества к этим особенностям семейных отношений далеко не однозначно, однако их необходимо учесть для построения эффективной семейной политики.

Помимо указанных принципиальных вопросов, требующих ответа, в своих работах П. Донати указывает на следующие более частные причины кризиса в сфере семейной политики:

- Ассистенциалистский характер политики. Индивид «освобождается» от семейных обязанностей за счет предоставления семье соответствующих услуг; возрастание их количества ведет к перегрузке государства;

- Ориентация на ядро «мать-ребенок» («этот выбор оказывается явным в растущем числе стран, таких как Франция, скандинавские страны и, в целом, Евросоюз» [9, с. 6]) вызывает «вытеснение» из семьи мужчины и ослабление связей между поколениями;

- Восприятие семьи как части приватной сферы, вопрос личных вкусов, выбора и т. д. (так называемые *families-of-choice* [9, с. 6]);

- Ориентация семейной политики на индивида во всех фазах его жизненного цикла, а не на семьи с определенными характеристиками; Донати противопоставляет поддержку просто индивида, находящегося на определенной жизненной ступени (ребенка, пожилого человека и т.д.), индивиду как члену семьи (сыну/дочери, бабушке/дедушке);

Перечисленные установки, таким образом, провоцирует рост индивидуализации, ослабление семейных связей и социальную дезинтеграцию, в силу чего, с точки зрения Донати, должны быть заменены новыми:

- Принцип ассистенциализма должен быть заменен принципом субсидиарности. Идея субсидиарности занимает очень важное место в реляционном подходе к семейной политике. Упомянутое выше общее благо (одна из ключевых категория реляционной теории) является «продуктом системы социальных действий, которые включают множественность субъектов, ориентированных один в отношении другого на базе взаимной солидарности и

субсидиарности». Однако речь идет не только о «так называемой «вертикальной субсидиарности» [4, с. 78], то есть о вертикальном взаимодействии различных уровней социальной пирамиды, а о принципе, «в соответствии с которым более крупные социальные образования не должны подменять собой более мелкие, но должны поддерживать их в их автономии, обеспечивая правила и средства, необходимые для того, чтобы они могли сами выполнять свои специфические задачи» [9, с. 7]. При этом субсидиарность может проявляться в отношениях между различными субъектами и принимать различные формы;

- Политика, направленная на диаду «мать-ребенок», должна быть переориентирована на «семейное ядро, понимаемое как реляционная система взаимности между полами и между поколениями» и поддерживать значение отца;

- На смену приватизации семейных отношений должна прийти их реляционная оценка. Акцент должен быть сделан на диалоге, на реляционном, а не индивидуалистском, характере личных прав в рамках семьи;

- «Имплицитную политику должна заменить эксплицитная политика, направленная на семейные отношения как таковые, в поле интергенерационного обмена» [9, с. 8]. Следует учитывать, что действия, предпринимаемые в адрес той или иной возрастной группы, могут косвенно сказываться на прочих;

- Семейная политика должна иметь прямой характер: «нужно, следовательно, говорить о «семейной занятости», о «доме для семьи», о «услугах для семьи», о «семейном доходе», «семейном страховании», то есть ориентироваться на «семью как группу-институт в целом» [9, с. 8].

«В итоге: сегодняшние потребности идут в направлении требования поворота от социальной политики, основанной на остаточности семьи, к социальной политике, опирающейся на социальную субъектность семьи» [9, с. 8]. Таким образом, общество оказывается состоящим из четырех подсистем: государство, рынок, третий сектор и семья [4, с. 22].

3. Три модели семейной политики

Донати предлагает свою классификацию режимов государства всеобщего благосостояния, выделяя три социально-политических модели: либеральную, корпоративную и социалистскую - и анализируя их позитивные и негативные стороны.

Основополагающим принципом первой является свобода индивида. Семейные отношения внутри этой модели понимаются как договор, свободно заключаемый индивидами на базе

собственных предпочтений по правилам рынка. Плюсом этой модели является возможность свободного создания семьи и управления ею; одновременно семья начинает восприниматься утилитарно по отношению к индивиду, отсюда негативный эффект – растущая индивидуализация и, следовательно, ослабление социальной ткани.

Вторая модель опирается на принцип «коллективной солидарности, реализуемой в первую очередь со ссылкой на категории, относящиеся к занятости и, в основном, на позицию индивидов по отношению к рынку труда. Семья в качестве референта социальной политики определяется как социальный институт, основанный на взаимодополняемости полов и солидарности между поколениями» [9, с. 4] и служащий объединяющим членом общины началом. Семья представляет индивидов как особый субъект и наделяется собственными правами и обязанностями. Социальная политика в этом случае направляется главным образом на обеспечение минимального дохода и денежных пособий в различных случаях жизни. Позитивным аспектом этой модели является общественная поддержка семейных связей, негативным – отсутствие равенства, невозможность обеспечить равные возможности полов и поколений. В результате семья начинает играть вспомогательную роль по отношению уже не к индивиду, как в предыдущем варианте, а к государству.

Основной принцип третьей модели – социальное равенство. Семья в рамках этой модели соответствует домохозяйству, причем существует тенденция уравнивания в правах женатой и неженатой пары. Семейная политика рассчитана на поддержку индивидов в их семейных обязанностях и реализуется при помощи контроля над распределением ресурсов (*politics against markets*); важной является идея демеркатизации социальных отношений в противовес эмоционально-аффективным. Положительный аспект в этом случае – возможность обеспечить поддержку тех, кто находится в наиболее сложной ситуации; с другой стороны, эта модель также чревата ослаблением социальных связей, а также угрозой бедности. Семейные отношения в рамках этой модели редуцируются до исключительно эмоциональных отношений между «случайно» объединившимися индивидами.

Таким образом, все три варианта, в конечном счете, приводят к отказу от собственно семейной политики.

Этим трем моделям Донати противопоставляет реляционную модель, объединяющую то, о чем говорилось выше – четкое представление о собственно семейной политике, определение семьи как отношений полной взаимности между полами и поколениями, идея гражданства семьи, принцип субсидиарности [4, с. 16-19].

Подводя итог обзору теоретических аспектов семейной политики, разработанных на базе реляционной теории общества, повторим основные положения. Семья, определяемая как система отношений полной взаимности между полами и поколениями и, в конечном счете, имеющая трансцендентный характер, является уникальным источником первичного общего блага. Семейная политика должна быть направлена на укрепление и развитие способности семьи производить общее благо, в соответствии с принципом субсидиарности. Для этого она должна быть прямой, направленной непосредственно на семейное ядро, которое в политически-правовом отношении представляет собой социальный субъект особого рода со своим комплексом прав и обязанностей, и на существующие в нем отношения. При этом необходимо четкое представление о различии между собственно семейными и иными первичными отношениями, семьей и квазисемейными образованиями.

4. Система ODG

Для анализа социальных фактов с точки зрения реляционной теории и разработки адекватных ставящимся в соответствии с полученными результатами задач мер социальной политики П. Донати была создана система ODG – «наблюдение-диагностика-управление»¹. Краткое описание этой системы мы приводим по публикации Е. Карра «Внутри семейной политики» [2].

«Процесс ODG представляет собой очень эффективную модель отношений между познанием и управлением в сфере социальной политики» [2, р. 10]. Данная модель включает три этапа: анализ ситуации и обнаружение проблемы (наблюдение); поиск ее реляционных основ (диагностика); разработка мер ее решения (управление), каждый из которых имеет «реляционный аспект» [2, с. 11], так как любая социальная ситуация подразумевает взаимоотношения как минимум двух субъектов.

¹ Osservazione-diagnosi-guida relazionale.

Е. Карра в своей работе приводит следующий пример. Посредством *наблюдения* выявляется, что работающие молодые родители склонны обращаться за помощью в воспитании детей к собственным родителям. Оценка этого явления на этапе *диагностики* может быть двойкой. С одной стороны, можно предположить, что данная ситуация свидетельствует о крепости первичных связей, которые имеют значительную ценность в повседневной жизни. С другой, напротив, это может говорить о неспособности молодых родителей быть самостоятельными, ограниченности их возможностей и умений. На основе этих оценок могут быть предложены два различных комплекса мер. Первый будет направлен на укрепление солидарности внутри семьи в соответствии с принципом субсидиарности (*управление реляционного характера*); основной задачей второго, напротив, будет увеличивать количество различных предложений для семьи за счет бюджета (социальная политика заменяющего типа) [2, с. 12-13].

Реляционное исследование семейной политики, указывает Е. Карра, может быть охарактеризовано как оценочное, как исследование-вмешательство и как исследование, направленное на определенные цели, а именно получение результатов, которые должны быть использованы для осуществления дальнейших практических действий на социальном поле.

В качестве одного из ярких примеров практического применения представлений о семейной политике мы остановимся на работе Центра изучения и исследования семьи Миланского католического университета, связанной с принятием и реализацией регионального закона о семье в Ломбардии в декабре 1999 г. и описанной в упомянутой выше работе Е. Карра.

Ещё в 1997 г. Центром по заказу местной власти было проведено исследование «Регион Ломбардия знает молодые семьи», в ходе чего были выявлены стратегии, при помощи которых молодые семьи с маленькими детьми преодолевают встречающиеся им трудности разного рода, а также слабые места таких семей. В частности, результаты проведенного опроса показали, что сложности у молодых семей вызывает совмещение заботы о детях с рабочими обязанностями (важными для каждого из супругов); в то же время решение данной проблемы не должно негативно сказываться на отношениях между самими супругами. Как правило, молодые семьи прибегают к помощи собственных родителей; в другом варианте

ребенку большую часть своего времени посвящает мать, ограничивая профессиональную сферу. Кроме того, усилия семьи часто оказываются направлены преимущественно на уход за ребенком в ущерб воспитательным и образовательным задачам.

По итогам исследования авторы сформулировали ряд слабых мест молодой семьи:

- Значительная зависимость от родительских семей, провоцирующая социальной неравенство поколений;
- Лишенный необходимой гибкости рынок труда;
- Недостаток социальных учреждений для детей младшего возраста (функции ухода за ребенком в отсутствие родителей принимает на себя старшее поколение, что имеет и позитивные, и негативные следствия) –

а также, напротив, ее сильных сторон:

- «Заметная компенсаторная способности первичной сети по отношению к социальным дисбалансам» [2, с. 28]. Иными словами, семья по-прежнему является источником социального благополучия.

Е. Карра указывает на следующую взаимосвязь между сделанными исследователями выводами и основными положениями закона «Региональная политика для семьи»: «Ломбардская семейная политика к концу 1999 г. осознает и укрепляет способность семьи к солидаризации через поддержку семейного ассоциационизма и финансирования проектов, основанных на самопомощи; стимулирует апробацию служб «семейного» стиля для раннего детства, где должна поощряться ведущая роль родителей, и поддерживает программы обучения родителю; выделяет субсидии молодым парам для приобретения первого дома, содействуя экономической независимости» [2, с. 31].

После публикации закона наибольший интерес у сотрудников Центра вызвали статьи, связанные с взаимопомощью семей и семейными ассоциациями. В статье 4 рассматриваются:

- «Укрепление воспитательно-образовательных служб для раннего детства, при помощи финансирования инновационных и экспериментальных проектов, представленных ассоциациями и организациями частного характера, с особым вниманием к решениям, которые усиливают сплоченность семьи;
- Реализация образовательных мероприятий для молодежи, пар и родителей государственными и частными консультантами;
- Активация форм домашнего ухода как альтернативы институционализации» [2, с. 32].

В статье 5 – поддержка семейных ассоциаций «при помощи таких инструментов как перепись, учреждение Реестра, создание Регионального совета ассоциаций семейной солидарности» [2, с. 32].

Как один из важных этапов реализации закона изначально были запланированы мониторинг и оценка результатов его действия до конца периода финансирования. К этой деятельности были привлечены сотрудники Центра. В 2000 году Центром было начато масштабное исследование, основная цель которого сводилась к «поддержке реализации 4 и 5 статей» [2, с. 35] закона «Региональная политика для семьи». Оно рассматривало ряд объектов (семейные ассоциации Ломбардии; проекты, реализуемые при поддержке, оказываемой на базе принятого закона; инновационные социальные службы для семьи) в рамках всех трех этапов системы ODG и включал сбор информации об объектах, ее оценку и формирование референтов для принятого закона. Исследования проводились в течение нескольких лет и включали несколько этапов. На основе полученных результатов участниками исследования формулировались рекомендации для корректировки конкретных действий, предпринимаемых правительством региона.

5. Оценка социальной политики

В качестве «компас» для анализа социальной реальности в рамках реляционной теории применяется схема AGIL Парсонса, «используемая, однако, не жестко функционалистским образом» [2, с. 17].

В частности, Latensy в этом прочтении Донати связывает не с культурной моделью, а с реляционными ценностями, с отношением: «латентность ценностей (уже не сохранение культурной модели, а ее постоянная реинтерпретация!) отсылает к вертикальному измерению [...] L – это оценочная инстанция (или ценностная, или также «этическая»), которая проходит через все социальные отношения (следовательно, AGIL), и поэтому определяет все функции. Это потребность, отраженная во всех остальных функциональных полюсах. На фоне основного функционирования общества L предоставляет *среднее* взаимности [...], представляет *точку во времени и пространстве, в которой общество превосходит самого себя как человеческое общество* [...]. Если бы не было ценностей, не было бы человеческого социального мира, ни человеческих действий, ни, следовательно, потребности в компасе для ориентации в нем» [2, с. 18].

Кроме того, четыре полюса этой схемы (L – ценностная модель, I – взаимодействие субъектов в отношении к нормативности, G – конечная или промежуточная цель; A – средства ее достижения) трактуются как обладающие сложной взаимосвязью и многомерной направленностью. Ось LG представляет собой референтный уровень (refero), демонстрирующий соотношение ценностей и целей, а AI – структурный (religo), соотношение инструментов и взаимодействия субъектов. Как пишет Е. Карра, «анализировать социальные феномены как социальные отношения означает, в таком случае, наблюдать и выявлять *отношение*, которое демонстрируют все социальные феномены, между символическим выражением (смыслом) и структурными условиями; кроме того, в свою очередь, каждый из этих двух аспектов в реальности является *отношением* между ценностями и целями, с одной стороны, и средствами и нормами, с другой» [2, с. 18].

На этой основе П. Донати и Р. Прандини разработали ряд показателей для оценки социальной политики, затрагивающих в том числе и сферу семьи:

- «показатель оперативной эффективности и оценки/реорганизации политики;
- показатель усиления автономной солидарности и взаимосвязи между государственными услугами и частным сектором с целью взаимной ответственности;
- показатель интеграции между нуждами семьи, множественностью акторов и сетевых мер, поощрение политики empowerment;
- показатель осознания ценности семьи как единого и активного субъекта политики» [2, с. 19].

В результате последующего уточнения в работах Р. Прандини, Дж. России и Е. Карра Миттини эта система оценки приобрела следующий вид:

- «показатель оперативной эффективности и оценки/реорганизации политики;
 - *оперативные инструменты* (уровень инноваций и соответствие целям);
 - *способность к авторефлексии* (способность/желание реализовать оценку собственных действий);
 - *организация* (связь между различными услугами, на формальном и неформальном уровне);
 - *медиа-поддержка* (предложение услуг онлайн, введение в сети постоянно актуальной информации, поддержка виртуального диалога между различными субъектами);

- показатель усиления автономной солидарности и взаимосвязи между государственными услугами и частным сектором с целью взаимной ответственности:

- *воздействие на семейные отношения* (меры, направленные не на отдельных членов семей, но на семейные отношения, поощряющие автономную активизацию семьи: субсидиарность);

- *усиление ассоциативной солидарности* (поощрение создания ассоциативных структур между семьями);

- *поддержка цикла семейной жизни* (представление о семье как цикле семейной жизни с целью снижения трудности некоторых фаз <...>);

- показатель интеграции между нуждами семьи, множественностью акторов и сетевых мер, поощрение политики empowerment;

- *связь между потребностями и субъектами семьи* (межотраслевой характер);

- *множественность акторов* (вовлечение добровольцев, ассоциаций, кооперативов, родных, групп самопомощи...);

- *развитие сетевых действий* (поощрение неформальных сетей, наиболее адаптированных и близких к семейным отношениям);

- *поощрение политики empowerment* (взаимное усиление семьи и общества);

- показатель осознания ценности семьи как единого и активного субъекта политики» [2, с. 42-43]

- *семья как единичный субъект первичных потребностей* (поддержка семьи как автономного производителя услуг для личности – субсидиарность);

- *семья как активный субъект политики* (вовлечение семьи в разработку и реализацию услуг);

- *политическое представительство семьи* (поддержка семейного ассоциационизма как активного субъекта семейной политики).

6. Семейные ассоциации

В условиях современной Италии одной из важнейших тем для разговора о семейной политике является семейный ассоциационизм¹. Семейные объединения, как пишет Е. Карра, всегда были значимой частью социальной жизни Италии, но особую роль начали играть в 1990-е гг. В ряде регионов их деятельность получила законодательное оформление. Тогда же началось их изучение в рамках реляционной парадигмы.

П. Донати указывает на два необходимых условия, которым должна удовлетворять

ассоциация: собственная система ценностей и собственная внутренняя динамика (при которой сама ассоциация является источником происходящих в ней процессов), а также называет четыре общих признака ассоциации: автономия, свобода действия, сопряженная с ответственностью, реляционный характер (способность к взаимодействию), «сетевая структура которая сочетает Gemeinschaft и Gesellschaft, не аннулируя ни одного, ни другого» [5, с. 11].

Кроме того, он подробно останавливается на реляционной сущности ассоциации, не ограниченной инструментальным характером, но имеющей характер общего блага: «Ассоциация является таковой, если и только если, и в той мере, насколько члены воспринимают и проживают ее фактически как общее благо, как дело, в котором они лично заинтересованы, а не как внешний по отношению к ним инструмент, которым они лишь пользуются для получения определенных преимуществ» [5, с. 10]. Именно такие ассоциации и представляют собой интерес для рассмотрения в рамках реляционной теории.

Наконец, особенность *семейной* ассоциация заключается в том, что она преобразует *семью* посредством *семьи*, действуя *семейно* (то есть ориентируясь на такие особенности последней, как нацеленности на *персонализацию*, *гуманизацию* личности, достигаемую посредством *отношений*, основанных на норме *взаимности*).

В обобщающей работе «La famiglia il genoma che fa vivere la società» [8] П. Донати так изображает этот процесс: «Семьи встречаются и помогают друг другу, пытаясь выявить свои проблемы и обмениваясь опытом. Это делается в присутствии экспертов (инспектирующих, стимулирующих, воодушевляющих), которые действуют не директивно (не дают норм, которым нужно следовать), но майевтически, то есть помогают семьям поддерживать самих себя, определять свои задачи и средства для их достижения. Речь идет об образе вмешательства, который создает социальные сети семей для усиления их способности к рефлексии и, в свете community care, при помощи взаимной поддержки самих семей. Фундаментальный критерий того, идет ли речь о подлинной стратегии empowerment или нет, состоит в том, увеличивается или уменьшается способность семьи быть семьей и порождать семью посредством семьи» [8, с. 229-230].

Иными словами, более или менее «благополучные» (в этом понимании) семьи в рамках ассоциаций призваны обмениваться опытом решения общих проблем и взаимно

¹ L'associazionismo familiare.

совершенствоваться. Поскольку цель семейной политики, как уже было указано, заключается в том, чтобы обеспечить семье такую среду, в которой она сможет естественно реализоваться как первичный источник социального капитала, семейные ассоциации, в свою очередь, выступают здесь в качестве основного инструмента, при помощи которого эта цель может быть достигнута непосредственно при обеспечении необходимых условий для их деятельности. Для этого деятельность ассоциаций должна получить признание и поддержку на законодательном уровне, с чем и связаны основные трудности (как и в случае семьи как социального субъекта).

В картине общества, предлагаемой Донати, разного рода ассоциативные объединения разного рода ассоциации занимают одно из ключевых мест. Признание семьи и таких объединений в качестве правовых субъектов, обладающих собственным «гражданством», необходимо для преодоления кризиса современного европейского общества, в основе которого лежит бинарная оппозиция рынка и государства, санкционированная индивидуалистской и утилитаристской идеологией. Введение этих новых акторов – семьи и ассоциаций – помимо государства и рынка позволит обществу пройти между «Сциллой (патологиями марксистского социализма)» и «Харибдой (патологиями либерализма)» [8, с. 2].

Будучи производителями общего блага, ассоциации как акторы не принадлежат ни рынку, ни государству, и своей *семейно* ориентированной деятельности реализуют «“другой код” гражданства по сравнению с кодом бинарного государство/рынок» [8, с. 22]. Этот код включает:

- «другой способ» экономической деятельности, отличный от рыночного (поскольку ассоциации и их члены в качестве производителей и потребителей не рассматривают продукт с точки зрения «примата полезности»);

- «другой способ “быть государством”»: обладание «правами, которые не могут быть (не должны быть) делегированы»;

- «другой способ “производить социальную интеграцию”», переходящую на уровень жизненного мира;

- «другой способ “производить культуру”»: отношение к ценностям в соответствии с собственным этосом [8, с. 22].

Реорганизованное на этих основаниях общество представляется в виде взаимосвязи элементов: рынок – adaptation, государство –

goal-attainment, третий сектор – integration, «четвертый сектор (первичные сети: семья, родственные связи, дружеские и неформальные группы) – latency. Появление такого общества возможно при отсутствии доминирования рынка или государства.

Донати выделяет [8, с. 18] три особенных, собственных функции семейных ассоциаций:

- Неформальная реализация социокультурного плюрализма;

- Защита общества от других систем (рынка и государства); «и в этом смысле реализация позитивной свободы (свободы для, свободы как «обязательства перед»), а не только негативной (свободы от, свободы как «права быть оставленным в покое») [8, с. 18];

- Усложнение социальной интеграции на основе интерсубъективности; например, гуманизация услуг за счет человеческих отношений.

Переходя к классификации ассоциаций, он указывает на возможность использования различных критериев, и предлагает два варианта классификации: в зависимости от цели и в зависимости от структуры.

Конечная цель деятельности ассоциации выражается при помощи двух понятий: продукт и потребитель. Сочетания различных продуктов и потребителей различного характера позволяет выделить следующие типы:

- Ассоциации, производящие особые услуги для своих членов. Это организации самопомощи, например, объединения семей, столкнувшихся с проблемой алкоголизма;

- Ассоциации, производящие особые услуги как для своих членов, так и для других потребителей, открытые вовне; члены таких ассоциаций объединяются для совместной просоциальной деятельности;

- Ассоциации, производящие общие услуги для своих членов (в первую очередь, но не исключительно), ориентирующиеся на «общие», распространенные потребности (например, медицинское консультирование);

- Ассоциации, производящие общие услуги для внешнего потребителя. Такая деятельность может ставить перед собой задачи, касающиеся культурной, общественной или политической сферы; например, защита социальных прав.

Вторая предлагаемая классификация, основывающаяся на структурных признаках, предполагает три критерия: юридический статус, территориальный уровень, организационная модель (степень гибкости распределения ролей, степень профессионализации (трудоустроен-

ные/добровольцы), тип управления, характер внутренней структуры.

Описание при помощи этих критериев, отмечает Донати, демонстрирует слабость итальянских семейных ассоциаций, имеющих, как правило, «волонтаристский» юридический статус вместо «общественного», ограниченных локальным/региональным уровнем и демонстрирующих низкую степень гибкости и профессионализма в управлении [8, с. 19-21].

В качестве практического выражения дилемм, связанных с деятельностью ассоциаций, рассмотрим предлагаемый Донати в этой же публикации пример школьного образования. Логика современного общества признает только два типа школ: общественные, то есть государственные, и частные, то есть являющиеся частью рынка (за немногочисленными исключениями, каковыми являются, например, католические школы). Школы, автономные от государства, создающиеся на ассоциативных началах (например, группой родителей для своих и чужих детей) и не преследующие рыночных целей, выпадают из поля зрения правовой системы и не встречают необходимой поддержки; это относится к любым субъектам «некоммерческого сектора» [8, с. 22]. В частности, в итальянском обществе автономные школы ассоциируются с привилегированностью, вызывают подозрения в поощрении неравенства; доминирует идея, что обеспечить равенство граждан могут только государственные институты. Однако это не так, «эта позиция, если и могла быть оправдана в начале строительства современного национального государства, сегодня оказывается анахронической, устаревшей» [8, с. 26]; современное общество нуждается в сложных, дифференцированных институтах. «Необходимо рассматривать проблему с другой точки зрения, или лучше с различных точек зрения вместе. С точки зрения родителей, которые выбирают школу, с точки зрения учащихся, с точки зрения преподавателей, с точки зрения всего политического сообщества (локального, национального, наднационального)» [8, р. 26]. Такой взгляд должен дать право на существование различным типам школ, государственным, частным коммерческим, частным некоммерческим, «общинным» [6, с. 27] и комбинирующим в себе эти типы.

7. Операционализация понятия «семейности» в оценке услуг для семьи

Очевидно, что важное место в сфере семейной политики занимает проблема услуг для семьи. Среди работ интересующих нас авторов

значительная часть посвящена этой теме. Она, в частности, рассматривается в последнем двухгодичном отчете Национального исследовательского центра по делам семьи [16, с. 2], как и во множестве других публикаций.

В нашем обзоре мы остановимся на вопросе оценки услуг для семьи и рассмотрим критерии, разработанные Центром Миланского университета в ходе упомянутого выше исследовательского проекта, реализованного в Ломбардии.

Чтобы соответствовать представлению о личности и семье, разработанному в рамках реляционного подхода, услуги, предоставляемые личности, должны иметь конечной целью *персонализацию* (становление личности более личностью), предоставляемые семье – ее *фамилиаризацию* (становление семьи более семьей); эта установка противопоставляется стандартизации, бюрократизации, формализму. «Термин персонализация отчетливо выявляет, что удовлетворение потребности, которое осуществляется при помощи оказания услуги, принимает *реляционный* характер [2, с. 138]; такая услуга направлена на производство реляционного блага и сама может являться таковым. Фамилиаризация – своего рода синоним персонализации; характер предоставляемой услуги определяется тем, что личность, потребности которой услуга удовлетворяет, состоит в сети социальных отношений, наиболее важные из которых – семейные.

Понятие *фамилиаризации* услуги сотрудники Центра операционализировали при помощи следующих показателей:

- Инициатор услуги является семейной ассоциацией;
- Среди инструментов присутствуют встречи с родителями/членами семьи и анкеты;
- Организована возможность встреч с родителями/членами семьи (праздники, экскурсии и т.д.);
- Среди персонала присутствует один или более родитель/член семьи;
- Услуга оказывается на дому потребителя;
- Помещение обустроено как дом;
- Присутствуют отношения с семейными организациями;
- Потребитель – сын отца, который работает на предприятии;
- Использование долгов/кредитов частью членов семьи;
- Тематические области формирования отношений с семьей, работы сетей, семейной политики;

• Деятельность направлена не на индивида, а на семью;

• Задействованы оба члена пары [2, с. 156].

8. «Семейный пакет»: меры по преобразованию семейной политики

В заключение мы приведем систему конкретных мер в сфере семейной политики, разработанный Донати и его единомышленниками на основе изложенной теории [13, с. 295-301]:

1. Особая система налогообложения и тарификации (стоимость коммунальных услуг, транспорта, образовательных услуг и т.д.), учитывающая состав семьи, то есть число ее членов и их специфические потребности (которые могут отличаться у семей с маленькими детьми, пожилыми людьми или инвалидами), а также «семейный доход»;

2. Гибкая помощь семьям (в особенности молодым) в решении жилищных проблем; речь идет не только об обеспечении семьи собственным жильем, но и о соответствии этого жилья ее потребностям («дом, который растет вместе с семьей»);

3. «Меры, позволяющие паре иметь желаемое число детей»; например, создание специальных фондов для оказания материальной поддержки;

4. Развития услуг няни, прежде всего – предоставляемых на основе семейных ассоциаций;

5. Поддержка семей с членами, требующими особого ухода (дети-инвалиды, престарелые и т.д.), направленная на то, чтобы последние продолжали находиться в семье или же в условиях, максимально приближенных к семейным. Это подразумевает материальную помощь; развитие услуг, оказываемых на дому; создание из самих семей сетей взаимопомощи; создание учреждений для временного пребывания (например, в летний период), не вырывающих человека из семьи, но позволяющих семье «отдохнуть»;

6. Обеспечение постоянного доступа членов семьи к больному при госпитализации (не только если речь идет о ребенке);

7. Реорганизация ритма жизни города с учетом потребностей семьи;

8. Использование ресурсов подходящих семей и общества как посредника для помощи детям из семей неблагополучных, вместо помещения их в специализированные учреждения;

9. Создание новых форм услуг для детей 1-5 лет (приближенных к семейным). Дети до 1 года должны находиться в семье;

10. Особая поддержка многодетных семей, а также семей, оказавшихся в трудной ситуации (например, в случае безработицы);

11. Создание центров для семьи, предоставляющих услуги не отдельным семьям, а семейным ассоциациям, с целью улучшения их работы и повышения их самостоятельности;

12. Создание Совета семейных ассоциаций.

Таким образом, семейная политика в рамках подхода П. Донати является одним из важнейших инструментов преобразования современного европейского общества, находящегося в кризисном состоянии. Выход из этого кризиса возможен лишь при условии изменения представления о личности, семье и обществе; семья как место формирования личности и, тем самым, источник существования общества, требует самого пристального внимания. Реляционная парадигма Донати предоставляет основу для такого изменения и последующего принятия практических мер, в данном случае – разработки семейной политики, рассматривающей в качестве объекта собственно семью и семейные отношения и построенной на принципе субсидиарности и идее семьи как социального субъекта.

Литература

1. Buone pratiche nei servizi alla famiglia. Famiglie fragili. Famiglie con anziani non autosufficienti / E. Carrà e D. Bramanti (a cura di). URL: http://www.politichefamiglia.it/media/74637/report-introduzione_e_metodologia.pdf (дата обращения: 26.08.2014).

2. Carrà Mittini E. Dentro le Politiche Familiari. Storia di una ricerca relazionale sulla Legge 23/99 della Regione Lombardia «Politiche Regionali per la Famiglia». Milano, 2003.

3. Donati P. I fondamenti della sussidiarietà. URL: <http://www.sussidiarieta.net/files/Donati.pdf> (дата обращения: 13. 08. 2014).

4. Donati P. I principi fondamentali della politica familiare: ripensare i “diritti della famiglia” nella società che si globalizza. URL: <http://www.istitutogp2.it/public/I%20principi%20fondamentali%20della%20politica%20familiare.pdf> (дата обращения: 2.08.2014).

5. Donati P. Famiglia, associazioni familiari e nuova cittadinanza. URL: www.istitutogp2.it/public/Famiglia,%20associazioni%20familiari%20e%20nuova%20cittadinanza.pdf (дата обращения: 15.07.2014).

6. Donati P. La famiglia come soggetto sociale. URL: <http://www.istitutogp2.it/public/La%20famiglia%20come%20soggetto%20sociale.pdf> (дата обращения: 20.03.2014).

7. Donati P. La famiglia e gli squilibri socio-demografici: quali politiche familiari? URL:

<http://www.centesiumannus.org/media/1qlrj1340008202.pdf> (дата обращения: 26.08.2014).

8. Donati P. *La famiglia il genoma che fa vivere la società*. Roma, 2013.

9. Donati P. *Le politiche familiari in Europa: modelli, principi e un nuovo approccio relazionale ai “diritti della famiglia”*. URL:

213.174.176.145/osservatorioprova/images/altrepubb/documenti/2012/donati_politiche_famiglia_europa.pdf (дата обращения: 30.07.2014).

10. Donati P. *Le politiche familiari in Italia: problemi e prospettive (il Piano nazionale e la proposta del family mainstreaming)*. URL:

http://www.conferenzafamiglia.it/media/6548/donati_intervento%20rivisto%208%20novembre.pdf (дата обращения: 26.08.2014).

11. Donati P. *Piani nazionali e politiche familiari: sfide e opportunità per l'Italia*. URL: http://www.conferenzafamiglia.it/media/1729/Pierpaolo_Donati_presentazione.pdf (дата обращения: 29.07.2014).

12. Donati P. *Quale welfare amico delle famiglie?* URL:

http://www.osservatorionazionalefamiglie.it/osservatorioprova/images/atti-seminari/Relazione_Donati_2004.pdf (дата обращения: 21.07.2014).

13. Donati P. *Sociologia delle politiche familiari*. Roma, 2003.

14. Donati P. *The State And The Family In A Subsidiary Society*. URL: www.pass.va/content/dam/scienzesociali/pdf/acta14/acta14-donati.pdf (дата обращения: 30.06.2014).

15. *La famiglia come intreccio di relazioni. La prospettiva sociologica* / G. Rossi, D. Bramanti (a cura di). Milano, 2012.

16. *La famiglia in Italia. Sfide sociali e innovazioni nei servizi, vol. I. Aspetti demografici, sociali e legislative* / P. Donati (a cura di). Roma, 2012.

17. Rossi G. *Associazionismo familiare. Capitale sociale per le famiglie e per la società. Aspetti cruciali e prospettive*. URL:

www.afifamiglia.it/public/Stampe%20slide%20Giovanna%20%20Rossi%2016-06-07.pdf (дата обращения: 26.08.2014).

References

1. *Buone pratiche nei servizi alla famiglia. Famiglie fragili. Famiglie con anziani non autosufficienti* / E. Carrà e D. Bramanti (a cura di). URL: http://www.politichefamiglia.it/media/74637/report-introduzione_e_metodologia.pdf (date of access: August 26, 2014).

2. Carrà Mittini E. *Dentro le Politiche Familiari. Storia di una ricerca relazionale sulla Legge 23/99 della Regione Lombardia «Politiche Regionali per la Famiglia»*. Milano, 2003.

3. Donati P. *I fondamenti della sussidiarietà*. URL: <http://www.sussidiarieta.net/files/Donati.pdf> (date of access: August 13, 2014).

4. Donati P. *I principi fondamentali della politica familiare: ripensare i “diritti della famiglia” nella società*

che si globalizza. URL: <http://www.istitutogp2.it/public/I%20principi%20fondamentali%20della%20politica%20familiare.pdf> (date of access: August 2, 2014).

5. Donati P. *Famiglia, associazioni familiari e nuova cittadinanza*. URL:

www.istitutogp2.it/public/Famiglia,%20associazioni%20familiari%20e%20nuova%20cittadinanza.pdf (date of access: July 15, 2014).

6. Donati P. *La famiglia come soggetto sociale*. URL: <http://www.istitutogp2.it/public/La%20famiglia%20come%20soggetto%20sociale.pdf> (date of access: March 20, 2014).

7. Donati P. *La famiglia e gli squilibri socio-demografici: quali politiche familiari?* URL: <http://www.centesiumannus.org/media/1qlrj1340008202.pdf> (date of access: August 26, 2014).

8. Donati P. *La famiglia il genoma che fa vivere la società*. Roma, 2013.

9. Donati P. *Le politiche familiari in Europa: modelli, principi e un nuovo approccio relazionale ai “diritti della famiglia”*. URL:

213.174.176.145/osservatorioprova/images/altrepubb/documenti/2012/donati_politiche_famiglia_europa.pdf (date of access: July 30, 2014).

10. Donati P. *Le politiche familiari in Italia: problemi e prospettive (il Piano nazionale e la proposta del family mainstreaming)*. URL:

http://www.conferenzafamiglia.it/media/6548/donati_intervento%20rivisto%208%20novembre.pdf (date of access: August 26, 2014).

11. Donati P. *Piani nazionali e politiche familiari: sfide e opportunità per l'Italia*. URL: http://www.conferenzafamiglia.it/media/1729/Pierpaolo_Donati_presentazione.pdf (date of access: July 29, 2014).

12. Donati P. *Quale welfare amico delle famiglie?* URL:

http://www.osservatorionazionalefamiglie.it/osservatorioprova/images/atti-seminari/Relazione_Donati_2004.pdf (date of access: July 21, 2014).

13. Donati P. *Sociologia delle politiche familiari*. Roma, 2003.

14. Donati P. *The State And The Family In A Subsidiary Society*. URL: www.pass.va/content/dam/scienzesociali/pdf/acta14/acta14-donati.pdf (date of access: June 30, 2014).

15. *La famiglia come intreccio di relazioni. La prospettiva sociologica*. G. Rossi, D. Bramanti (a cura di). Milano, 2012.

16. *La famiglia in Italia. Sfide sociali e innovazioni nei servizi, vol. I. Aspetti demografici, sociali e legislative* / P. Donati (a cura di). Roma, 2012.

17. Rossi G. *Associazionismo familiare. Capitale sociale per le famiglie e per la società. Aspetti cruciali e prospettive*. URL:

www.afifamiglia.it/public/Stampe%20slide%20Giovanna%20%20Rossi%2016-06-07.pdf (date of access: August 26, 2014).

УДК 316.422

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-39-45

Олейников А.А.

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ОСНОВА ЗАПАДНОЙ СИСТЕМЫ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА)

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. ул. Никитинская, д. 22, кв. 1, Москва, 105425, Россия
Электронный адрес: alek.oleinikoff2010@yandex.ru

Аннотация. Экономика всегда функционирует на основе идеологических и религиозных принципов, которые являются отражением философских доктрин. А они лишь формулируют систему жизненных принципов данного народа. Соответственно, цели и мотивы хозяйственной деятельности имеют этическое и религиозное измерение. Запад давно находится в состоянии тотальной войны с Востоком, задачи которой напоминают эпоху протестантской Реформации, эпоху захвата и передела Нового Света. Только теперь ставится задача – передела всего мира. А неолиберальная «культурная революция», основанная на теории постмодернизма, направлена на слом традиционной морали. Постмодернизм является одновременно и военно-политической доктриной, будучи подготовлен, чтобы готовить условия для «бархатных революций». Их цель разрушить системообразующие ценности и принципы данного духовного бытия («культурное ядро»).

Западная система обучения, основанная на постмодернизме, работает сегодня против России, формируя в России молодежь, воспитанную на основе прозападных ценностей, стремясь настроить её антиклерикально – в духе отрицания высших божественных ценностей, утверждая взамен «религию прав человека» и прочие ценности «современного общества». Именно поэтому мы должны готовить свои учебники по общественным наукам и по экономической теории, отвоевывая у Запада наше историческое духовное пространство.

Ключевые слова: экономика; философия; религия; этика и мораль; традиционная мораль; тотальные войны; протестантская Реформация; «культурная революция»; теория постмодернизма; военно-политическая доктрина; божественные ценности; духовное пространство; учебники по экономической теории.

Oleynikov A.A.

POSTMODERNISM AS A PHILOSOPHICAL BASIS OF THE WESTERN SYSTEM OF HIGHER EDUCATION (THE QUESTION ON NECESSITY OF CREATION OF THE EURASIAN ECONOMIC THEORY AND THE THEORY OF NATIONAL ECONOMY)

Doctor of Economics, Professor. St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University
22/1 Nikitinskaya St., Moscow, 105425, Russia. E-mail: alek.oleinikoff2010@yandex.ru

Abstract. The economy has always been functioning on the basis of ideological and religious principles, which are a reflection of philosophical doctrines. And they only formulate the system of principles of life of the people. Accordingly, goals and motives of economic activity have an ethical and religious dimension. The West has been in a state of total war with the East, the tasks of which is reminiscent of the age of the Protestant reformation, the era of the seizure and redistribution of the New world. Only now an objective is being set – the redivision of the world. And the neo-liberal «cultural revolution», based on the theory of postmodernism, is directed on the demolition of traditional morals. Postmodernism is at the same time a military-political doctrine, being prepared to prepare conditions for «velvet revolutions». Their objective is to destroy the traditional values and principles of the spiritual being (“the cultural core”).

The Western system of education, based on post-modernism, works against Russia, training the youth on the basis of the Pro-Western values – in the spirit of negation of the higher divine values, claiming instead a «religion of human» and other values of the «modern society». That is

why we must prepare our own manuals in social sciences and the economic theory, trying to take over our historical, spiritual space from the West.

Key words: Economics; philosophy; religion; ethics and morals; traditional morality; total war; the Protestant reformation; the «cultural revolution»; a theory of postmodernism; military-political doctrine; divine values; the spiritual space; books on economic theory.

1. ВВЕДЕНИЕ

Экономика всегда и везде функционирует на основе определенных идеологических и религиозных принципов, которые являются отражением философских доктрин. Однако философия только лишь формулирует, фиксируя теоретически, систему жизненных принципов данного народа, основанных на многовековых устоях и традициях, присущих данной стране как определенному культурно-историческому типу. Она разрабатывает систему базисных ценностей, образующих нравственное основание общества. А уже затем, на основе принципов и постулатов философской доктрины, ученые разрабатывают политические и экономические доктрины, а также соответствующие системы идеологий.

Экономические доктрины являются на деле *производными от философских доктрин и религиозно-философских течений, господствующих в данной стране и отражающих морально-этические устои общества, систему традиций и религиозно-нравственных ценностей.* Принципы и постулаты экономической теории, отражая цели и мотивы хозяйственной деятельности людей, не могут формироваться внутри самой экономической теории.

Соответственно, цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются *моралью*, имеют *этическое и религиозное измерение*. А в его основе лежит – «*собственный этический масштаб*» данной нации, основанный на многовековых морально-этических нормах и традициях, имеющих религиозное происхождение (либо, как, например, протестантство, всего лишь прикрывающихся символами религиозной веры, апеллирующих к ним в поисках поддержки общественного мнения; таково происхождение протестантской этики) [1, с. 481]. Человек в своей хозяйственной деятельности руководствуется всегда морально-этическими нормами и традициями. Его поведение всегда имеет – *этическое измерение*.

2. Постмодернизм как идеологическая и философская основа тотальной войны Запада против Востока и России

Запад уже давно находится в состоянии войны с Востоком, которая сегодня приобрела тотальный характер. Её задачи и масштабы

напоминают эпоху протестантской Реформации, эпоху захвата и передела Нового Света. Только теперь ставится задача – **захвата и передела всего мира**. Очевидно, что перекроить мир, ведя с ним тайную войну, ликвидируя «старые» нации и государства и создавая «новые», конструируя «новые общественные системы» и «новые типы хозяйственного устройства», можно с помощью все тех же старых методов, основанных на создании новых «культурных ценностей», формирующих некие «новые цивилизации».

Напомним читателю: **новый общественный строй создается новой моралью**. Именно поэтому в последние 10-летия расплодилось как грибы после дождя различные антиправославные протестантские секты, ведущие войну за умы и души наших людей. А неолиберальная «культурная революция», основанная на теории постмодернизма, направлена на слом традиционной морали, на превращение человека в часть дьявольской мегамашины, производящей деньги; на извращение сути человеческого бытия.

Постмодернизм, выражая неолиберальную систему мировоззренческих взглядов, является одновременно и **военно-политической доктриной**, разработанной Р. Инглегартом, одним из крупнейших теоретиков постмодернизма, вскоре после выступлений западноевропейского «поколения бунтарей» конца 1960-х годов.

Ее задачи заключались в том, чтобы, с одной стороны, отвлечь молодежь Запада от революционных выступлений против капитализма, а, с другой – наоборот, подготовить условия для «**тихой**» **революции**, т.е. контрреволюционных выступлений молодежи против социализма в социалистических странах Восточной Европы, то есть для организации – капиталистической контрреволюции [2, с. 263, 282].

1) Теория постмодернизации объявляет себя «теорией изменения ценностей», выступая, по сути, за культурный релятивизм. Западные теоретики постмодернизма рассматривают его как процесс перехода к новому мировоззрению, соответствующему новому, более высокому уровню жизни, достигнутому в странах «золотого миллиарда» [3, с. 290]. Однако нового здесь нет ничего кроме демагогии, так как основу «нового

стройка» и «нового мировоззрения» образуют такие индивидуалистические ценности, как «бережливость, накопительство, индивидуальный экономический успех» [4, с. 339-340].

2) *Постмодернизм выступает за «рекультуризацию» народов.* В основе этого подхода лежит *исторический релятивизм, презрение к преданиям, к исторической памяти.* При этом содержание культурных факторов теория постмодернизации связывает прежде всего с *предпринимательской протестантской этикой, основанной на бережливости, накопительстве и алчности.* Утверждается, что те общества, которые воспримут эти ценности, «будут демонстрировать более высокие темпы роста» [4].

3) Условием перехода к стадии постмодернизации является *«формирование постматериалистической, неэкономической мотивации» и соответствующих «постэкономических ценностей»,* наибольшее распространение которых, как подчеркивает В. Иноземцев вслед за своим американским коллегой (Р. Инглегарт), наблюдается якобы в странах Запада. Однако основу ценностей западного мира, именуемых «постэкономическими ценностями» и якобы имеющими неэкономический характер, образуют ценности индивидуализма и «саморегулирующейся системы», то есть ценности рыночной экономики, на что прямо указывает Иноземцев [4].

4) *Постмодернизм рассматривает себя в качестве «духовного» преемника протестантской Реформации,* которая вошла в историю как – антихристианская революция, утвердившая в западном обществе в XVI-XVIII вв. именно те антихристианские ценности, которые сегодня теория постмодернизации ставит во главу угла – *индивидуализм, накопительство, стяжательство, алчность, презрение к традициям и культуре предков* [13, с. 144-158]. Вслед за Реформацией постмодернизм отвергает духовные традиции Востока, рассматривая традиционные ценности в качестве – *косных, мешающих прогрессу.* Постмодернизм также разрывает связь с Богом и с Традициями, проповедуя культурный релятивизм, выступая за – *«...изменение системы ценностей путем замены одного поколения другим...»* [2, с. 282].

5) *Постмодернизм отвергает «абсолютные ценности» традиционного общества.* Именно поэтому постмодернизм характеризует ценности традиционного общества как, якобы, – *косные, то есть неподверженные, застывшие, неизменяемые.*

Это рассматривается как признак отсталости, якобы, не позволяющий традиционным обществам стать на путь постмодернизации. Р. Инглегарт утверждает, что ломка «некоторых компонентов традиционной системы ценностей» является необходимым условием успешной модернизации, т.к. *«абсолютные ценности по своей сути имеют косный характер, и в условиях быстро меняющейся среды адаптируются к этим изменениям с трудом»* [2, с. 280].

Все вышесказанное станет понятно, если мы не будем забывать, что сознание каждого отдельного человека является производным от объективного духовного бытия, основу которого образуют системообразующие ценности и принципы данного духовного бытия («культурное ядро»).

Меняя содержание этих системообразующих ценностей посредством молекулярной, т.е. *точечной агрессии* в «культурное ядро», мы лишаем человека точки опоры, деформируя ключевые понятия, на которые повседневно опирается «я» каждого человека. Наступающий в его голове хаос является производным от наступившего хаоса в культурном ядре.

3. Идеологические и философские основы западного образования

Вся система западного вузовского преподавания общественных наук и, в частности, экономической теории основана на философии позитивизма и постмодернизма. И суть проблемы здесь заключается в том, что западное образование исключает духовность как объект изучения и как основу образовательных программ, антихристианских по своей сути, по своему содержанию.

Однако главная проблема здесь в том, что преподавание экономической теории в светских вузах, как известно, основано денежных ценностях и соответствующей методологии, импортированных в Россию из США. Само по себе это – преступление. Это – добровольная сдача нашего духовного пространства в руки идеологического и цивилизационного противника России и всего Православного Востока. Принципиально важно, что эта система обучения, основанная на западных методиках, на западных порочных доктринах, *работает сегодня против России и стран СНГ, формируя в наших странах молодежь, воспитанную на основе прозападных стандартов и ценностей, стремясь настроить её антиклерикально – в духе отрицания высших божественных ценностей, утверждая взамен «религию прав человека» и прочие ценности*

«современного общества», подвергнутого агрессивной секуляризации.

Именно поэтому, отрицая принципиально западную систему вузовского преподавания общественных наук и, в частности, экономической теории, мы должны готовить свои учебники, адекватные нашим духовным ценностям, нашим православным традициям и нашей истории.

4. К вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства, а также о том, зачем нам нужен евразийский учебник по экономической теории?

Новые учебники должны рассматривать **национальное хозяйство как основу и как механизм воспроизводства общества и человека**. Эта проблема является чрезвычайно злободневной для России и других наших стран СНГ, и студенты должны хорошо знать её, понимать механизм движения всего национального хозяйства в целом.

Начнем с того, что для России, для стран СНГ и и других стран постсоветского пространства, расположенных в едином евразийском пространстве, необходима **своя – евразийская теория национального хозяйства**. Западные экономические теории являются *неадекватными* для восточного общества в целом. Попытки выстраивать модель национального хозяйства России, беря за основу западный методологический принцип индивидуализма, способны произвести только одно: *прозападную* модель общественного развития.

Мы исходим из того, что **экономическая теория теряет всякий смысл**, если, *увлекаясь математическими формулами и рыночными формализованными абстракциями*, она исключает из предмета своего анализа целое, а именно: конкретное национальное хозяйство и воспроизводство конкретного национально-обусловленного общества и его хозяйства.

Современная экономическая наука в России находится в глубоком кризисе, будучи неспособна сколько-нибудь адекватно отразить реальное национальное хозяйство и предложить обществу адекватную модель его модернизации. Главная проблема в том, что господствующий в вузах англо-американский экономикс отказался от *экономики, как науки, изучающей воспроизводство общественного богатства*.

Экономикс отказался от **этики и морали, исключив из своего анализа человека**. В результате произошёл *чудовищный регресс* не только экономической теории, но и всего обществоведения, оказавшегося под гнётом

вульгарной философии позитивизма и постмодернизма, а также маржинализма, который превратился в антинауку, подменив хозяйственно-экономические отношения между людьми *субъективными математическими «предельными величинами»*. При этом конкретно-историческое хозяйственное и социокультурное пространство (территория) данной страны превращается – в некое предельно абстрактное «геометрическое поле», на котором взаимодействуют между собой частные лица, а их поведение определяется *формализованными математическими величинами*. И все это преподносится как последнее и «высшее» достижение неоклассики?! **Разве это не регресс и не движение в сторону мракобесия?**

Очень точно на этот счет высказался академик Н.П. Федоренко, указывая на один принципиально важный момент в развитии отечественной науки, «вызывающий глубокое и, если можно так сказать, тяжкое недоумение. Это – **беззаботное игнорирование собственного исторического российского опыта и научного наследия**. Нам понятно, почему большевики, подлаживая абстрактные конструкции К. Маркса под свою практику, отвергли идеи выдающихся российских экономистов, в частности П. Струве и М. Туган-Барановского, их коллег и последователей, но чего никак нельзя взять в толк: зачем нужно сегодня мусолить пальцы в заграничных евангелиях от А. Аслунда, Л. Бальцеревича, Дж. Сакса и др.?» [12, с. 18].

Однако **«МЫ»** считаем необходимым разрабатывать для России свою *национальную экономию*, отвергая *частную экономию* Запада, разработанную по заказу группы международных финансистов-спекулянтов, организовавших чудовищные теракты 11-го сентября 2001 года в Нью-Йорке и начавшим затем тотальную (четвертую) мировую войну против всей системы национальных государств. Россия же оказалась в эпицентре этой войны – в силу своих геополитических и цивилизационных особенностей.

Учитывая особый исторический момент, абсурдно, если не преступно, проводить модернизацию экономики России, **продолжая готовить в вузах инженеров, строителей, финансистов, ученых и педагогов на основе американских учебников по экономической теории, воспитывающих нашу молодежь на индивидуалистических принципах, враждебных как нашей истории, так и нашим цивилизационным и геополитическим особенностям**.

Мы согласны с профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осиповым, который подчеркивает, что речь сегодня должна идти «о возрождении философского подхода к решению задач, стоящих перед наукой, о таком видении предмета, которое может дать только широкий, не терпящий узких аналитических рамок, обобщающий и синтезирующий, свободно размышляющий и привлекающий все способы познания...» [8, с. 26].

Предлагаемый мною уже изданный учебник для вузов [12] как раз и позволяет решить проблему «восприятия научной экономией неэкономических знаний», о чем говорит Ю.М. Осипов. Особенность системной методологии, которая лежит в основе данного учебного курса, заключается в попытке выйти за узкие рамки чисто экономического (формационного) подхода, соединяя воедино различные методы анализа – формационный, цивилизационный, исторический, геополитический, а также институциональный.

Только такой комплексный подход позволяет, на наш взгляд, охватить *все* хозяйство страны, подойдя к его анализу с разных сторон, увязывая при этом воедино все сферы общества, соединяя экономику, политику и культуру в один общий **метапредмет** политэкономического анализа. С одной стороны, мы связываем *экономическое и социокультурное* пространство воедино. А, с другой – соединяем *историческое, экономическое и социокультурное* пространство с природно-географической средой, с национальной территорией и с геополитическими особенностями всего национального хозяйства. **В итоге это дает нам реальную историческую динамику хозяйственного развития, помогая избежать умозрительности, догматизма.** Все это расширяет предмет научных знаний, а также возможности «восприятия научной экономией неэкономических знаний», т. е. «свободной интеграции всех знаний, позволяющей науке выйти из созданного ею же научного тупика» [8, с. 25].

Англосаксонские экономические учебники можно использовать в образовательном процессе в высшей школе **только при одном условии:** если мы (руководство наших стран и всё общество в целом) принимаем теорию «**однополярного мира**», соглашаясь с его политическими условиями, т.е. фактически принимает капитуляцию. В этом случае, и это вполне будет понятно, мы будем исходить из концепции унификации всего мира на основе экономической системы страны-победителя, господствующей в «однополярном мире», т.е. США и всего англосаксонского мира, Запада в целом. Неолиберальные экономические теории

(несмотря на внешние разногласия между его различными течениями) образуют теоретический фундамент западной политической **теории «однополярного мира».**

Однако если Россия и другие страны СНГ всё же находят в себе силы и мужество противостоять военно-политическим доктринам Запада, частью которых является американский экономикс, то в этом случае мы просто обязаны, отвергая идею унификации мира на основе *англосаксонской* экономической системы и признавая многополярность мира, укорененного в разнообразии культур и цивилизаций, противопоставить англосаксонскому «мейнстрим» наш *отечественный* – «**евразийский мейнстрим**», опирающийся на теорию множественности моделей национального хозяйства.

Переход к многополярному миру требует закономерного отказа от американского экономикса и замены теории экономической унификации теорией национального хозяйства. Еще Ф. Лист указывал на необходимость противопоставить «космополитической» и «частной экономии» – «национальную экономию». Лист был первым, кто обратил внимание экономистов на эту проблему. *После Листа политэкономия раскололась на две противоположные экономические теории:* 1) либеральную политическую экономию, которую Ф. Лист охарактеризовал как *частную экономию* и *космополитическую экономию*, существующую сегодня в виде экономикса; 2) национальную экономию, незаслуженно забытую, но возрождающуюся сегодня в виде **политической экономии национального хозяйства** [10]. Её предметом является *метавоспроизводство* как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом. Очевидно, что такой подход требует подготовки своих адекватных учебников по экономической теории, основанных на теории национального (евразийского) хозяйства [6, 7].

Новый учебник, являясь ответом на англосаксонский экономикс и соответствующие учебные экономические курсы, представляет собой теоретически новое направление экономической теории – **политическая экономия национального хозяйства.** Выходя за узкие рамки экономикса, работа преодолевает чисто экономический подход, оставляющий за рамками анализа духовные факторы и морально-этические нормы.

Новый учебник является актуальным и в свете проходящих в мире политических событий и геополитических изменений. Уже давно идет

мировая война, и в этой войне экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное оружие – **концептуальное оружие**.

Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать *научное обоснование механизму движения экономики* и всего общества. Ну а если наука ошиблась? Если ученые ошибаются, или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение правительство и руководство страны в целом, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы – за, якобы, истинные, за некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы, лежащие в основе развития «цивилизованного мира»?!

Что тогда? Тогда общество получает ложные ориентиры, и данная страна в целом начинает двигаться к **катастрофе**.

Экономическая теория и наука образует общетеоретическую и общеметодологическую основу государственной идеологии как системы действующих (работающих) принципов, которые практически реализуются в очень конкретной форме социально-экономической политики – через разнообразные механизмы государственного управления и регулирования всего народного хозяйства и общества в целом. Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал.

Ошибка в теории многократно отзывается, сказывается на практике, возрастая в геометрической прогрессии, приобретая силу сверхмощного кумулятивного снаряда, разрушающего и выжигающего все внутри. В результате стоят предприятия, замирают целые отрасли, задыхается от безденежья не только социальная и бюджетная сфера целиком, но и вся страна – распадаются предприятия, отрасли, регионы, распадается всё народное хозяйство. Доктрины и принципы либерализма, неолиберализма и монетаризма превращаются в необычное оружие массового поражения, которого еще не знала история!

В этих условиях **приобретает особую актуальность задача разработки новых учебников по экономической теории, адекватных**, не будет излишним ещё раз указать на то, что в этом историческом контексте **социокультурным и геополитическим особенностям всех наших евразийских стран** – не только СНГ, но и всех постсоветских республик, объединённых единым

социокультурным пространством и общностью исторической судьбы.

Эта задача становится еще более актуальной в условиях глобального финансово-экономического кризиса 2008-2012 годов, который обнаружил полное банкротство не просто неолиберальной модели капитализма, но и самого капитализма как способа производства, уже давно не существующего. Реально существует – лишь глобальный способ финансового распределения и перераспределения экспроприированных мировых богатств в пользу преимущественно одной мировой сверхдержавы (США).

5. Краткие выводы

1. Итак, неолиберализм является, по сути, *теорией перманентных революций*, оплачиваемых всегда банкирами. Установить мировую власть, к которой стремятся неолибералы, можно только в результате подрыва общенациональных ценностей, формирующих современные государства-нации и всю систему цивилизаций, каждая из которых выступает в качестве самостоятельного и независимого культурно-исторического типа. В этих целях главный удар неолиберальная культурная революция наносит по системе смыслообразующих ценностей и понятий, формирующих смыслообразующие принципы культуры. Именно они образуют культурное ядро, т.е. – **ядро** национальных духовных ценностей и принципов, на основе которых формируются принципы жизнедеятельности данной нации и данного народа. При этом национальное хозяйство, в идеале, должно служить механизмом реализации общенациональных целей и ценностей, выполняя служебную роль по отношению ко всему обществу.

2. Однако национальное хозяйство далеко *не всегда соответствует* этим принципам. Насаждение в данном обществе псевдокультурных ценностей разрушает смыслообразующие ценности и принципы культуры данного государства-нации, приводит к тому, что современные агенты «мировой революции» навязывают России и всем странам СНГ **ложную** систему духовных принципов, выдавая их за некие «общечеловеческие ценности».

3. В итоге национальная государственная идеология, как система работающих принципов, превращается в совокупность импортированных, западных принципов. А национальное хозяйство начинает развиваться на основе принципов, оторванных от принципов национальной жизнедеятельности. При таком подходе национальное хозяйство данной страны теряет

свой *национальный* характер, неизбежно превращаясь — в хозяйство данной «территории», имеющее всего лишь национально-ограниченный характер, но при этом лишенное системы общенациональных ценностей.

4. Ярким примером является современная Россия, хозяйство которой обслуживает интересы кучки олигархов, будучи абсолютно оторванным от интересов всего народа. **Либерализм вообще порождает анархию и вседозволенность**, а неолиберализм, усиливая эти тенденции, разрушающие национальную культуру, быстро превращает великую страну в кучу исторического мусора. **Либерализм – это оружие**, направленное против нашей страны. *Каждый сам по себе, а государство само по себе – это и есть формула либерализма, по которой жить невозможно.*

5. В мире идет тотальная война Запада против России и всего традиционного Востока, и в этой войне учебники по экономической теории и экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное оружие – **концептуальное оружие**. Именно поэтому мы не просто должны, нет – мы обязаны разрабатывать свою евразийскую теорию национального хозяйства, свой евразийский «мейнстрим», свою экономическую теорию как политическую экономию национального хозяйства.

Литература

1. Ингледарт Р. Модернизация и Постмодернизация. Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
2. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Научное издание. М.: «Academia»-«Наука», 1999.
3. Коровицина Н.В. С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. М.: Изд-во Эксмо, 2003.
4. Попов А.К. Национальная экономия против глобальной // Экономическая теория в XXI веке: Глобальное и национальное в экономике. №2(9). С. 204-212.
5. Румянцев М.А. К созданию политической экономии империй. – Экономическая теория в XXI веке: Глобальное и национальное в экономике. №2(9). С. 64-73.
6. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства.

Учебник для вузов в 2-х частях: для бакалавров, специалистов и магистров. / Отв ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1136 с.

7. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2010.

8. Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.: Юрист, 2000.

9. Фромм Э. Иметь или быть?: Пер с англ. М.: Прогресс, 1990.

10. Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. М., 2000.

11. Шпенглер О. Закат Европы. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

References

1. Inglehart R. Modernization and Post-modernization. The New Industrial Wave in the West. The anthology. Ed. by V.L. Inozemtsev. Moscow. Academia. 1999.
2. Inozemtsev V.L. Split Civilization: Scientific edition. Moscow. Academia-Science. 1999.
3. Korovitsyna N.In. With Russia and without it, the Eastern European Path of Development. Moscow. Publishing House Eksmo. 2003.
4. Popov A.K. The National against the Global Economy. Economic Theory in the XXI century: Global and National Economy. №2(9). Pp. 204-212.
5. Rumyantsev M. A. To the Creation of the Political Economy of Empires. The Economic Theory in the twenty-first Century: Global and National Economy. №2(9). Pp. 64-73.
6. Oleynikov A.A. The Economic Theory. The Political Economy of National Economy. Textbook for universities in 2 parts: for the are ditch, specialists and masters. Ed edited by O.A. Platonov. Moscow. Institute of Russian civilization stitut. 2011. 1136 p.
7. Oleynikov A.A. The Political Economy of the National Economy. Moscow. The Institute of Russian Civilization. 2010.
8. Osipov Yu.M. Economic Civilization and Scientific Economy. The Economic Theory on the Threshold of XXI Century. Ed. by Y.M. Osipov, E.S. Zotova. Moscow. Yurist. 2000.
9. Fromm E. To have or to be?: Transl. from English. Moscow. Progress. 1990.
10. Fedorenko N.P. Russia: Lessons of the Past and Faces of the Future. Moscow. 2000.
11. Spengler O. Zakat Of Europe. Rostov-on-Don. Feniks. 1998.

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-46-51

Шмарин Ю.В.¹⁾
Болд Г. (Монголия)²⁾

**ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РЕГИОНАЛЬНОМ ВУЗЕ**

- 1) доктор социологических наук, профессор. Липецкий государственный педагогический университет ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия. Электронный адрес: jbshmarion@mail.ru
2) студентка 4 курса, направления подготовки 39.03.01 Социология. Липецкий государственный педагогический университет. ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия. Электронный адрес: jbshmarion@mail.ru

Аннотация. Практика подготовки иностранных студентов в российских вузах связана с решением множества проблем, одной из которых является процесс этнокультурной коммуникации. В процессе достижения успешного вхождения иностранных студентов в профессионально-учебный процесс им приходится преодолеть следующее противоречие: с одной стороны, достаточный уровень готовности (коммуникативной компетенции) иностранных студентов к восприятию учебной информации и требованиями высшей школы; с другой стороны, слабая приспособленность к новым климатическим и бытовым условиям, новой образовательной системе и языку общения. Динамизм и многофакторность проблемы этнокультурной коммуникации регулярного социологического мониторинга и регулярного совершенствования социальных и образовательных технологий, обеспечивающих решение актуальных задач формирования межкультурной коммуникативной компетенции иностранных студентов в их профессионально-учебной адаптации в российских вузах. В данной статье приводятся результаты социологического исследования актуальных проблем этнокультурной коммуникации иностранных студентов в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет», являющийся типичным региональным вузом ЦФО.

Ключевые слова: этнокультурная коммуникация иностранных студентов; факторы этнокультурной коммуникации; совершенствование системы подготовки иностранных студентов.

Shmarion Yu.V.¹⁾
Bold Ganchimeg
(Mongolia)²⁾

**ETHNO-CULTURAL COMMUNICATION PROBLEMS
OF FOREIGN STUDENTS IN REGIONAL HIGH SCHOOL**

- 1) Doctor of Sociological Sciences, Professor. Lipetsk State Pedagogical University 42 Lenina St., Lipetsk, 398020, Russia. E-mail: jbshmarion@mail.ru
2) 4th Year Student, Specialty 39.03.01 Sociology. Lipetsk State Pedagogical University 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia. E-mail: jbshmarion@mail.ru

Abstract. The practice of training foreign students in Russian universities is associated with the solution of many problems, one of which is the process of ethno-cultural communication. In the process of achieving a successful entry of foreign students in the vocational training process, they have to overcome the following contradiction: on the one hand, is an adequate level of preparedness (communicative competence) of international students to the perception of the educational information and the requirements of the higher school; on the other hand, is poor adaptation to new climatic and living conditions, the new educational system and language communication. Dynamism and a multifactor problem of ethno-cultural communication of regular sociological monitoring and regular improvement of social and educational technologies provide solutions for pressing challenges shaping the intercultural communicative competence of foreign students in their professional and training adaptation in Russian universities. This article presents the results of a sociological study of current problems of foreign students' ethnocultural communication in Lipetsk State Pedagogical University that is a typical regional university in the Central Federal District.

Keywords: ethno-cultural communication of foreign students; ethnic and cultural factors of communication; development of the system of foreign students' training.

В современном мире интенсивно взаимодействуют различные национальные культуры, народы и языки, и развиваются межгосударственные образовательные контакты, увеличивается количество молодых людей, желающих получить языки за пределами другой страны.

Интернационализация современного высшего образования актуализирует проблему адаптации иностранных студентов к условиям высшего учебного заведения в незнакомой стране, а также этнокультурной коммуникации этих студентов в профессиональной и академической сфере.

Образовательная среда в условиях интернационализации системы профессионального образования может рассматриваться, как важнейшее социальное пространство для межкультурной коммуникации представителей разных верований, традиций. По данным ЮНЕСКО, уровень международной мобильности студентов за последние 10 лет вырос на 300%; а к 2025 г. число студентов, обучающихся в других странах, составит 4,9 млн [1].

Обучение иностранных студентов в Липецке имеет давние традиции.

Своего первого иностранного студента наш университет встречал в 1975 году, с годами их численность возрастала. На сегодняшний день в университете (ФГБОУ ВО "ЛГПУ") обучается около 110 человек иностранных студентов, которые требуют к себе особого внимания, прежде всего, потому, что студент, попадая в новые для него условия жизни, испытывает множество трудностей, сковывающих его деятельность. Для иностранных студентов одной их основных проблем является проблема этнокультурной коммуникации иностранных студентов, которые обучаются в региональном вузе [2]. В статье приводятся данные анкетирования и интервьюирования иностранных студентов, а также предложения по совершенствованию процесса этнокультурной коммуникации иностранных студентов с целью их эффективной адаптации к проживанию и обучению в региональном центре.

Как известно, языковые и культурные аспекты гармонично дополняют друг друга. Крупнейший американский специалист по межкультурной коммуникации Э. Холл утверждает, что культура – это коммуникация, а коммуникация – это культура [3]. Приехав на учебу в Россию, иностранные студенты меняют свое этнокультурное окружение. Нарушаются привычные коммуникативные связи с семьей,

соотечественниками и друзьями. Начинается процесс приспособления к новым условиям внешней и внутренней среды. Поэтому в процессе обучения иностранных студентов следует учитывать сильные стороны национально-культурных особенностей этноса, его лингвокультурные традиции, а также внешние факторы родной и чужой страны, которые имеют значительные отличия (климат, религия, национальная еда, культура, обычаи, география и др.) [4].

Посредством анкетирования были диагностированы главные проблемы, которые возникают в процессе этнокультурной коммуникации иностранных студентов. В анкетировании приняли участие 110 иностранных студентов, из них, юноши – 39%, девушки 61%, что соответствует гендерным пропорциям иностранных студентов Липецкого государственного педагогического университета. В опросе участвовали студенты, приехавшие на обучение из Замбии, Йемена, Ирака, Израиля, Курдистана, Конго, Сирии, Вьетнама, Туркменстана, Монголии и других стран. В данное время количество студентов, обучающихся в ЛГПУ в различных институтах имеет следующее процентное соотношение: институт филологии – 59% (составляет максимальное число иностранных студентов); институт естественных, математических и технических наук – 22%; институт психологии и образования – 9%; институт культуры и искусства – 5%; институт физической культуры и спорта – 3%; институт истории, права и общественных наук – 2%. Студенты, следующим образом, распределены по курсам: большинство из них 40% – на подготовительных курсах, 7% – на первом курсе, 16% – на втором курсе, 12% – на третьем курсе, 14% – на четвертом курсе, 7% – пятом курсе и 4% – в аспирантуре.

На выбор России в качестве страны для обучения для большинства иностранных студентов повлиял высокий уровень образования России, что составило – 33%, 26% – студентов сделали выбор по собственному желанию и 15% по рекомендации правительства своей страны или любой компании в своей стране, 17% – по настоянию (или по совету) родителей или родственников и, наконец, из солидарности с приятелем 6%.

Иностранные студенты, с первых дней пребывания в вузе начинают испытывать трудности, которые существенно отличны от трудностей российских студентов. В первую очередь, это недостаточное владение русским

языком. На Родине 9% – респондентов разговаривали на английском языке, на арабском – 24%, на курдском – 13%, на вьетнамском – 8%, на французском – 15%, на туркменском – 15%, на испанском – 1%, на монгольском – 16%. Каждый язык – это уникальная система символов, в котором своеобразно и неповторимо отражена тысячелетняя духовная культура и жизнь народа. Уникальность языка подтвердили респонденты. Сравнивая родной язык с русским языком, они оценили схожесть языковых структур следующим образом: 75% – совсем не похож; 7% – похож; 18% – затрудняюсь ответить. Это свидетельствует о том, что главным препятствием на пути освоения российской действительности стал языковой барьер для большинства студентов приехавших из арабских, африканских стран и Азии, которые приехали в Россию без знания русского языка. Каждый второй отметил, что незнание русского языка вызывало трудности в неумении выразить свое мнение, трудности в бытовых условиях – 11%, в сложных отношениях с одноклассниками – 11%, в общении с людьми в общественных местах также – 11% и иные трудности, возникающие в процессе общения, – 17%.

Иностранные студенты тяжело осваивают русские фразеологизмы или афоризмы. На первом этапе освоения языка некоторые даже ничего не могут понять, прекрасно осознавая, что язык это – зеркало культуры, в котором отражается не только реальный мир, окружающий человека, реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира. На вопрос: «Трудно ли Вам понимать русские фразеологизмы или афоризмы?», – студенты ответили так: 34% – с трудностью понимаю, 31% – не понимаю вообще, 14% – понимаю, 14% – затрудняюсь ответить, только 7% – легко понимаю.

В первый год обучения студенты не проявляют активности в говорении на иностранном для них языке, так как они очень стесняются плохого знания русского языка, предполагая, что окружающие будут смеяться над ними. Но скоро они начинают понимать, что русские люди по-доброму к ним относятся, с пониманием, а также стараются корректно оказать помощь в исправлении ошибок. Результаты интервьюирования были подтверждены данными анкетирования. На вопрос «Какова реакция людей на ваше плохое

знание русского языка?» – 60% студентов отметили желание носителей языка помочь им, только 5% – раздражение, 3% – удивление, 19% – смех и 13% – указали иное.

У каждого народа есть свои культурные особенности. Эти особенности иногда мешают людям адаптироваться в новой среде. Иностранные студенты следующим образом оценили основные трудности адаптации к новой среде: 22% ответили, что им мешают традиции, сложившиеся на их Родине, 21% – указали на не полную оценку окружающего мира, 19% – указали на ценностный аспект, 19% – на религиозные верования и 19% – на иные причины.

Анализ ценностных ориентаций иностранных студентов показал, что они в структурном плане мало отличаются от ценностных ориентаций российской молодежи [5]. Иностранные студенты в следующем порядке расположили основные жизненные ценности: 34% ответили – семья, 26% – здоровье, 18% – материальный достаток, 12% – любовь, 5% – образование, 3% – наличие хороших и верных друзей и 3% – иное.

Религия, одна из древнейших форм культуры, занимает особое место в жизни иностранных студентов, которые определяют её, как совокупность принципов, взглядов, идеалов и убеждений, помогающих человеку осмыслить устройство мира, конкретизирует его место в этом мире, указывает ему, в чем состоит смысл жизни [6]. У иностранных студентов не возникает проблем религиозного характера, несмотря на то, что 42% респондентов исповедуют другую религию (отличную от православия), придерживаются православного вероисповедания – 5%; не придерживаются православной религии, но думают, что БОГ и он один для всех, – 30%; нашли церковь своего вероисповедания – 5%; 18% ответили – «нет, я вообще не хожу в церковь». Большинство иностранных студентов (80%) считают, что русский человек и человек его национальности воспринимают мир по-разному, 8% студентов считают, что восприятие мира одинаково и 12% – затруднились с ответом на этот вопрос.

Для большинства иностранных студентов, приехавших из стран с теплым климатом, возникает проблема климатической адаптации в средней полосе России [7]. Они очень трудно привыкают к русской зиме, на них угнетающе действует достаточно холодная и пасмурная погода зимой. Причем, каждый четвертый студент, так и не смог адаптироваться к климатическим условиям средней

полосы России и достаточно часто болеет. Вместе с этим, 75% иностранных студентов легко адаптировались и чувствуют себя нормально. На настроение иностранных студентов оказывают негативное влияние малое количество солнечных дней, резкие перепады температур, короткий световой день и холод. Студенты отмечают следующие погодные условия, к которым трудно приспособиться: недостаток солнечных дней – 24%, резкие перепады температуры – 15%, высокая влажность – 13%, снег – 7%, холод – 41%.

Питание является важной частью жизнедеятельности человека. Оно особенно актуально для иностранного студента, для которого процесс привыкания к русской пище является практически неизбежным. Еда и питание, традиционно воспринимаемые, как нечто естественно-обыденное, в начале XX века оказались объектами междисциплинарного научного познания: медицины, этнографии, истории, социологии, экономики и других наук. Существуют три исследовательских направления в изучении еды и питания: естественно-научный, этнографический и социологический. Эти подходы различаются своими методологическими основаниями к определению пищи: пища, как фактор физического здоровья; пища, как этнокультурная традиция; пища, как социальная привычка и маркер социального статуса индивида[8]. Нас интересовали социальные нормы, как регуляторы пищевого поведения, – это социальные предписания, относящиеся к количеству, моменту, месту, типу приёмов пищи, а также условиям и социальным контекстам, в которых они происходят. Иностранцы студенты дают следующую оценку процессу привыкания к русской пище: сразу привыкли – 37%, до сих пор привыкаю – 22%, долго привыкали – 36%, совсем не привык – 5%.

В первый год обучения у иностранных студентов, после преодоления бытовых и гастрономических проблем, основной остается проблема общения с педагогами и сокурсниками из-за языкового барьера. Об этом свидетельствуют ответы, в которых студенты выделяют наиболее сложные проблемы адаптации: 41% студентов отмечают наибольшие сложности в общении во время аудиторных занятий в университете; 32% – отмечают трудности общения непосредственно с преподавателями и сокурсниками; 10% – испытывают наибольшие трудности в бытовых условиях; 8% – при организации своего питания; 9% студентов указали на другие сферы трудного взаимодействия. После обучения на

предвузовском курсе у иностранного студента наступает еще один сложный период – обучение на первом курсе, который характеризуется изменением системы обучения. Студент в этот период уже не учится только с иностранцами, а с русскими студентами. Иностранцы отмечают, что русские друзья-студенты, в этот период, – это большая редкость. В этот сложный период им особенно не хватает дружеского участия и общения с русскими студентами, особенно, во внеаудиторной совместной работе. Взаимодействие с носителями языка во время аудиторных занятий практически не продвигает иностранных студентов ни в освоении русского языка, ни в освоении языка специальности. Поэтому успех индивидуальных коммуникационных усилий иностранных студентов зависит от внешних условий, наиболее важным из которых являются дружеские отношения. Большинство из респондентов указали, что они имеют мало русских друзей – 45%, много – 38%, совсем никогда не имели русских друзей – 17%.

В этнокультурной коммуникации иностранных студентов особое место занимает их общение с гражданами местного сообщества вне университета. У более половины студентов (54%) с местным населением складываются хорошие отношения, 31% студентов – нормальные. Вместе с этим, у 7% студентов отношения сложились не очень хорошо, у 4% – плохо, 4% – затруднились с ответом.

Иностранцы студенты живут в общежитии. Это непросто даже для иногородних российских студентов, а для иностранцев – настоящее испытание. Что касается приспособления к жизни в общежитии, то жилищно-бытовые условия считают неприемлемыми 37% проживающих студентов; 21% студентов считают, что недостаточно развита культурно-массовая работа; 27% проживающих в общежитии иностранных студентов не устраивает проживание в одной комнате со студентами другой культуры, 8% не удовлетворяет существующая система питания в общежитии; 3% – сложность в общении с другими иностранцами на английском или русском языке; 4% – иное.

Таким образом, с первых дней пребывания в вузе, иностранные студенты начинают испытывать существенные трудности этнокультурной коммуникации. В первую очередь, это недостаточное владение русским языком. Во время обучения на подготовительном курсе иностранному студенту приходится изучать

новый язык вместе с представителями других государств. На первом и последующих курсах – осваивать специальность на русском языке, учиться с людьми других национальностей, понять и освоить российскую систему высшего образования. Кроме того, для скорейшего овладения русским языком иностранными студентами необходимо максимально использовать языковую среду, совместность проживания в общежитии с русскими студентами и обучения с ними.

Для наиболее эффективного включения иностранного студента в процесс этнокультурной коммуникации во всех видах обучения, бытового и иного взаимодействия необходимо использовать моделирование сложных ситуаций и их социологическое осмысление с последующей разработкой социальных и образовательных технологий и внедрением этих технологий с минимальными ресурсными затратами, как иностранных студентов, так и преподавательского и студенческого коллективов регионального вуза.

В педагогическом вузе программа обучения русскому языку, как иностранному, должна быть направлена на достижение следующих целей: обучить будущего специалиста умениям и навыкам чтения и реферирования литературы по специальности на русском языке; использовать русский язык, как средство воспитания личности будущего специалиста; сформировать устойчивые навыки устного иноязычного общения. Необходимо разработать социальные и образовательные технологии эффективной адаптации и успешного обучения контингента иностранных студентов с учетом национальных особенностей этого контингента и типовых проблем их этнокультурной коммуникации, факторов, которые влияют на систему образования: географические, экономические, национальные, исторические, культурные и религиозные, являющиеся особенными у каждого отдельного народа. Каждый этнос имеет свои методы и подходы, применяемые в педагогическом процессе, которые необходимо принимать во внимание в процессе обучения иностранных студентов.

Особое внимание необходимо уделить организации регулярного посещения культурно-массовых мероприятий, которые обеспечивают новые возможности иностранным студентам: умение выражать свое мнение на русском языке; расширить знание русского языка, необходимого для коммуникации с представителями местного

сообщества; возможности больше общаться не только с иностранными, но и с русскими студентами; помогает расширить круг общения с разными категориями носителей русского языка.

Успешность этнокультурной коммуникации иностранных студентов ЛПУ зависит от успешного взаимодействия ректората, преподавателей, сотрудников международного отделения и коменданта общежития.

Ректорату:

1. Осуществить такой подбор педагогических кадров, чтобы на предвузовском курсе и первом курсе работали преподаватели со знанием одного из наиболее распространенных в мире иностранных языков, хотя бы английского языка.

2. При организации учебного процесса на предвузовском курсе дидактическая модель учебной дисциплины «Русский язык, как иностранный», изучаемой иностранными студентами на неродном языке, должна гарантировать реализацию своей ключевой функции – продуктивное движение от формирования коммуникативной компетентности к формированию общенаучной компетентности.

3. Перед педагогами, работающими с иностранными студентами, должна быть поставлена задача – приложить все усилия, чтобы приобщить иностранных студентов к русским национально-культурным традициям средствами внеучебной деятельности, обеспечить усвоение ими элементов русской культуры посредством культурной деятельности. Сюда следует отнести совместную подготовку и проведение праздников, посещение музеев, прогулки по историческим местам, объяснение традиций, обычаев, ритуалов русского народа. Приобщение студентов к национальной самобытной культуре русского народа, чтение и обсуждение классической литературы, исторической художественной прозы и т.п. – все это действенные методы формирования коммуникативных умений иностранных студентов.

Руководству международного отделения необходимо:

1. Осуществлять активные консалтинговые услуги иностранным студентам в течение всего срока обучения, решать вопросы, связанные с обучением иностранных студентов в университете/институте по основным и дополнительным программам высшего профессионального и послевузовского образования.

2. Обеспечить иностранным студентам широкий спектр образовательных перспектив и личностного роста.

Работа коменданта общежития должна быть направлена на:

1. Улучшение социально-бытовых условий студентов, проживающих в общежитиях университета; развитие студенческого самоуправления в студенческом общежитии где проживают иностранные студенты; создание необходимых условий, способствующих активному вовлечению иностранных студентов в сферу жизнедеятельности и развития общежития; привлечение студентов, проживающих в общежитиях университета, к деятельности, способствующей улучшению социально-бытовых условий проживания.

2. Информирование руководства университета о состоянии развития сфер студенческой жизни общежития; организацию и проведение мероприятий в общежитиях, направленных на формирование здоровой морально-психологической атмосферы.

3. Организацию внеаудиторной работы со студентами подготовительного курса в рамках программы «Культура коммуникации студентов – подготовительного курса к жизни в общежитии».

Таким образом, иностранные студенты с уважением относятся к новой культуре, но сохраняют свои традиции, быт и привычки. Некоторых студентов различия в образе жизни родной страны и чужой удивляют, других радуют. Труднее всего приходится тем студентам, которым безразлично и как «у нас», и как «у вас». Таких, безучастных, пассивных, индифферентных студентов, как показали наши исследования – меньшинство. Необходимо отметить, что формирование коммуникативных умений иностранных студентов будет более успешным, если процесс обучения осуществляется не только на уровне педагогической коммуникации в рамках аудиторных занятий, но и на уровне межкультурной коммуникации с целью более легкого вхождения в русскоязычную культуру. Необходимы социальные и образовательные технологии, обеспечивающие учет национальных и этнокультурных особенностей иностранных студентов.

Литература

1. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: статист. сб. Вып. 7. М.: ЦСПиМ, 2010.
2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации / Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
3. Hall E.T., Hall M.R. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Intercultural Press, 1990.
4. Brislin R. W. Understanding Culture's Influence on Behavior. Fort Worth Harcourt Brace College Publishers, 1993.
5. Шмарин Ю.В., Благинин В.С., Дуспаев Б.Т., Кузьмина Е.Е. Молодежь Липецкой области: социологический анализ. Материалы социологических исследований по проблемам молодежи. Монография / под ред. Ю.В. Шмарина. Липецк: ЛГПУ, 2013. 171с.
6. Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 328 с.
7. Агаджанян Н.А., Журавлёва Ю.С., Кислицын Ю.Л., Радыш И.В. Особенности адаптации студентов из различных регионов к условиям средней полосы России // Биомедицинская радиоэлектроника. 2008. №11. С. 14-19.
8. Носкова А.В. Социология питания: методологические подходы к исследованию и повседневные практики // Социология. 2014. № 6.

References

1. Arefiev A.L., Sheregi F.E. Training of Foreign Citizens in the Higher Educational Institutions of the Russian Federation: Stat. Digest Vol. 7. Moscow. TsSPiM. 2010.
2. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. Fundamentals of Intercultural Communication. Ed. AP Sadokhin. Moscow. UNITY-DANA. 2003. 352 p.
3. Hall E.T., Hall M.R. Understanding Cultural Differences: Germans, French and Americans. Intercultural Press. 1990.
4. Brislin R.W. Understanding Culture's Influence on Behavior. Fort Worth Harcourt Brace College Publishers. 1993.
5. Shmarion J.V., Blaginin V.S. Duspaev B.T., Kuzmina E.E. The Youth of Lipetsk Region: The Sociological Analysis. Materials of the Sociological Research on the Youth Issues. Monograph. ed. by Y. Shmariona. Lipetsk. LGPU. 2013. 171 p.
6. Ten Y.P. Cultural and Intercultural Communication. Rostov-on-Don. Phoenix, 2007. 328 p.
7. Aghajanian N.A. Zhuravlev Yu., Kislitsyn Yu., Radysh I.V. Features of Adaptation of Students from Various Regions in Central Russia. Biomedical electronics. 2008. №11. Pp. 14-19.
8. Noskov A.V. Sociology of Nutrition: Methodological Approaches to Research and Everyday Practice. Sociology. 2014. №6.

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

УДК 316.776.3

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-52-62

Шаповалова И.С.

**ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА (РЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ ПАТТЕРНОВ РОССИИ**

заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью, доктор социологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, Белгород, 308015,
Россия. Электронный адрес: shapovalova@bsu.edu.ru

Аннотация. Научной проблемой статьи является высокий уровень стохастичности формирования ценностно-смысловых паттернов России в интернет-среде, как во внешнем локусе (представление о Российских ценностях и смыслах у мирового сообщества) так и внутри страны (ценностно-смысловые конструкции современных россиян). Контроль ценностно-смысловой эволюции России, обусловленный динамикой интернет-среды, становится возможным при использовании трансдисциплинарного подхода, позволяющего напрямую подойти к прогнозированию ситуации и созданию условий для предотвращения конфликта национальных парадигм и нивелированию последствий воздействия информационных войн на национальное сознание. В статье обозначены ключевые барьеры целенаправленного формирования ценностно-смыслового интернет-контента: отсутствие адекватного уровню развитию науки и техники качества социогуманитарной экспертизы состояния интернет-пространства, как современной платформы развития и презентации социокультурных и геополитических процессов; отсутствие надлежащего экспертно-научного обеспечения и сопровождения процесса (ре)конструирования ценностно-смысловых паттернов России; отсутствие реальной конвергенции социогуманитарных и точных наук формализованных информационных комплексов сопровождения и оценки процессов трансформации ценностно-смысловых конструктов россиян в интернет-пространстве.

Ключевые слова: информационная среда; интернет-пространство; ценности; смыслы; символы; ценностные ориентации; российские ценности; информационные технологии; контент.

Shapovalova I.

**INTERNET SPACE AS A MEDIUM FOR (RE)CONSTRUCTING RUSSIAN
AXIOLOGICAL PATTERNS**

Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Head of Department of Sociology and Organization of Activities with
the Youth, Belgorod State National Research University. 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia.
E-mail: shapovalova@bsu.edu.ru

Abstract. The research problem of the scientific article is a high level of stochasticity of forming axiological patterns of Russia in the Internet environment, both in the external locus (the Russian values and purports viewed by the world community) and within the country (axiological patterns of modern Russians). Control over the axiological evolution of Russia, caused by the dynamics of the Internet environment, is becoming feasible when using a transdisciplinary approach, which allows to directly near the forecasting of the situation and to create the conditions for preventing a conflict of national paradigms and for mitigating the effects of information wars on the national consciousness. The article outlines some key barriers of purposeful formation of values and meaning of Internet content: lack of a quality socio-humanitarian assessment, comparable with the level of development of science and technology, of the Internet space as a modern platform for development and presentation of socio-cultural and geopolitical processes; lack of an adequate expert and scientific support for the process of (re)construction of axiological patterns of Russia; a need to establish formalized information complexes to support and evaluate transformation processes of axiological constructs of Russians in the Internet space on the basis of the converged socio-humanitarian and exact sciences.

Keywords: information medium; the Internet space; values; meanings; symbols; value orientations; Russian values; information technology; content.

Сложность геополитической обстановки современного мира обуславливает поиск нематериальных государственных и национальных активов, способных усилить конкурентные преимущества стран на международной арене. Таким весомым преимуществом становятся ценности и смыслы, формирующие вектор развития нации, независимый от внешних флуктуаций. Все чаще последним аргументом в политическом диалоге выступает факт апеллирования к национальным ценностным парадигмам, транскрипции событий через смысловой конструкт народа.

Одновременный с этим процесс информационных войн, приведший практически к межнациональному коллапсу, напрямую затронувшему Россию, реконструирует традиционные ценностно-смысловые парадигмы как мировых держав, так и Российской Федерации. Полем создания таких реконструкций становится интернет-пространство. Неконтролируемые потоки информации, воздействующие на сознание мировой общественности и россиян в том числе, трансформируют существующие ценностные устои, меняют национальные смысловые значения.

На этом фоне, одной из важных и глобальных задач становится «продвижение ценностей России в интернет-пространстве» (именно такая тема, как приоритетная в современных условиях, обозначена президентом Российской Федерации В.В. Путиным на сайте Фонда Перспективных идей).

Контроль ценностно-смысловой эволюции России, обусловленный динамикой интернет-среды, становится возможным при использовании трансдисциплинарного подхода, позволяющего напрямую подойти к прогнозированию ситуации, созданию условий для предотвращения конфликта национальных парадигм и нивелированию последствий воздействия информационных войн на национальное сознание. Поиск путей такого социального прогнозирования и проектирования будет способствовать выполнению задачи, поставленной президентом перед научной общественностью: «Нам необходимы механизмы реагирования не только на уже существующие опасности. Нужно научиться «смотреть за горизонт», оценивать характер угроз на 30-50 лет вперед...»¹.

Таким образом, актуальность изучения и социальная технологизация процесса продуцирования ценностей интернет-пространством обусловлена:

- отсутствием адекватного уровню развитию науки и техники качества социогуманитарной экспертизы состояния интернет-пространства, как современной платформы развития и презентации социокультурных и геополитических процессов;
- отсутствием надлежащего экспертно-научного обеспечения и сопровождения процесса (ре)конструирования ценностно-смысловых паттернов России;
- необходимостью создания на основе конвергенции социогуманитарных и точных наук формализованных информационных комплексов сопровождения и оценки процессов трансформации ценностно-смысловых конструктов россиян в интернет-пространстве.

Процессы, происходящие в обществе под влиянием информационных технологий, неоднократно становились предметом рассмотрения социологов в рамках концепции постиндустриализма. Впервые идея информационного общества была сформулирована в конце 60-х - начале 70-х годов XX столетия в работах японских исследователей Ю. Хаяши и И. Масуды [16]. Затем концепция информационного общества получила свое развитие в трудах таких социологов, как Д. Белл [14], М. Кастельс [15], М. Постер [17], Т. Стоуньер [18], Элвин и Хейди Тоффлер [19], Ф. Уэбстер [12] и др.

Коммуникативные процессы, играющие во все времена одну из самых важных ролей в социализации, довольно давно стали объектом социологического интереса. Деятельность средств массовых коммуникаций как любой сформировавшийся вид социальной деятельности привлекает внимание учёных различных направлений науки: психологии, лингвистики, информатики, наук о журналистике и других. Среди социологов впервые такой интерес был проявлен в начале XX в. Максом Вебером, который с позиций понимающей социологии обосновал необходимость изучения прессы и её роли в социальных процессах. Позже, начиная с середины 40-х г., проблемы массовых коммуникаций привлекали внимание широкого круга как зарубежных, так и отечественных социологов. Но новое время предлагает и новые средства коммуникации, каковым является глобальная компьютерная сеть Интернет.

¹ Фонд перспективных идей. URL: http://fpi.gov.ru/about/obshtaya_informatsiya. (дата обращения 22.03.2016)

Различные аспекты функционирования глобальной компьютерной сети Интернет проанализированы в исследованиях Г. Бехманн [1], М.Н. Борисовой [2, с. 557-560], Д.В. Иванова [3, с. 355-428], Е. Н. Клочковой [4, с. 49-58], К.К. Колина [5], А. И. Колкова [6, с. 2-3], Н. В. Лопатиной [7, с. 13-15], А. Е. Лысенко [8, с. 32-40], Т. Л. Ровинской [9, с. 81-90], О.Б. Стародумовой [10], Ю. К. Усынина [11, с. 37-44] и др.

Вообще, совмещение семантики слов «интернет» и «ценность» начинает проявляться в научной тематике исследований примерно с 1986 года (рис. 1). На рисунке видна динамика таких публикаций в англоязычной литературе до 2008 года (диаграмма построена на основе данных системы Ngram Viewer), где мы видим явный

спад научного интереса с 2002 года. К сожалению, возможности поисковой системы не позволяют получить более современные данные, но предоставляют иллюстрацию для ретроспективного анализа. Проведенный качественный анализ источников демонстрирует их однозначный рост в течении последних 8 лет (порядка 1 960 000 публикаций с 2008 по 2016 годы), но, как в ранних, так и в более поздних статьях, контекст соединения этих двух понятий носит скорее экономический характер. В то время как в российских исследованиях примерно в 60% случаях речь идет о социокультурном и духовном аспекте, хотя публикаций значительно меньше (17 600 за этот же период).

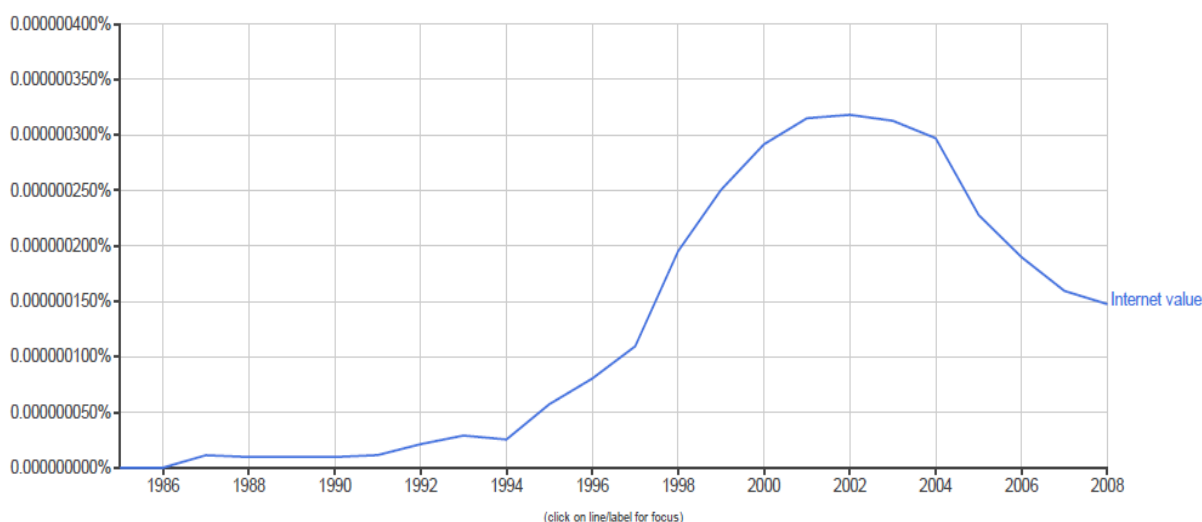

Рис. 1. Соотношение англоязычных научных статей, имеющих в своем содержании понятия «ценности» и «интернет», к общему объему англоязычных статей за период 1985-2008 гг.

Fig. 1. The ratio of English scientific articles having in their content the concept of "value" and "Internet" to total English-language articles in 1985-2008

Конечно, смещая фокус вопроса ближе к теме данной статьи, мы понимаем, что пик информации и научного интереса к этой области приходится на период 2010-2016 года. Турбулентность и скорость формирования международного общественного мнения не оставляет простора для исследовательской фантазии – Интернет-пространство активно продуцирует во вне ценностный облик нашей страны, одновременно конструируя его (особенно у социализирующихся субъектов [13, с. 148-151]) и производя параллельную реконструкцию (на фоне общей ресоциализации россиян).

Углубляясь в изучение количества контента, связанного непосредственно с ценностями

России, можно сказать, что за период 2015 года в интернет СМИ мы находим несколько менее 1000 публикаций на указанную тематику.

При этом, распределение по территориальным локусам, отображенное на рисунке 2, показывает вполне объяснимое превалирование внимания к данной тематике со стороны российских СМИ. Однако, стоит сделать акцент, на возросшем интересе к теме российских ценностей и со стороны стран, упоминаемых в контексте сложных геополитических отношений с нашим государством (США, Украина, Германия).

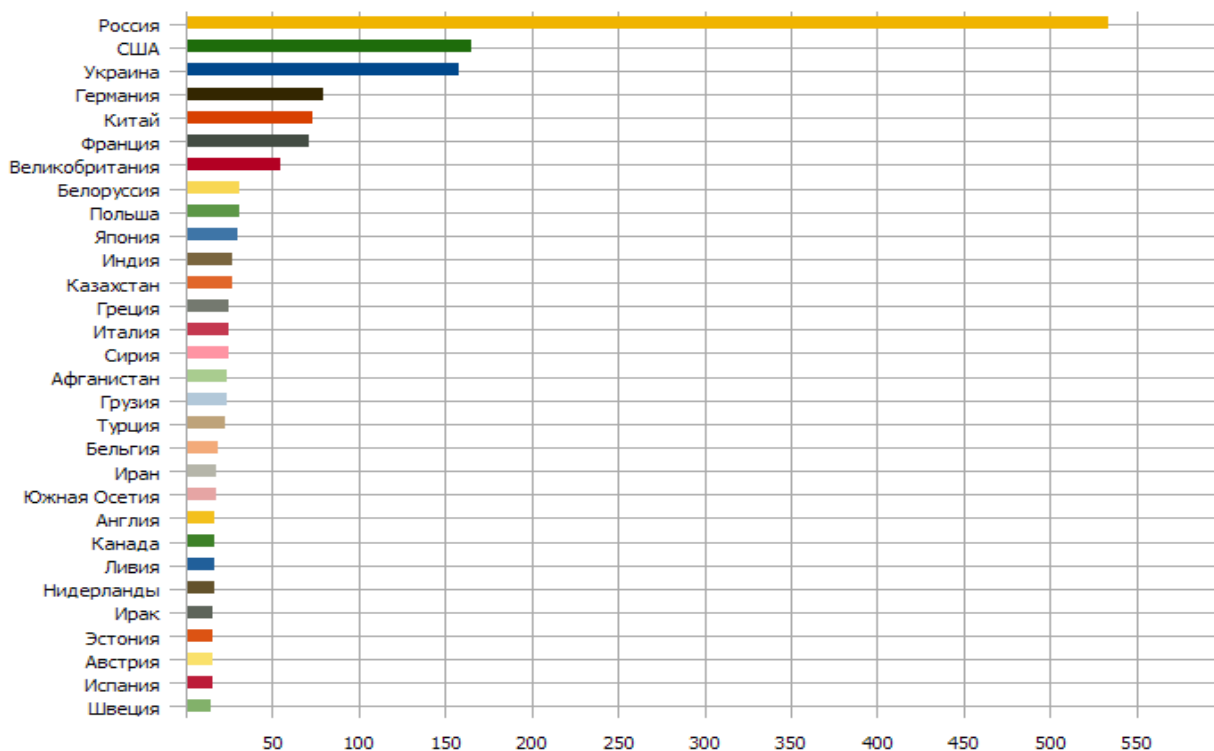

Рис. 2. Количество статей, содержащих контентные единицы «ценности России» в доступных интернет СМИ за 2015 год
Fig. 2. The number of articles containing the "value of Russia" content-units in the media available online in 2015

Российские источники, продуцирующие интересный нас контент, в основном

сконцентрированы в городах-миллионниках и центральном федеральном округе (табл., рис. 3).

Таблица

Российские города, продуцирующие контент «Ценности России»

Table

Russian cities, broadcasting content «Values of Russia»

Города	Количество интернет-статей	%
Москва	261	48,6034
Санкт-Петербург	37	6,8901
Свердловская область	20	3,7244
Московская область	12	2,2346
Тюменская область	12	2,2346
Республика Татарстан (Татарстан)	10	1,8622
Тульская область	10	1,8622
Волгоградская область	9	1,676
Ростовская область	8	1,4898
Краснодарский край	6	1,1173
Рязанская область	6	1,1173
Воронежская область	5	0,9311
Кемеровская область	5	0,9311
Ивановская область	4	0,7449
Новосибирская область	4	0,7449
Ханты-Мансийский автономный округ	4	0,7449

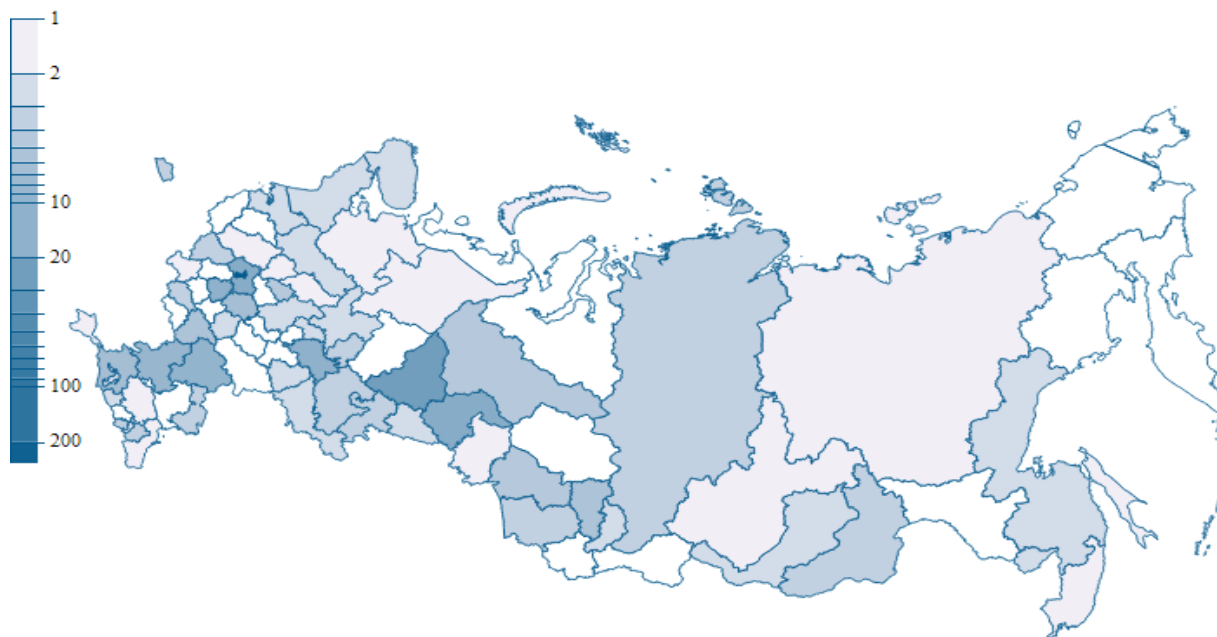

Рис. 3. Карта частоты упоминания контентных единиц «ценности России» в доступных российских интернет СМИ за 2015 год

Fig. 3. Frequency map of reference of the «value of Russia» content units in the Russian online media available in 2015

Исследуемый нами контент, конечно, не дает возможности сделать вывод о масштабе и качестве конструирования и тем более реконструкции ценностей и смыслов россиян. Но углубление анализа источников контента позволило выяснить тематику и смысловое поле его упоминания. Так, чаще других, встречаются

статьи говорящие о ценностях России в контексте искусства и культуры, религии и веры, политики и государства. Несколько реже встречаются статьи, обращающиеся к ценностям России в сочетании с темами чрезвычайных происшествий, науки и технологий (рис. 4).

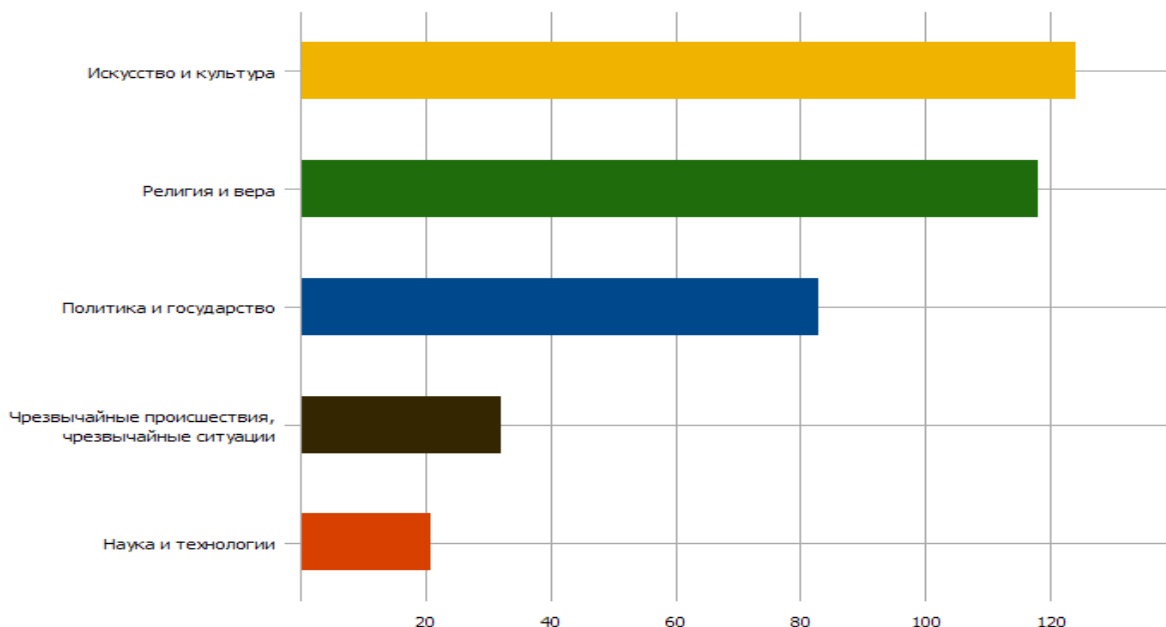

Рис. 4. Тематика статей, содержащих контентные единицы «ценности России»

Fig. 4. Themes of articles containing the "value of Russia" content-units

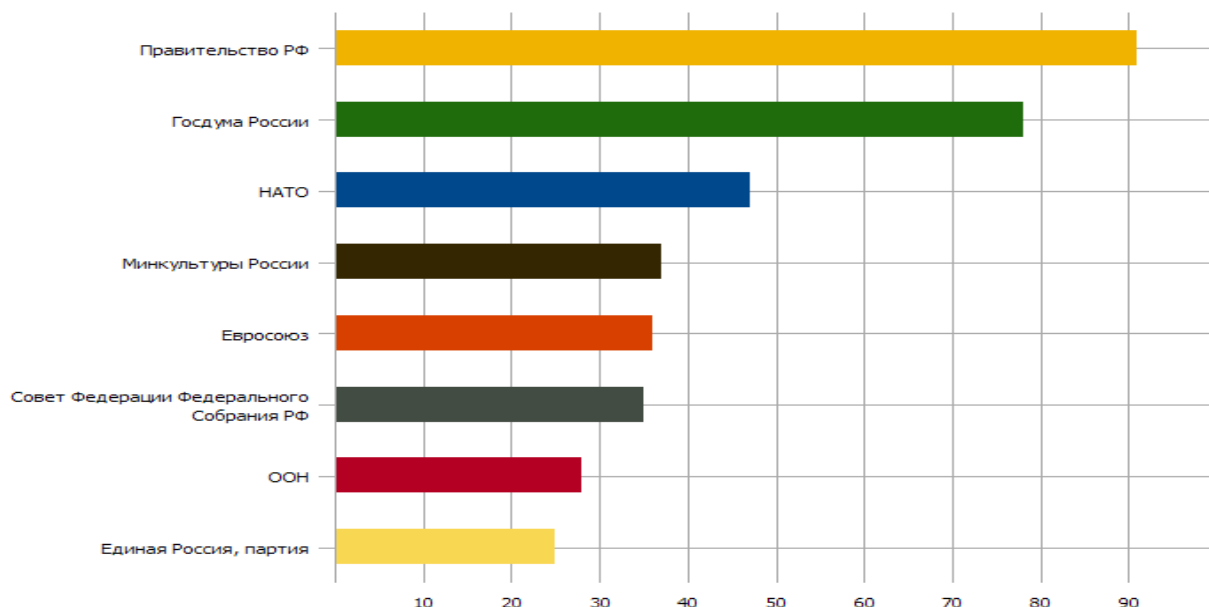

Рис. 5. Упомянутые организации в совместном контенте с «ценностями России»
Fig. 5. Organizations mentioned in the joint content with "Russian values"

Наиболее часто, в статьях с указанным контекстом встречается упоминание таких организаций как Правительство России, Госдума России, НАТО, Министерство культуры, Евросоюз, совет Федерального собрания, ООН и партия «Единая Россия» (рис. 5).

Соединение в одном аналитическом поле всех указанных выше позиций, дает возможность сделать вывод о наличии на данный момент в Интернет пространстве управляемого контента, напрямую конструирующего одобряемую идеологию правящих элит. Это предположение подтверждает те личности, которые чаще всего упоминаются в статьях с искомым контентом (см. рис. 8). В контексте увеличения

популярности политических лидеров нашей страны, росте патриотизма и поддержки стратегических решений, мы можем говорить о положительной оценке формируемой и управляемой ценностно-смысловой конструкции. Конечно, анализ не затрагивал «неуправляемый» интернет, который является полигоном информационных войн и ценностно-смысловых реконструкций. На наш взгляд, сложность оценки «черного» контента, как и его масштаба, не должна создавать иллюзии «спокойствия и позитива». Более того, мы склонны предполагать, что положительный контент не выступает даже небольшой, статистически значимой частью всех смыслов в поле понятий «ценности России», представляемым в интернет-пространстве.

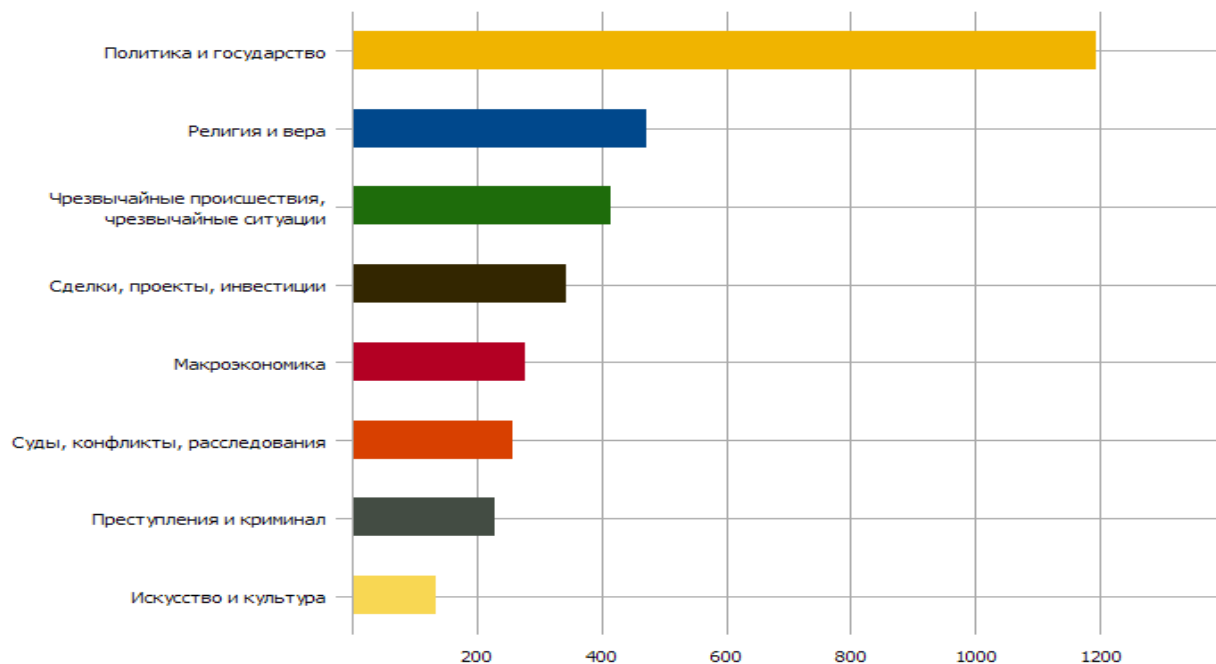

Рис. 6. Тематика статей, содержащих контентные единицы «ценности Евросоюза»
Fig. 6. Themes of articles containing the "values of the European Union" content-units

Для получения эффекта компаративного исследования, нами была предпринята попытка осуществить сравнительный анализ представленности в интернет СМИ контентных единиц «ценности Евросоюза». Несмотря на то, что возможности поисковой системы не позволяют охватить достаточное количество зарубежных источников, даже на первичном анализе мы получили 3 289 интернет статей за тот же период (2015 г.), с упоминанием указанного контента – что более чем в 3 раза превышает аналогичный контент с российским вектором (рис. 6).

Интересно, насколько различно распределение смыслов, связанных с контентом «ценности Евросоюза» – на первый план выходят смыслы, связанные с политикой и государством, далее идет религия и вера, на третьем месте – чрезвычайные происшествия. Интересен последующий ряд смыслов, который статистически не представлен в аналогичном контенте России – это макроэкономика, суды и конфликты, преступления и криминал. На последнем месте идет российский смысловой фаворит – искусство и культура.

Существующая разница в управляющих смыслах, дает нам серьезную информацию к размышлению – с одной стороны, большая публичность анализируемого контента Европейских стран говорит о большем внимании к проблеме конструирования смыслов, осознанности сложных, декларируемых конструктах и большем информационном поле их продвижения. Но с другой стороны – получившееся смысловое поле, содержащее обилие негативных конструктов, позволяет предположить наличие возрастающей угрозы неуправляемой реконструкции смыслов, и более того, окрашивание контента «ценностей Евросоюза» в тона негативной семантики. Возможно, информацией для дополнительного анализа могут стать и субъекты управления, упоминаемые в связи с ценностями Евросоюза – здесь, помимо непосредственных участников и пользователей данного контента, достаточно часто упоминаются конфликтующие или проблемные стороны политического взаимодействия (рис. 7).

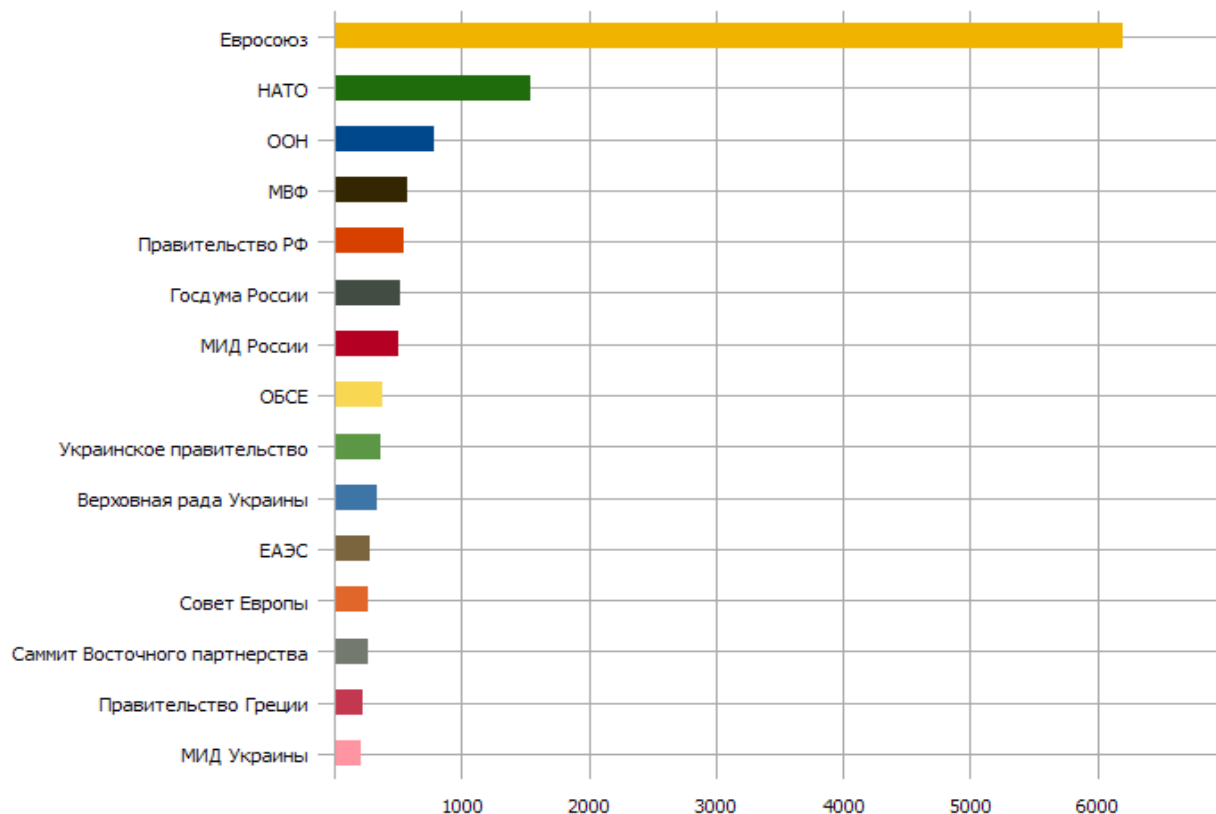
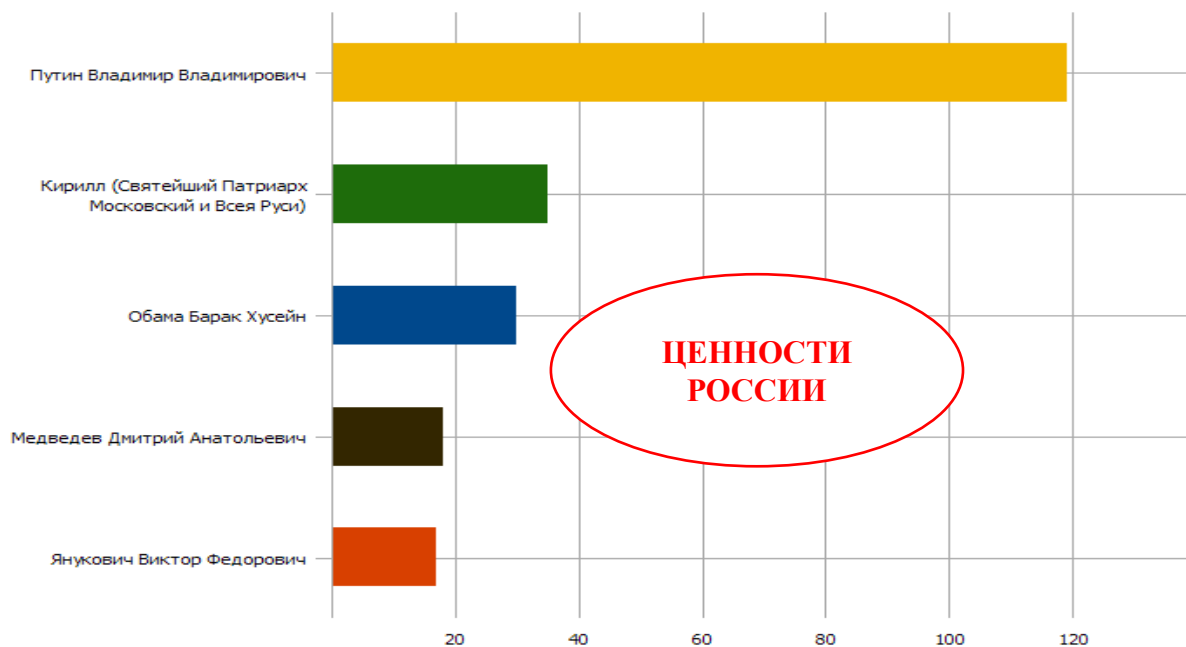

Рис. 7. Упомянутые организации в совместном контенте с «ценностями Евросоюза»
Fig. 7. Organizations mentioned in the joint content with the "values of the European Union"

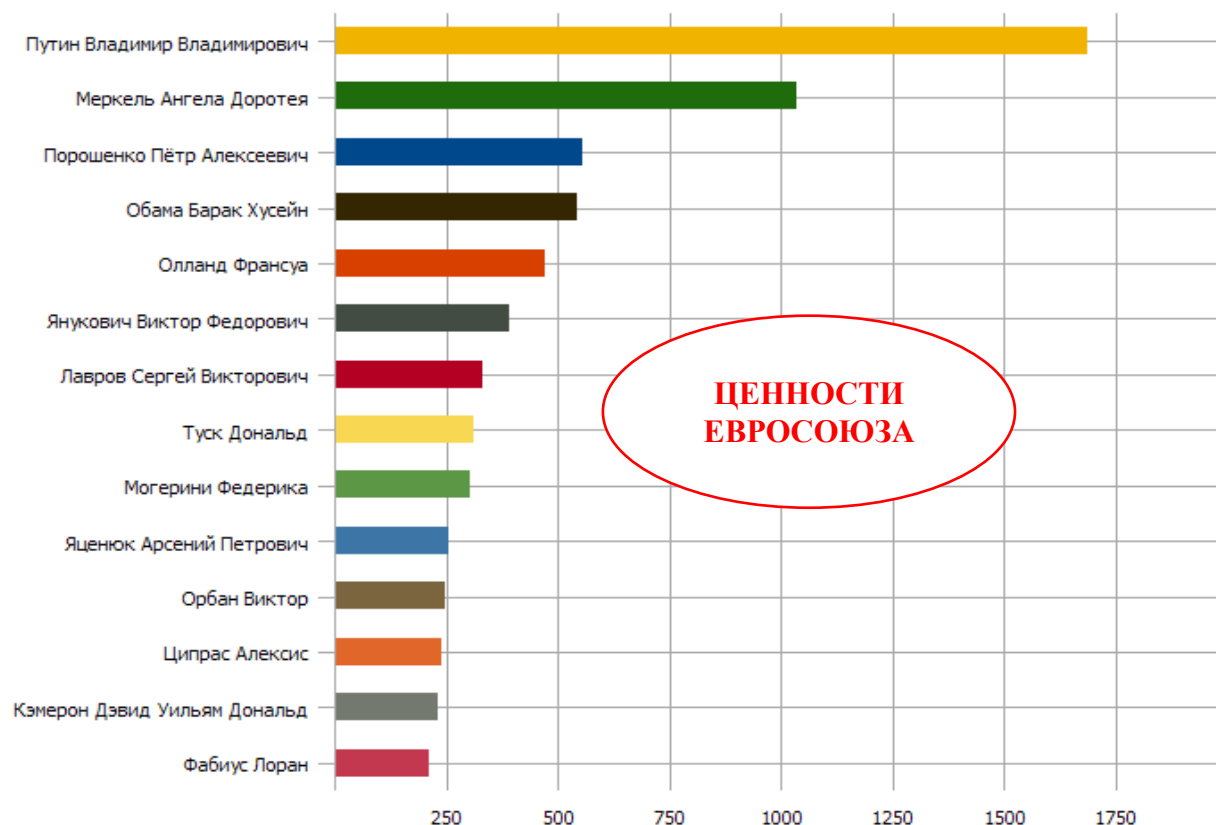

Рис. 8. Упомянутые персоны в совместном контенте с «ценностями Евросоюза» и «ценностями России»
Fig. 8. Persons mentioned in the joint content with "the European Union values" and "Russian values"

Интересна для анализа и группа личностей (чаще относящихся к политической элите), имена которых упоминаются в связи с указанными контентом. На рисунке 8 можно увидеть сравнительный анализ наборов ключевых фигур анализируемых статей и частоты их упоминания в анализируемых источниках.

Малая толика предложенного нами анализа ни коим образом не позволяет продемонстрировать всей сложности проблемы – как с позиции исследователя, так и с позиции управленца. Проблема формирования ценностно-смыслового контента и управление им в интернет-пространстве настолько актуальна, что задействует для своего решения целую сеть международных проектов и платформ, не только изучающих, но и активно создающих механизм управления таким контентом. Вот лишь некоторые из них:

1) университет Южной Калифорнии (University of Southern California), в рамках международного проекта «Центр цифрового будущего» (Center for the Digital Future) несколько лет проводит исследования по

изучению влияния интернета на социальные, экономические и политические процессы¹.

2) Британский Университет Саутгемтона (University of Southampton) и американский Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology) организовали совместную структуру под названием «Инициатива по исследованию Сети» (Web Science Research Initiative), в рамках которой изучаются научные, технические и социальные основы развития интернета².

3) В Оксфордском университете функционирует Институт Интернета (Oxford Internet Institute), по анализу проблем применения информационных технологий в управлении государством, влияния интернета на общество, науку и образование, здравоохранение, искусство³.

¹ Center for the Digital Future. URL: <http://www.digitalcenter.org/>. (дата обращения 20.05.2015).

² Web Science Research Initiative. URL: <http://www.webscience.org/>. (дата обращения 20.05.2015).

³ Oxford Internet Institute. URL: <http://www.oii.ox.ac.uk/>. (дата обращения 20.05.2015).

4) В Испании работают исследовательские группы «Laboratorio de Internet»¹ и «Observatorio de Ciencia y Tecnología en Internet»², занимающиеся изучением образовательной и научной деятельности в интернете, количественными и качественными оценками интернет-среды.

5) Для поддержки ученых, специализирующихся на изучении социальных проблем интернета, в 2006 году создана Глобальная академическая сеть (Global Internet Governance Academic Network ~ GigaNet)³, в рамках которой ведут свои исследования В. Клайнвэхтер (Wolfgang Kleinwächter), Дания; Д. Хоффман (Jeanette Hoffman), Германия; Ф. Чирико (Filomena Chirico), Голландия; Д. Сутер (David Souter), Великобритания; М. Марзуки (Meryem Marzouki), Франция; М. Мюллер (Milton Mueller) и Д. Мэтисон (John Mathiason), США; Д. Маклеан (Don MacLean), Канада; Киэнг Ху (Qiheng Hu), Китай и т.д.

6) Университет Вашингтона (University of Washington) с 2000 года реализуется проект «Центральная Азия плюс информационные и коммуникационные технологии» (The Central Asia + Information and Communication Technologies), в ходе которого изучается влияние интернета на культуру и общество и воздействие информационных технологий на жизнь в Центральной Азии, в том числе в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане⁴.

7) Региональный фонд цифровых инноваций Латинской Америки и островов Карибского моря (Regional Fund for Digital Innovation in Latin America and the Caribbean ~ FRIDA) поддерживает научно-исследовательские работы в области применения интернет-технологий в общественной, политической, образовательной, культурной, хозяйственной, бытовой и других

сферах жизнедеятельности населения Латинской и Южной Америки⁵.

8) В этом научном направлении работают также зарубежные социальные философы и социологи: М. Кастельс (Manuel Castells), США, Беркли; Б. Уэллман (Barry Wellman) и К. Хэйторнтвэйт (Caroline Haythornthwaite), США, Торонто; Г. Рейнгольд (Howard Rheingold), США, Калифорния; М. Бакарджиева (Maria Bakardjieva), Канада, Калгари; П. Коллок (Peter Kollock), США, Вашингтон; Л. Гурак (Laura J. Gurak), США, Миннесота; С. Кайзлер (Sara Kiesler), США, Питсбург; Н. Бэйм (Nancy Baym), США, Канзас; С. Хэрринг (Susan Herring) и Р. Клинг (Rob Kling), США, Индиана и др.

Для нашей же страны на данный момент, весомой научной проблемой является высокий уровень стохастичности формирования ценностно-смысловых паттернов России в интернет-среде, как во внешнем локусе (представление о Российских ценностях и смыслах у мирового сообщества) так и внутри страны (ценностно-смысловые конструкции современных россиян). Неуправляемость процесса конструирования и реконструирования аксиологических и атрибутивных паттернов трансформируется в барьер международных коммуникаций, стратегического развития нации, достижения единства народа. И конкретной задачей, на решение которой необходимо направить ресурсы, становится создание информационно-аналитической системы контроля за динамикой конструирования ценностно-смысловых паттернов России в интернет-пространстве. Масштаб задачи предполагает определенные шаги, которые могли бы обеспечить ее решение. На наш взгляд, они могут быть следующими: диагностика и оценка современного состояния ценностно-смысловых конструкций, обусловленных интеграцией россиян в мировое интернет-пространство; определение национального, стратегически-значимого ценностно-смыслового сценария России и компарирование полученного прототипа с существующей реальностью, сконструированной в интернет-пространстве; проектирование информационного продукта анализа интернет-пространства, как конструктора ценностно-смысловых паттернов россиян.

¹ Laboratorio de Internet. URL: <http://www.labint.frba.utn.edu.ar/>. (дата обращения 20.05.2015).

² Observatorio de Ciencia y Tecnología en Internet. URL: <http://www.labint.frba.utn.edu.ar/>. (дата обращения 20.05.2015).

³ Global Internet Governance Academic Network ~ GigaNet. URL: <http://internetgovernance.org/>. (дата обращения 20.05.2015).

⁴ The Central Asia + Information and Communication Technologies. URL: <http://depts.washington.edu/caict/index.php>. (дата обращения 20.05.2015).

⁵ Regional Fund for Digital Innovation in Latin America and the Caribbean. URL: <http://www.programafrida.net/>. (дата обращения 20.05.2015).

Литература

1. Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний. М., Логос, 2010. 248 с.
2. Борисова М.Н. Взгляд на становление и проблемы развития информационного общества // Молодой ученый. 2015. №19. С. 557-560.
3. Иванов Д.В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество: сб. М.: АСТ, 2004. С. 355-428.
4. Клочкова Е.Н. Оценка эффективности развития информационного общества в России и некоторых странах мира // Информационное общество. 2014. №2. С. 49-58.
5. Колин К.К. Качество жизни в информационном обществе // Человек и труд. 2010. №1.
6. Колков А.И. От информационного общества – к обществу интеллектуальному // Информационные ресурсы России. 2010. №1. С. 2-3.
7. Лопатина Н.В. Информационная инфраструктура общества: современные проблемы функционирования и развития // Информационные ресурсы России. 2014. №2. С. 13-15.
8. Лысенко А.Е. Взгляд на развитие информационного общества, основанного на равных возможностях // Информационное общество. 2010. №1. С. 32-40.
9. Ровинская Т.Л. Информационное общество: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №9. С. 81-90.
10. Скородумова О.Б. Социокультурные функции Интернета и особенности их реализации в современной России. М., 2003.
11. Усынин Ю.К. Трансформация коммуникативного пространства власти и общества в контексте развития информационных технологий // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. №1. С. 37-44.
12. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.
13. Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148-151.
14. Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980.
15. Castells M. Communication Power. USA: Oxford University Press, 2009.
16. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash.: World Future Soc., 1983
17. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge: Polity Press, 1990
18. Stonier T. The Wealth of Information: A Profile of the Post-Industrial Economy. London, 1983.
19. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization: The Politics of The Third Wave. Atlanta: Turner Publishing. 1995.

References

1. Behmann G. Modern Society: the Risk Society, the Information Society, the Knowledge Society. Moscow. Logos. 2010. 248 p.
2. Borisova M.N. A Look at the Formation and Problems of Development of the Information Society // Molodoy Ucheny. 2015. №19. Pp. 557-560.
3. Ivanov D.V. Society as a Virtual Reality. Informationsionnoe Obschestvo. Moscow. AST. 2004. Pp. 355-428.
4. Klochkova E.N. Evaluating the Effectiveness of the Information Society Development in Russia and some Countries of the World. Informationsionnoe obschestvo. 2014. №2. Pp. 49-58.
5. Colin K.K. The quality of life in the information society. Chelovek i trud. 2010. №1.
6. Kolkov A.I. From the Information Society – to the Intellectual Society. Informationsionnye Resursy Rossii. 2010. №1. Pp. 2-3.
7. Lopatin N.V. Information Infrastructure of Society: Contemporary Problems of Functioning and Development. Informationsionnye Resursy Rossii. 2014. №2. Pp. 13-15.
8. Lysenko A.E. A View on the Development of the Information Society Based on Equal Opportunities. Informationsionnoe Obschestvo. 2010. №1. Pp. 32-40.
9. Rovinskaya T.L. Information Society: Theory and Practice. Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnyie Otnosheniya. 2010. №9. Pp. 81-90.
10. Skorodumova O.B. Socio-cultural Features of the Internet and the Peculiarities of their Realization in Modern Russia. Moscow. 2003.
11. Usynin J.K. Transformation of Communicative Space of the Authorities and Society in the Context of Development of Information Technologies. Vestnik Povolzhskoy Akademii Gosudarstvennoy Sluzhby. 2013. №1. Pp. 37-44.
12. Webster F. Theories of the Information Society. Moscow. Aspekt Press. 2004. 400 p.
13. Shapovalova I.S. The Impact of Internet Communications Behavior and Intellectual Development of Young People. Sotsiologicheskie Issledovaniya. 2015. № 4. Pp. 148-151.
14. Bell D. The Social Framework of the Information Society. Oxford, 1980.
15. Castells M. Communication Power. USA. Oxford University Press, 2009.
16. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society. Wash. World Future Soc., 1983
17. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge: Polity Press, 1990
18. Stonier T. The Wealth of Information: A Profile of the Post-Industrial Economy. London, 1983.
19. Toffler A., Toffler H. Creating a New Civilization: The Politics of The Third Wave. Atlanta. Turner Publishing. 1995.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-2-63-69

Шмарин Ю.В.¹⁾
Нарбаев Д.Ю.²⁾
Благинин В.С.³⁾

**СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОЦЕССУ
ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**

- 1) доктор социологических наук, профессор. Липецкий Государственный Педагогический Университет ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия. Электронный адрес: jbshmarion@mail.ru
2) старший лаборант кафедры социологии. Липецкий Государственный Педагогический Университет ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия. Электронный адрес: jbshmarion@mail.ru
3) заведующий лабораторией социологических исследований. ул. Ленина, 42, Липецк, 398020, Россия Электронный адрес: jbshmarion@mail.ru

Аннотация. Проблема разработки социальных технологий берёт свое начало на заре XX века. В условиях научно-технического прогресса, изменений, подчас революционных, мировой политической системы и возрастающей сложности и неоднородности социальных явлений перед человечеством встала задача – каким образом провести масштабные преобразования в обществе, основываясь при этом на достижения социологического знания и его теоретико-методологической базы? Каким образом максимально быстро осуществить переход от одного состояния общества или его отдельного элемента к другому при минимальных ресурсозатратах?

Вклад в превращение социально-технологического подхода в научную парадигму на протяжении века вносили выдающиеся мыслители своего времени, начиная с признанных мировых классиков социологии, таких как К. Манхейм и К. Поппер и заканчивая современными исследователями в самых различных отраслях социологического знания.

Социальные технологии представляют собой эффективный инструмент управления самыми различными социальными явлениями и процессами. Внедрение, в частности, социальных технологий в процесс формирования здорового образа жизни населения позволяет одновременно максимально быстро решать поставленные задачи по совершенствованию здоровьесберегающей деятельности и получать максимально эффективные результаты, отражающиеся на всех сферах человеческой деятельности.

В статье рассмотрены проблемы интерпретации термина «социальные технологии», проанализированы общность и различия подходов к интерпретации данного понятия в работах зарубежных и отечественных социологов, а также выявлены возможности практического применения социальных технологий в процессе формирования здорового образа жизни населения и проведении здоровьесберегающих мероприятий.

Ключевые слова: социальные технологии; факторы образа жизни; технологизация; социальное проектирование.

Shmarion Yu.V.¹⁾
Narbaev D.Yu.²⁾
Blaginin V.S.³⁾

**THE SOCIO-TECHNOLOGICAL APPROACH TO THE FORMATION
OF A HEALTHY LIFESTYLE**

- 1) Doctor of Sociological Sciences, Professor. Lipetsk State Pedagogical University 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia. E-mail: jbshmarion@mail.ru
2) Senior Laboratory Assistant, Department of Sociology. Lipetsk State Pedagogical University 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia. E-mail: jbshmarion@mail.ru
3) Head of the Laboratory of Sociological Researches. Lipetsk State Pedagogical University 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia. E-mail: jbshmarion@mail.ru

Abstract. The problem of development of social technologies takes its origin at the dawn of the twentieth century. The scientific and technical progress, revolutionary changes of the world political system and the increasing complexity and heterogeneity of social phenomena to humanity faced a problem – how to carry out large-scale transformations in society, building on the achievements of the sociological knowledge and its theoretical and methodological basis?

How to quickly make the transition from one state of society or an individual element to another with minimal resource consumption?

Karl Mannheim, Karl Popper and also many other classics of sociology and modern scientists in various branches of the sociological knowledge contributed to the transformation of the socio-technological approach in the scientific paradigm.

Social technologies are an effective tool for managing a wide variety of social phenomena and processes. The introduction, in particular, of social technologies in the process of formation of a healthy lifestyle can simultaneously quickly solve the problems of healthcare activities and obtain the most effective results reflected in all spheres of human activity.

The article deals with the problem of interpretation of the term “social technology”, analyzes the differences and similarities of approaches to the interpretation of this concept in the works of foreign and domestic sociologists, as well as identifying the possibilities of practical applications of social technologies in the process of formation of a healthy lifestyle and healthcare activities.

Keywords: social technologies; lifestyle factors; technologization; social designing.

На данном этапе развития человечества, социальные инновации, выражающиеся в создании качественно новых общественных форм, систем и институтов социального взаимодействия оказывает существенное влияние на уровень и качество жизни людей. Одним из ключевых и наиболее динамично развивающихся типов социальных инноваций являются социальные технологии. Особую значимость и важность социальные технологии приобретают в нынешней России, стремящейся к историческому преобразованию от жестко контролируемого и спланированного общества к демократической организации в самых различных сферах жизни от экономики до политики. Проблема социальной технологизации приобретает огромное значение ввиду потребности общества и личности в технологиях самоорганизации и самообучения, позволяющих при минимальных затратах повысить уровень своих знаний и квалификации достичь более высокий уровень и качество жизни.

Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи в процессе разработки и внедрения социальных технологий (СТ), является неоднозначная и несколько размытая интерпретация данного понятия. Часть ученых стремится выделить данную научную категорию в некий универсалий, позволяющий рассматривать СТ как некую научную парадигму, обобщающую теоретические разработки в области социальной технологизации. Другая же часть, анализируя термин «социальная технология», отталкивается от общности данного понятия со сферой производства, трактуя технологизацию в контексте актуального технологического процесса, рационализирующего и оптимизирующего производственную деятельность.

Для уточнения и дальнейшего анализа сущности СТ целесообразно выявить теоретические предпосылки появления данного термина и

проследить особенности его развития и преобразования в рамках социологического знания.

Пионером в области определения сущности СТ является австрийский и британский видный мыслитель XX века Карл Поппер, рассматривающий СТ как некий процесс, в основе которого лежит применение достижений социологического знания в ходе модернизации и преобразования социальных явлений и институтов. Помимо, собственно, попытки интерпретации понятия, Поппер предложил идею укрупненной классификации СТ, разделив их на две больших группы: частичные и холистские. Холистские, они же, по его мнению, утопические, СТ предстают в качестве методологической основы деятельности по реформированию отдельных элементов социальной реальности в социально-экономической сфере, ориентированных на преобразования управленческой деятельности в организациях, в технологиях воздействия и формирования общественного мнения и т.п. Частичные СТ в воззрении ученого апеллируют к конкретным методическим приемам, позволяя корректировать процесс целеполагания, учитывая при этом возможные последствия и результаты, а также непосредственно контролировать и корректировать изменения в исследуемых структурах [5].

Большой вклад в развитие идеи СТ внесли отечественные ученые, среди которых В.С. Дудченко, В.В. Щербина, Л.Я. Дятченко, Т.М. Дридзе, А.К. Зайцев, В.К. Тарасов, Ж.Т. Тощенко, И.Т. Касавин, Б.Г. Юдин и др.

В.С. Дудченко подчеркивал общность социальной технологизации с процессом социального проектирования, представляя социальные технологии в качестве инструментария осуществления социальных инноваций, направленных на усовершенствование моделей организационного

управления и преобразования социальных отношений [3].

В.В. Щербина представлял СТ в виде своеобразного алгоритмически заданного процесса, представляющего собой совокупность стандартизированных методов организации управленческой деятельности [12].

Л.Я. Дятченко в своих работах связывает СТ с оптимизацией человеческой жизнедеятельности, анализируя развитие идей технологизации в контексте исторического развития СССР и постсоветской России. По мнению ученого, СТ являются собой универсальный инструмент, позволяющий в кратчайшие сроки и при минимальных затратах человеческого капитала проводить общественно ориентированные преобразования в сфере управления, экономики и личностного развития [4].

В работах Т.М. Дридзе СТ выступают как инструмент социального проектирования и прогнозирования. Социальную технологизацию автор связывает с разработкой образцов принятия решений в управленческой деятельности, позволяющей применять набор клишированных действий разрешения типовых задач, для устранения социальных проблем [2].

В.К. Тарасов, анализируя процесс социальной технологизации в контексте управленческой сферы, утверждает, что СТ представляет собой модель поведения, усваивая которую индивид способен наиболее эффективно проявить себя в процессе интеракции с персоналом организации [10].

Ж.Т. Тощенко расширяет сферу использования СТ, классифицируя их по типу принадлежности к определенной сфере: духовной, экономической и социальной [11].

Особенность научно-исследовательской деятельности И.Т. Касавина в вопросах изучения сущности СТ заключается в критике общепринятых воззрений на технологизацию, объединяющей в себе формализованную рациональную деятельность и совокупность социальных практик [6].

Б.Г. Юдин обращается к политическим дисциплинам при анализе природы СТ, представляя их в формате воспроизводимой обществом деятельности, связанной с проектированием социальной реальности [13].

Кроме неоднозначной интерпретации понятия СТ, существует также и некоторое противоречие в процессе непосредственного применения достижений социологического знания в контексте социальной технологизации.

Многие ученые небезосновательно подчеркивают универсальность данной идеи, однако анализ исследовательских работ показывает, что сфера применения СТ ограничивается, как правило, управленческой средой и, реже, экономическими и социально-политическими процессами.

Также, среди проблем создания и внедрения СТ следует отметить не востребованность инновационного потенциала людей, происходящую в результате нарастающего разрыва между научно-техническим и социальным прогрессом ввиду разности характера их протекания. Технической модернизации свойственно революционное, скачкообразное развитие. Социальные же преобразования происходят, как правило, эволюционным путём по мере осознания обществом своего текущего положения, осмысления необходимости преобразования и целенаправленного движения вверх к вершине социального прогресса. Наличие у СТ ключевых признаков и особенностей технологий производственных ставит процесс технологизации в двойственное положение – с одной стороны, используя достижения теоретико-методологической базы и опираясь на репрезентативные эмпирические данные, СТ способны отвечать трендам научно-технического прогресса, представляя собой оптимальное средство достижения целей при минимальных ресурсозатратах. С другой, зачастую, как общество, в целом, так и управленческий аппарат, в частности, не способны осознать важность человеческих ресурсов и степень влияния социальных технологий на их мобилизацию, организацию, координацию и мотивацию к целедостижению.

Социальные технологии выступают в роли особого связующего звена между объективно происходящими процессами и субъективной деятельностью индивидов, связывают её с социальным управлением в котором социальная технологизация обеспечивает работу механизмов системы социального управления. В СТ происходит «преобразование объективных законов в механизм социального управления, т.е. «перевод» абстрактного научного языка на конкретный язык нормативов, предписаний, решений, направляющих и мотивирующих человека на эффективный результат в процессе достижения поставленных целей» [1, с. 369].

В социальных процессах, при создании условий для их технологизации, важно учитывать:

– общность потребностей и заинтересованность как коллектива, так и отдельной личности в достижении результата;

– профессиональный и личный потенциал (образование, практические знания и навыки, нравственные качества и др.).

Условия, при которых СТ достигают максимальной эффективности, можно разделить на несколько групп:

а) Наличие у технологии определенных свойств, среди которых:

1. Привлекательность цели;
2. Простота обоснования цели;
3. Возможность гибкого применения

процедур;

4. Надежность теоретического и методического обеспечения деятельности, наличие практического опыта и профессиональных компетенций;

5. Оптимизированность целедостижения процесса воспроизводства (социальная, социально-психологическая, организационная, экономическая и др.). Цели воспроизводства при этом стоят выше целей производства;

6. Отсутствие противоречий между: операциями и процедурами СТ; уровнями качества воспроизведения СТ; субъектом и объектом в технологизационной деятельности.

б) Обладание основными признаками технологизации:

1. Разделение;
2. Разграничение;
3. Декомпозиция социального процесса на взаимосвязанные ступени, этапы;
4. Строгая поэтапная деятельность;
5. Однозначность исполнения операций и процедур;

6. Возможность дальнейшего применения технологизационных наработок в процессе решения типовых задач по преобразованию и изменению качественного состояния социальных процессов.

в) Обязательность выполнения условий технологизации:

1. Наличие определенной степени сложности объекта;
2. Знание элементов структуры объектов, характеристик и особенностей функционирования;
3. Формализованность процессов, возможность их представления в виде комплекса операций и процедур;

4. Наличие у данных операций системы конкретных показателей и приемов диагностики их состояния [8].

В практике социального управления процесс технологизация осуществляется в несколько этапов:

1. Восприятие (познавательный и созерцательный);

2. Поиск (экспериментальный и инициативный);

3. Формирование реальной потребности в технологии и внедрение её систематического использования [9].

Первый этап технологизации проявляется при:

а) отсутствии материальной заинтересованности в организации;

б) превышении резервов социального потенциала над их реальной потребностью;

в) отсутствии ответственности (экономической, социальной, правовой и др.) за пользование трудовыми ресурсами.

При данных условиях информация об применении СТ представляется в качестве созерцательного и познавательного процесса. Информация не призывает к познанию сути социальных технологий, условий, в которых они используются в комплексе производственной деятельности.

Второй этап проявляется в условиях потребностей личности, трудового коллектива и др. в организации динамики экономической результативности производства. Это особенно четко проявляется в процессе развития различных форм собственности, экономических отношений, изменения личностной мотивации на производственную деятельность, происходит процесс приобретения принципиально новых качественных знаний, разрабатываются методы их освоения и накопления.

На третьем этапе происходит формирование системы устойчивых мотивационных установок индивида и трудового коллектива, направленных на повышение эффективности производства. Реализуется комплексный подход к деятельности по раскрытию технического, экономического и социального потенциала. Происходит переориентация управленческой деятельности на выявление и освоение различных источников ресурсов, в т.ч. человеческих. Все виды ресурсов направлены на рациональное и эффективное использование интеллектуальных возможностей коллектива. Уровень наукоемкости в таких условиях прямо пропорционален требованиям к

управленческой деятельности, производящейся на основе социальных технологий.

Наряду с отмеченными выше, традиционно выделяют следующие этапы технологизации:

1. Теоретический. На данном этапе происходит определение предметно-объектной области технологизации, целеопределение, декомпозиция объекта на составные элементы и определение социальных связей между декомпозированными частями социального объекта.

2. Методический. Определение используемых методов, анализ средств получения необходимой информации, её анализ, интерпретация и разработка конкретизированных рекомендаций и выводов, определение вектора последующей деятельности.

3. Процедурный. Включает в себя организацию практической деятельности по, непосредственно, созданию СТ [9].

Синтез теоретической базы, методического комплекса и практической деятельности представляет собой систему разработки СТ, состоящей из процедур, каждая из которых, в свою очередь, является совокупностью конкретных операций.

Объединение и переосмысление ключевых моментов во множестве трактовок термина социальной технологизации позволяет совершить попытку создания собственной интерпретации данного понятия. Таким образом, можно сказать, что социальная технологизация - это совокупность конкретных методов и процедур по созданию институтов, проектов и моделей общественного поведения, позволяющих на основе достижений социологического знания оптимизировать процесс преобразования какого-либо элемента социальной реальности.

Иными словами, технологизация упрощает переход от одного состояния социального объекта к другому, качественно новому, состоянию. Конкретным примером такого перехода от стадии стагнации к стадии развития может выступать состояние здорового образа жизни (ЗОЖ) населения. Важность проблемы технологизации здорового образа жизни детерминирована его прямым воздействием на процесс созидания физически и нравственно здорового общества, его стабильность и авторитет на геополитической арене. Здоровье населения выступает одним из ключевых показателей, напрямую отражающий уровень жизни граждан.

Проблема формирования ЗОЖ у населения актуализируется рядом политических и демографических процессов, возрастающими

социальными, экономическими и экологическими рисками. Система здравоохранения из базового общественного института преобразуется в ключевой способ инвестирования в человеческий капитал. В области экономики здоровье выступает одним из ключевых факторов производства, прямо пропорционально влияющим на состояние экономики в целом. Высокий уровень здоровья и качества жизни населения позволяет более полно реализовать его творческий и интеллектуальный потенциал.

Существует целый ряд определений понятия ЗОЖ, апеллирующих к различным сферам социальной жизни, однако объединяющей категорией в многообразии интерпретаций данного термина является представление ЗОЖ как совокупности форм деятельности, направленной на создание благоприятных (физических, психологических, социальных и т.д.) условий жизни человека. Социологический аспект ЗОЖ четко выражен в нескольких направлениях.

Во-первых, здоровый образ жизни отражает личностные установки индивида, содержит в себе определенные способы осуществления повседневной деятельности, модели поведения, непосредственно связан с социальной интеграцией и социальной самореализацией, личностной мотивацией и реализацией физических и интеллектуальных способностей, целей и амбиций.

Во-вторых, изучение ЗОЖ, как одной из фундаментальных общественных ценностей, позволяет получить представление, в целом, о культурном уровне общества.

В-третьих, говоря о применении социальных технологий в процессе формирования ЗОЖ населения, стоит отметить всеобъемлющий характер механизмов технологизации в контексте данного элемента социальной реальности. Социальные технологии ЗОЖ реализуются как на организационном, так и на исполнительском уровне общественной деятельности.

ЗОЖ напрямую зависит от нескольких факторов:

1. От системы надличностных установок, ценностных отношений и ориентаций, сложившихся в обществе на данном историческом этапе его развития;

2. От выработанных форм и способов ведения деятельности – трудовой, семейно-бытовой, досуговой и т.д.;

3. От объективных социальных условий [7].

Согласно данным эмпирических социологических исследований, посвященных

изучению состояния здорового образа жизни населения, проводимых Институтом независимых социологических исследований с 2012 года на территории муниципальных образований Липецкой области, социальные условия в схожих административно-территориальных единицах однородны и образуют объективные закономерности в сфере форм быта, доступности и качестве здравоохранительных и здоровьесберегающих услуг, что, в свою очередь, позволяет успешно и результативно реализовать социальные технологии формирования ЗОЖ, разработанные с учетом особенностей того или иного федерального субъекта.

Применение СТ в сфере формирования и поддержания ЗОЖ населения можно условно разделить на несколько этапов.

1) Анализ состояния образа жизни населения при помощи совокупности количественных и качественных методов социологического исследования;

2) Выявление проблемных кластеров в механизмах формирования и поддержки здорового образа жизни;

3) Разработка комплекса мер по модернизации инфраструктуры, информационных каналов, социальных отношений и институтов.

Последний этап подразумевает конкретные действия по созданию механизмов преобразования текущего состояния объекта. Если, к примеру, в ходе исследования состояния здорового образа жизни населения выявлены проблемы в инфраструктуре спортивных объектов и учреждений здравоохранения и физической культуры, то мероприятия по решению данной задачи проводятся органами власти и представителями бизнеса путём целенаправленного инвестирования и создания координирующих организаций. Проблемы некачественного медиа-контента, направленного на популяризацию ЗОЖ, и недостатка информации решаются силами средств массовой информации с помощью хорошо отлаженных технологий и методов воздействия на массовое сознание. Выявление потребности в специализированных учреждениях поддержки ЗОЖ открывает возможности для создания новых и институционализации уже имеющихся объединений в ранг полноценных организаций.

Трансформация данных этапов в общепринятый алгоритм позволяет оптимизировать решение социальных задач, стоящих перед государством. Рационализация

решений социальных проблем представляет собой истинную суть процесса социального технологизирования.

Технологизация выполняет не только проектно-прогностическую, но и охранительную и интегрирующие функции. Первая функция выражается в предупреждении социальной напряженности посредством среза настроений общества, состояния волнующих его проблем. Интегративная функция социальных технологий состоит в мобилизации общественных сил, направленных на решение общественно важных и насущных задач.

Данный подход к СТ позволяет выявить принципиально иную особенность важности их исследования и внедрения в повседневную жизнь. Совокупность объединительных и мобилизационных свойств СТ, а также их практическая значимость в решении социальных проблем позволяют представить технологизацию как фундаментальную основу создания гражданского общества – отношений общественной солидарности с высоким уровнем социальной активности, правовой культуры, политической силы и экономики, характеризующихся преследованием глобальных и долгосрочных целей в сфере общественного развития.

В контексте процесса формирования здорового образа жизни населения социальной технологизации отводится особая роль. Уже само по себе здоровье предстает всеобъемлющим элементом любой сферы жизни социума. Основа развития любого общества и укрепления государственности – человеческий ресурс, поддержание которого является основной задачей здравоохранительных и спортивных проектов. Социальные технологии определяют ключевые направления деятельности данных проектов, систематизируют и повышают её эффективность.

Литература

1. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Омега-Л, 1981. 432 с.
2. Дридзе Т.М. Прогнозное проектирование в социальной сфере, как фактор ускорения социально-экономического и научно-технического прогресса: теоретико-методологические и технологические аспекты // Теоретико-методологические проблемы социального прогнозирования. М., 1986. С. 84-125.
3. Дудченко В.С. Инновационные технологии. М., 1996. 136 с.
4. Дятченко Л.Я. Социально-технологическая культура менеджеров: проблемы исследования и формирования // Формирование и развитие социально-

технологической культуры специалиста. Белгород: БГУ, 2010.

5. Ионин Л.Г. Технология социальная // Современная западная социология. Словарь. М., 1990. 289 с.

6. Касавин И.Т. Социальные технологии и социальные практики // Эпистимология и философия. Наука. 2012. Вып. XXXI. №1. С. 52-55.

7. Мартыненко А.В., Валентик Ю.В., Полесский В.А. и др. Формирование здорового образа жизни молодёжи. М.: Медицина, 1988. 192 с.

8. Патрушев В.И. Введение в теорию социальных технологий. М.: Икар, 2008. 222 с.

9. Социальные технологии: Толковый словарь / Отв. ред. В. Иванов. Москва-Белгород: Луч-Центр социальных технологий, 1995. 309 с.

10. Тарасов В.К. Персонал – технология. Отбор и подготовка менеджеров. Л.: Машиностроение, 1989. 368 с.

11. Тощенко Ж.Т. Социальные технологии // Тезаурус социологии. М., 2009. С. 423-428.

12. Щербина В.В. Социолого-диагностические технологии в управлении: теоретико-методологические аспекты развития и применения // Социологические исследования. 2007. № 3. С.19-28.

13. Юдин Б.Г. Социальные технологии, их производство и потребление // Эпистимология и философия. Наука. 2012. Вып. XXXI. №1. С. 55-64.

References

1. Afanasyev V.G. Society: Consistency, Knowledge and Management. Moscow. Omega-L. 1981. 432 p.

2. Dridze T.M. Predictive Design in the Social Sphere, as a Factor in the Acceleration of Socio-economic and Scientific-technical Progress: Theoretical,

Methodological and Technological Aspects. Theoretical and methodological problems of social forecasting. Moscow. 1986. Pp. 84-125.

3. Dudchenko V.S. Innovative Technologies. Moscow. 1996. 136 p.

4. Dyatchenko L.J. Socio-technological Culture Management: Problems of Research and Formation. Formation and Development of Socio-technological Culture Specialist. Belgorod. BSU. 2010.

5. Ionin L.G. Social Technology. Modern Western Sociology. Dictionary. Moscow. 1990. 289 p.

6. Kasavin I.T. Social Technologies and Social Practices. Epistimology and Philosophy. The Science. 2012. Vol. XXXI. №1. Pp. 52-55.

7. Martynenko A.V., Valentik Yu., Poleski V.A. et al. Formation of a Healthy Way of Life of Young People. Moscow. Medicine. 1988. 192 p.

8. Patrushev V.I. Introduction to the Theory of Social Technologies. Moscow. Icarus, 2008. 222 p.

9. Social Technologies: Explanatory Dictionary / Ed. V. Ivanov. Moscow-Belgorod. Luch-Center of Social Technologies. 1995. 309 p.

10. Tarasov V.K. Staff – Technology. The Selection and Training of Managers. L. Engineering. 1989. 368 p.

11. Toshchenko Z.T. Social Technologies. Thesaurus of Sociology. Moscow. 2009. Pp. 423-428.

12. Shcherbina V.V. Sociological and Diagnostic Technology in Management: Theoretical and Methodological Aspects of the Development and Application. Sociological Studies. 2007. № 3. Pp.19-28.

13. Yudin B.G. Social Technologies, Production and Consumption. Epistimology and Philosophy. The Science. 2012. Vol. XXXI. №1. Pp. 55-64.